

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

В.В. ВАНЧУГОВ

ЭТНОСОФИЯ: ОБРАЗЫ НАЦИЙ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Учебное пособие

**Москва
2008**

ПРОГРАММА КУРСА

Назначение курса - на основе историко-философского материала выявить этнософический материал, принадлежащий российским мыслителям, составить на его основе "этнософические портреты", философские образы наций: этнософические портреты: "француз"; "немец"; "англичанин"; этнософические портреты различных европейских народов, этнософический портрет "европеец"; "американец"; "русский". В ходе этого обзора реконструируются портреты\образы различных народов\наций, которые формировались в интеллектуальной среде российского общества. По итогам исследования, основанного не только на историко-философском, но и на культурологическом материале, магистры смогут затронуть проблемы межнациональных (межкультурных, межцивилизационных) отношений, которые осуществляются посредством личностных, индивидуальных контактов, выявить, что оказывает решающее влияние при принятии решений – экономических, политических, социальных и т.д. (на уровне индивидов, групп, социальных институтов): личный опыт индивида, или обобщенные представления, стереотипы, штампы о том или ином народе, формируемые и поддерживаемые в сфере философии, религии, искусства?

Курс состоит из 8 тем. Содержание курса представлено в виде связанной иерархической структуры, организованной как гипертекст, выполненный в html-формате. Текстовый материал сопровождается графическим материалом.

ТЕМА 1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ. ЭТНОСОФИЯ.

1.1. Философия как форма национального самосознания. Этнософия (философское страноведение)

1.2. Источники этнософии

1.3. Этнософические "портреты"

ТЕМА 2. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "ФРАНЦИИ", "ФРАНЦУЗА".

2.1. Образ "Франции" и "француза" в России XVIII в.

2.2. Образ "Франции" и "француза" в России XIX в.

ТЕМА 3. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: "ГЕРМАНИЯ", "НЕМЕЦ".

3.1. Литературная и философская основа этнософического портрета "немца" и "Германии"

3.2. Музыкальная основа этнософического портрета "немца" и "Германии". От сравнения – к самопознанию

3.3. Первая мировая война и национальное самосознание в области философии

ТЕМА 4. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: "АНГЛИЯ", "АНГЛИЧАНИН".

4.1. Образ "англичанина" и "Англии"

4.2. Национальный характер сквозь призму философии

ТЕМА 5. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: "АМЕРИКА", "АМЕРИКАНЕЦ".

5.1. Реальная история и литературные фантазии в образе "Америки" и "американца"

5.2. "американизм" и "прагматизм"

5.3. Американский характер сквозь призму религии и сферы образования

5.4. Американский дух и американская философия

ТЕМА 6. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "ВОСТОК": КИТАЙ.

6.1. Освоение "желтого" востока

6.2. Поиск "первоэлементов" китайской цивилизации

6.3. Желтый "цвет" китайской культуры... "китайщина", "китаизм", "желтая опасность"

ТЕМА 7. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "ВОСТОК": ЯПОНИЯ.

7.1. Освоение "желтого" востока: Япония

7.2. Желтый "цвет" японской культуры. Панмонглолизм, "желтая опасность"

ТЕМА 8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРЕЖНИЕ СТЕРЕОТИПЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ. ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ "ДРУГОГО"

8.1. От образа наций - к образу Европы

8.2. Постижение другого как основа взаимного понимания

ТЕМА 1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ. ЭТНОСОФИЯ

1.1. ФИЛОСОФИЯ КАК ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ. ЭТНОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ)

1.2. ИСТОЧНИКИ ЭТНОСОФИИ

1.3. ЭТНОСОФИЧЕСКИЕ "ПОРТРЕТЫ"

1.1. ФИЛОСОФИЯ КАК ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ. ЭТНОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ)

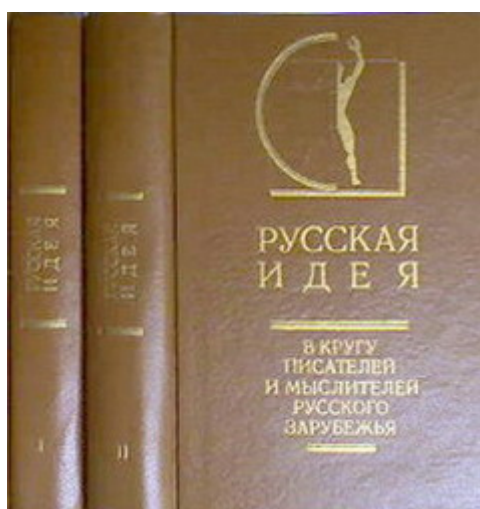
Философия для цивилизации все еще не только необходимый элемент, но и форма, в которой она находит свое существенное выражение. Понимание сути философских проблем варьируется не только у

различных народов, но и внутри каждого из них. В зависимости от времени происходят перемены в определении целей философии, и все эти изменения фиксируются историей философии. Главное, что требуется от философии независимо от времени и места — разрешение мировоззренческих проблем в принятых той или иной культурой приемах объяснения, гарантирующего хотя бы приблизительное понимание. А потому хотя проблемы остаются неизменными, приемы и терминология находятся в процессе постоянного обновления. Такие проблемы, как "в чем смысл жизни?", "откуда все произошло?", "что значит знать?" и тому подобные передаются от поколения к поколению, словно проверяя интеллект наследников на умение приспособливаться к вечному, неизбежному, на способность жить в ситуации условно решенных проблем... Всякий раз жить приходится так, как если бы важнейшие проблемы были действительно решаемы. Применительно к

своему времени потомки по-своему решают ту проблему, с которой не менее своеобразно справлялись предки. Но накопление опыта, осуществляемое историей философии, нисколько не облегчает решения проблем — задачи все те же, возрастает точность их описания, но мы столь же далеки от всеведения, как и наши предки.

Как системообразующий элемент философия распространяется не тольковширь (географически), но и вглубь цивилизации. Движение вглубь проявляется в том, что время от времени среди интеллектуалов того или иного народа с особой остротой ставится такая задача, как постижение "коллективного духа", "души народа". И в этом случае народ рассматривается не в своей конкретности (что является задачей этнографии и этнологии), а в своей умопостигаемой сущности. Философами постигается высшая идея нации, то есть в философских терминах воспроизводится то, что она "сама думает о себе"... Или то, что высший разум (Бог) думает о ней в вечности. И все это становится известно общественному сознанию посредством спекулятивных способностей тех мыслителей, которым кажется, что они конгениальны абсолютному разуму, Всевышнему и т.д. и т.п. Тогда-то и появляются нетрадиционные для чисто академической философии рассуждения о "национальной идее".

В России из всего многообразия случаев последнего рода достаточно указать на некоторые произведения В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, посвященные "идее России" или "русской идее". Бердяев, например, судя по всему, нисколько не сомневался в том, что его текст есть не что иное, как интересный рассказ о замыслах, имеющих в божественном разуме относительно русского народа. Оставаясь достаточно аморфными, маргинальными, рассуждения в этом роде становятся традицией, хотя далеко не всегда получают академический статус. Чтобы более четко определить подобного рода рассуждения, терминологически выделить этот вид "философствования", назовем его этнософией.

Термин “этнософия” придуман не мною, он использовался уже хотя бы [евразийцами](#), [Н.С. Трубецким](#) в частности, как только речь зашла у них о необходимости наряду с чисто описательными научными действиями сформировать исследования, осмысляющие имеющийся у ряда наук их фактический материал¹. Но используя этот термин, я решаю другие задачи.

В моей работе под этнософией следует понимать “философию народа”, основу которой составляют рассуждения о “сущности народа”. Цель подобных рассуждений — определение преимуществ и недостатков народа (нации) в интеллектуальной сфере, составление коллективного психологического портрета, выявление роли во всемирной истории. При этом мы не будем сейчас вдаваться в дискуссию относительно того, насколько научны эти суждения. Нам достаточно того, что такого рода суждения часты, систематичны, и этого достаточно для выделения их в особую группу. Изобилуя метафорами, рассуждения этого круга мыслителей направлены тем не менее на открытие “формулы” народа. А всякая формула в этой сфере есть способ оформления индивидом коллективных представлений о самих себе и о других.

Народы взаимодействуют друг с другом в различных сферах, занимаясь торговлей, путешествуя, отдыхая, обучаясь и даже воюя. Одним словом, между ними происходит постоянный культурный обмен. При этом обмен культурами не всегда симметричен: доминирующая, лидирующая, образцовая культура дает другой больше, чем получает. Для России в разное время образцами для подражания выступали различные представители европейской культуры: Франция, Англия, Германия... Изучая философию французскую, немецкую или английскую, нередко одновременно хотели постигнуть не только “софию” или “логию” в виде различных направлений, но и дух народа, их сформировавший.

Философия, “импортированная” из той или иной страны, часто интересовала воспринимающую сторону как путь не только к истине, но и к сердцу и уму народа. Существенное место в такого рода трансляциях отводится рассуждениям о *национальных особенностях философии*, поскольку на нее смотрят не только как на поиск истины, но и как на своеобразное проявление “духа народа”. Всякого рода характеристики национального своеобразия философствующих народов можно отыскать у многих мыслителей, высказанных ими в различных текстах — от специальных разделов в трактатах до писем к частным лицам, включая дневниковые записи. Все это при желании легко фиксируется уже при изучении того материала, который дает традиционная история философии.

Даже за шутливыми эпитетами и эмоциональными оценками слышны отголоски той работы, которая была проделана философским умом на более ранних этапах самосознания или при изучении других предметов. Наблюдения, например, над “мыслящим немцем” позволяют представителям других этносов говорить о “туманности немецких трактатов”, “воспарениях немецкого разума в заоблачные высоты”, “плаваньях по океану абстракции”... Собрав всевозможные сравнения, получаем в итоге, что чаще всего для этого используется “влага”, “вода”. Но это уже не просто вода, а “метафизическая” вода, — то есть “вода” — как элемент философского “космоса”, одно из первоначал. Зато француз тем же наблюдателям видится уже как “огонь” — страна не только пылких любовников, но и “пламенных речей”, “искрометных афоризмов”, сверкающих “подобно молнии”, остроумия и т. п.). Образ огня чаще всего провоцируется просветительской философией и пожаром революции. Англичанин, окруженный со всех сторон водой, тем не менее оказывается ближе в системе первоначал к “земле”, чему обязан в немалой степени своим предпочтением эксперимента... Таким образом, выявляются как минимум три “элемента”, если использовать древнюю натурфилософскую терминологию: “вода”, “огонь”, “земля”. Ментальные особенности наций (умозрение, остроумное суждение, эксперимент) представляются элементами философского “космоса”. Таким образом — уже в этой сфере оценочных суждений — составленной из разных источников, включая даже очень “серьезных” авторов — создается своего рода “натурфилософский” раздел этнософии. И хотя к этому нельзя

относиться серьезно, то есть не стоит искать там тех же закономерностей, что и в периодической таблице Менделеева, тем не менее нельзя отрицать и определенную ценность такого рода характеристик, в составлении которых — сознательно или непроизвольно — участвовали как правило лучшие умы народа.

Хотя этнософия в своем возможном облачении выступает как парафилософия, но иногда ее выводы в определенных ситуациях могут получать более высокий статус, чем иные из распространенных рациональных схем. Говоря другими словами, пытаясь объяснить ее роль без преувеличений и упрощений, можно подобрать следующее сравнение: этнософия — некая тень философии, но не потемнение рассудка, не мракобесие. Здесь мы наблюдаем как чистые формы работы сознания, так и образное проявление бессознательного в ситуации столкновения с иным мыслящим существом (народом, этносом). Несмотря на странность некоторых суждений философов одного народа о другом, в совокупности они все же являются ценным источником, эмпирической базой для такой формы знания, которую можно определить как, — если не нравится термин “этнософия”, — *философское страноведение*.

1.2. ИСТОЧНИКИ ЭТНОСОФИИ

Существует множество источников, составляющих эмпирическую базу, феноменологическую основу этнософии. Не имея перед собой цели именно здесь дать их полный перечень, ограничусь лишь иллюстрацией примеров некоторых из них. Простейший пример этнософии можно найти, например, у нашего поэта [А.И. Полежаева](#) (1805—1838), в его стихотворении, точнее, памфлете “Четыре нации”². Используя расхожие образы, он дает краткую характеристику англичанам, немцам, французам и русским, позволяющую точно не только обрисовать “лицо нации”, но и выразить ее “душу”, “идею”.

Начинается этот обзор с Англии, которую олицетворяет “лорд”:

“Британский лорд

Отважен, горд;

Он — властелин. Он — верный сын

Родной страны.

Ни короли,

Ни происк пап

Коварных лап

Исподтишка

На смельчака

Не занесут;

И будто Брут,

Он носит меч,

Чтоб когти сечь”.

Затем на сцену выступают Германия и Франция, репрезентирующие их “немец” и “француз”:

“Германец смел,

Но переспел

В котле ума,

И как чума

Окрестных стран,

Сам в колпаке,

Нос в табаке,

Сидеть готов —

Хоть пять веков

За кучей книг,
Кусать язык
И проклинать
Отца и мать
За пару строк
Халдейских слов,
Которых толк
Понять не мог".
"Француз — дитя:
Он вам шутя
Разрушит трон,
Издаст закон.
Самолюбив,
Нетерпелив,
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
Он — смел и слаб,
Он — царь и раб:
Сегодня — царь,
А завтра — псарь,
И удивит,
И насмешит!"
И, наконец, Россия:
"В России чтут
Царя да к...
В ней поп с крестом,
Да царь с к.....
А русаки — О! дураки!
— Разинув рот,
Во весь народ
Кричат: "ура!
Нас бить пора!"
За то и бьют
И ночь и день,
Пока не лень!
Чем больше бьют,
Тем больше чтут!
А без побой,
Хоть волком вой:
И упадет,
И пропадет!"³.

За этот памфлет Полежаев жестоко поплатится — лишением свободы. И осудят его не в Европе, а в своем отечестве. Пройдет десять лет — и появится еще один этнософический портрет, столь же нелюбимый для России, и лестный для Европы — в “Философических письмах” [П.Я. Чаадаева](#). И ему за это придется пострадать, хотя и не так жестоко, как Полежаеву — попадет под домашний арест и будет объявлен “сумасшедшим”... Затем можно отметить “Пушкинскую речь” Достоевского, “Русскую идею” В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. А. Ильина и так далее...

Традиция составления коллективных портретов сохранится надолго, и не всегда образ России на фоне семейства народов будет отрицательным. Так, например, в 1920 г. стараниями членов Калужского общества изучения природы и местного края тиражом в 300 экземпляров издается научно-фантастическая повесть [К.Э. Циолковского](#) “Вне Земли”. В этом произведении, над которым Циолковский начал работать с 1916 г. описан полет с Земли на Луну. Но нас интересует не сам маршрут и детали полета, а экипаж корабля — очередной коллективный портрет народов мира, запечатление “духов” народов.

Этот экипаж, снаряженный в космический полет, состоял из очень характерных типажей, с говорящими фамилиями и национальными чертами поведения: Ньютон (Англия), Франклин (Америка), Гельмгольц (Германия), Галилей (Италия), Лаплас (Франция), Иванов (Россия). При этом Ньютон — наиболее философ и глубокий мыслитель-флегматик; Франклин — с оттенком практичности и религиозности; Гельмгольц сделал множество открытий по физике, но был иногда до того рассеян, что забывал, где у него правая рука, и был скорее холерик; Галилей — восторженный астроном и страстный любитель искусств, хотя в душе и презирал почему-то эту свою страсть к изящному; Лаплас — по преимуществу математик, и Иванов — “большой фантазер, хотя и с огромными познаниями; он больше всех был мыслителем и чаще других возбуждал те странные вопросы, один из которых уже обсуждался в истекший день нашим обществом”⁴.

Критерием успеха в этнософическом жанре можно считать то состояние, когда автор говорит о нации в целом, и в этом коллективном портрете каждый узнает свое лицо. Но нередко в такого рода “портретах” хорошо узнаваемо лишь лицо автора, использующего всю совокупность фактов из истории страны как неиссякаемый источник для подтверждения реальности своих ретроспективных утопий и благочестивых проектов.

Этнософические мотивы можно найти в творчестве различных мыслителей с самых давних времен. Так, например, [Аристотель](#) в “Политике” (IV в. до н.э.) распределил племена на три категории. При делении он принимал во внимание интеллектуальные особенности, в формировании которых сыграли свою роль и климатические условия:

1) Племена, обитающие в странах с холодным климатом (в Европе) “преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам”. Поэтому хотя они могут долго сохранять свою свободу, все же “неспособны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями”.

2) Населяющие Азию “обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии”.

3) Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем”⁵.

Минувя свидетельства разных авторов в последующее время, остановимся на более позднем периоде развития философии, девятнадцатом веке, откуда как пример этнософии приведем некоторые суждения немца Р. Ф. Фалькенберга, сделанные им во введении к своей "Истории новой философии (От Николая Кузанского до настоящего времени)"⁶, и соображения архимандрита Гавриила (Воскресенского), автора первой в России работы по истории отечественной философии.

[Фр. Энгельс](#) и [К. Маркс](#) уличили как-то своих соотечественников (в сочинении "Немецкая идеология", 1846) в недостатке, отсутствующим у других великих наций, а именно, что в то время как французы, американцы и англичане "постоянно сравнивают себя друг с другом как практически, так и теоретически, как в конкуренции, так и в науке", "мелкие лавочники и мещане, вроде немцев, которым страшны сравнение и конкуренция, прячутся за щит несравнимости, изготовленный для них их фабрикантом философских ярлыков"⁷. Однако упрек Маркса и Энгельса не соответствовал действительности. Оставляя вне данного обзора более ранние свидетельства из истории немецкой философии, приведем лишь одно из них. Так, например, в первой главе упомянутой выше "Истории новой философии" Фалькенберга есть раздел, в котором автор предлагает читателю свой опыт сравнения умственных особенностей трех великих наций, больше всех "потрудившихся для философии" в промежуток времени от Декарта до Канта. Эта часть трактата имеет характерное название: "Философский характер англичан, французов и немцев". В результате изучения и сравнения Фалькенбергом философских практик выясняется, что французу главным образом, присуще остроумие; англичанину — ясность здравого смысла; немцу — глубина мысли. Франция — страна умов математических, Англия — практических, Германия — умозрительных; первая — родина скептиков, но и энтузиастов; вторая — реалистов; третья — идеалистов. Английский философ похож на географа, с "добросовестной заботливостью набрасывающего карту изученной им области"; французский — на "анатома, верным ударом скальпеля обнаруживающего мускулы и нервы"; немецкий, "на горного инженера, не пренебрегающего ясностью частных деталей, раз он достиг высшего наблюдательного пункта и обширного горизонта". Англичанин в основном описывает, француз — анализирует, немец — "уясняет данную действительность".

В 1839—1840 годах в Казани [арх.Гавриил](#) (Воскресенский) опубликовал 6-томную "Историю философии", шестая часть которой была посвящена "Русской философии". Народы проявившие себя на уровне философии описываются нашим историком следующим образом: "Грек есть как бы самая воплощенная изящная людскость. Рим <...> есть эгоизм, изображенный в лицах. Скандинав задумчив, угрюм. Германец — идеалист, чувствителен, неутомим в изысканиях и часто односторонен в построении умственных теорий... Француз любезен, веселонравен, переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности <...>. Россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен. По отношению же к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом"⁸ ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)).

Приведя в качестве примера соображения двух, авторов из разных стран, специализирующихся на истории философии, попробуем сделать очень беглое обозрение этнософических высказываний, принадлежащих в основном российским мыслителям различного рода занятий, с участием которых можно составить "этнософические портреты" как некоторых европейских наций, так и свой собственный.

1.3. ЭТНОСОФИЧЕСКИЕ "ПОРТРЕТЫ"

Я употребляю выражение "этнософические портреты"... В этнографии используется такое понятие, как этнонимы — названия, которые люди дают этническим общностям. Этноним (русский, немец, француз, англичанин), в свою очередь, является простейшим проявлением этнического самосознания, подтверждением сложения этнической общности. Имея дело с этнонимом, мы не довольствуемся простым именем, но стремимся постичь суть всего им обозначаемого. При этом формированием этнонимов занимается не только сам этнос, но и те, кто соприкасается с ним. Помимо самообозначений, существуют и имена (а также и прозвища, клички, то, что принято называть нисходящими этнонимами), данные соседями.

Национальное самосознание русского, немца, англичанина и француза формировалось не изолированно, а в соотнесении себя с другими ("мы" — "они"). Поскольку из всего многообразия соотнесений мы выбираем преимущественно философскую сферу, то вместо привычных этнонимов мы получаем этнософические портреты. Перечень этнических наименований в этнософии несопоставим с аналогичным списком этнографа⁹. В российской этнософии используется лишь несколько этнонимов. Их чуть более десятка, поскольку они представляют лишь те народы, которые стали объектом философской (философической) рефлексии. А причиной этой рефлексии чаще всего было лишь тесное культурное сотрудничество вообще, и философское в частности. Поэтому в этнософии задействованы прежде всего такие этнонимы, как "француз", "англичанин", "немец", "грек", "итальянец", "американец", "китаец", "индеец"... Опираясь на готовые этнонимы, — уже данными именами народов, — этнософия видится попыткой — со стороны интеллектуального сообщества — передать сущность народа, выделить философскую составляющую его характера... Задача эта, безусловно, трудная. Настолько, что нисколько не гарантирует успеха, не приводит к той степени признания результатов, как это бывает у представителей опытных, прикладных наук. Так что нисколько не удивительно, если совокупность суждений философов прошлого относительно того или иного народа покажется кому-то скорее подобием мифа, чем формулой, которой стоит доверять при непосредственном взаимодействии с одной из частей человечества.

Существенное отличие мы найдем не только на уровне этнонимов, но и антропонимов¹⁰. Философ, имея дело с другим народом, предпочитает строить свои суждения имея в качестве эмпирического материала своих же коллег по цеху. Постигая сущность "немца", русский философ чаще всего строит свои суждения имея перед глазами образ Канта, Гегеля или иного философа. Но это уже не те Кант и Гегель, что представлены в чистой философии лишь как авторы идей. Это уже "Кант", "Гегель", выступающие индивидуализациями коллективного духа, персонифицирующие "немца". И потому в области этнософии свои специфические антропонимы. И не все из них положительные. Так, например, Гегель здесь предстает не просто "Гегелем", а как нечто выражающее "типично немецкое" в философии, а потому он получает дополнительные имена и ряд именовании прозвищного типа: "Егор Федорович", "немецкий клоп", "философ-контрабандист", "философ-чиновник" и т.д., а его философия — "идеалистическая хлыстовщина", "чичиковщина" и т.п.; Кант — "головной философ", "мещанская философия", "немецкая пародия на платонизм", "психология начинающейся старости", "философия галлюцинирующего невротика"...

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 1

1. Кто из отечественных мыслителей предложил наряду с этнографическими исследования ввести и этнософские? К какому направлению мысли он принадлежал?
2. Можно ли под этнософией понимать "философию народа"?
3. Каков круг источников (материалов) этнософии? Исчерпывается ли он философией?
4. В произведениях каких мыслителей древности можно обнаружить этнософические мотивы?
5. Кто из историков философии исследовал "философский характер" англичан, французов и немцев?

Темы эссе и рефератов к теме 1

Структура образа "Восток"

Структура образа "Запад"

Восток-Запад. Географическая и метафизическая составляющая.

Национальная спецификация как философская проблема.

Нация, национальность, национализм в истории философии.

Этнография, этнология, этнософия.

Основные (базовые) термины и понятия к теме 1

Философия
Этнософия
Этнология
Этнография
Самосознание
Стереотип
Философия народа
Философское страноведение
Диалог цивилизаций

Литература к теме 1

Основная

1. Ванчугов В. В. Русская мысль в поисках "нового света": "золотой век" американской философии в контексте российского самопознания. М.: УНИКУМ-центр, 2000, С. 6-58.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. - Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997.
3. Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии. Уральский университет, 1991.
4. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000, т.3, С. 39-43.
5. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995, С. 109.
6. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула, 1986, С. 66.
7. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1984, Т.4, С. 601.
8. Фалькенберг. История новой философии (От Николая Кузанского до настоящего времени. СПб., 1894.
9. Гавриил, арх. Русская философия /Предисловие, подготовка текста, примечания - В.В.Ванчугов/. - М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2005, С. 4-20.

Дополнительная

1. История русской философии: Учебник для вузов /Редколлегия: М. А. Маслин и др./ - М.: Республика, 2001. - 639 с.
2. Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. Изд. 4-е. М., 2001.
3. Русская философия: Словарь. М., 1995. Допечатка: - М.: Терра - Книжный клуб; Республика, 1999. - 656 стр.
4. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000, тт.1-4.
5. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
6. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
7. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004
8. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура/ Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.

10. Вунд В. Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
12. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998, №1.
13. Сорокин Ю.А. , Марковина И.Ю. Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
14. Филиппова М.М. Парадоксы и стереотипы межкультурного общения представителей русской и британской культур. Вестник МГУ. Сер.9.Филология. 2002, №3.
15. Широканов Д.И., Алексеева Е.А. Стереотипы и динамика мышления. Минск, 1993.
16. Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
17. Платонов Ю. П. Психология национального характера: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2007.
18. Мнацаканян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. Учебное пособие для ВУЗов. М.: Юнити, 2004.
19. Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998.
20. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
21. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.

ТЕМА 2. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "ФРАНЦИИ", "ФРАНЦУЗА"

- 2.1. ОБРАЗ "ФРАНЦИИ" И "ФРАНЦУЗА" В РОССИИ XVIII В.
- 2.2. ОБРАЗ "ФРАНЦИИ" И "ФРАНЦУЗА" В РОССИИ XIX В.

2.1. ОБРАЗ "ФРАНЦИИ" И "ФРАНЦУЗА" В РОССИИ XVIII В.

Россию и Францию связывают давние отношения. Давними и интенсивными они были и в философской сфере. И эту интенсивность выражает и обилием переводов трудов участников Энциклопедии, и приглашением французских философов ко двору Екатерины.

В период царствования Екатерины Франция выступает в роли не только союзницы России, но и одной из ее "культурно — просветительских наставниц". В высшем обществе царил "галломания". Одним из критериев воспитанности считалось знание французского языка, который служил "звеном между разными народами"¹¹. Показателен отрывок из комедии Грибоедова "Горе от ума":

Лиза: — Сейчас започивала.

Фамусов: — Сейчас! А ночь?

Лиза: — Ночь целую читала.

Фамусов: — Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза: — Все по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов: — Скажи-ка, что глаза ей портить не годится, И в чтеньи прок-то не велик: Ей сна нет от французских книг, А мне от русских больно спится.

Поэт К. Батюшков в письме Е.Н. и П.А. Шипиловым (24—29 марта 1816, Москва) "огорчил" их, поскольку вопреки их ожиданиям он "ни одного не знает француза, которому бы поручил моего сына, а с радостью отдал бы моих детей в университетский пансион, который образовал лучших наших Генералов, Писателей, Государственных людей и до сих пор не переродился. Если и после этого вы будете упрямы, то я сыщу француза и привезу, если хотите, с собою; но за нравственность и ученость его не поручусь. Не

хотите ли лучше, чтобы я за тысячу рублей нашел русского, знающего свой язык и по-латыни, или немца?"¹².

Екатерина Великая, издав указ о привилегиях иностранцам, утвердила за Кузнецким мостом репутацию самой модной улицы древней столицы, и магазины там располагавшиеся отражали культурные доминанты: 18 французских и 1 русский. "А все Кузнецкий мост и вечные французы, откуда моды к нам, и авторы, и музы, губители карманов и сердец! Когда избавит нас творец от шляпок их и шпилек и булавок..." — говорит Фамусов. Примерно того же хочет и Чацкий: "Чтоб истребил Господь нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражания; чтоб искру заронил Он в ком-нибудь с душой, кто мог бы словом и примером нас удержать, как крепкою вожжей, от жалкой тошноты по стороне чужой".

Историк Ключевский называл [Екатерину](#) "француженкой по любимому языку и воспитанию"¹³. Многие дела и слова ее подтверждают сказанное. "Я далека от высокомерия, чтобы назваться Минервой", — писала Екатерина одному из своих знаменитых философов-корреспондентов, [Вольтеру](#). "Вольтер — мой учитель", — говорила Екатерина II. "Его произведения развили мой ум и мою голову; я — его ученица". И хотя в их переписке философские темы затрагивались реже всего, издатели озаглавили сборник их писем как "Философическая и политическая переписка"¹⁵. "Мы трое — Дидро, Д`Аламбер и я, — мы воздвигаем вам алтари", сообщал ей Вольтер, подписавшийся под своей эпистолой "Священнослужитель Вашего храма"¹⁶.

Что касается Д`Аламбера, то он воздвигал свой алтарь не столь усердно, как Дидро и Вольтер. Екатерина обратилась к нему с приглашением приехать в Россию для содействия воспитанию наследника престола цесаревича Павла Петровича, однако он отказался. Тем не менее переписка между ними продолжалась. Более тесные отношения у нее установились с [Дидро](#), у которого она купила библиотеку за 15 000 ливров, оставив при этом ее у прежнего хозяина в пожизненное пользование, да еще назначила ему 1000 франков за исполнение обязанностей "хранителя ее книг". Вольтер писал по этому поводу: "Кто бы мог вообразить 50 лет тому назад, что придет время, когда скифы будут благородно вознаграждать в Париже добродетель, знание, философию, с которыми так недостойно поступают у нас?"

В 1773 г. Дидро приезжает в Россию. Он хорошо принят императрицей, назначен членом Российской Академии наук. Каждый день с трех до пяти часов Екатерина готова принимать его у себя для философических собеседований. Дидро при всяком удобном и неудобном случае целует руки собеседницы, шлепает ее по коленям, поскольку не может спокойно излагать свои мысли относительно переустройства жизни на философских началах. "Я с большим удовольствием слушала, г-н Дидро, все, что вы с таким талантом изложили, — отвечала ему позднее более практичная ученица. Я вполне понимаю великие принципы, вами руководящие, но ведь с такими принципами можно только писать хорошие книги, а не дела делать. Составляя план реформ, вы забываете разницу в наших положениях. Вы имеете дело только с бумагой, которая все терпит. Она плотна, гладка и не ставит никаких препятствий ни вашему перу, ни вашему воображению, тогда как мне, бедной императрице, приходится иметь дело с кожей человеческой, очень раздражительной и щекотливой"¹⁷.

Оставив для Екатерины "Записки", в которых он изложил свои мысли по поводу управления государством, образованием, воспитанием, Дидро в 1774 г. покинул Россию. После смерти Дидро в 1875 г. принадлежавшая ему когда-то библиотека была согласно договору доставлена к Екатерине II. В ней она нашла рукопись с его замечаниями на ее "Наказ". Мнение императрицы об этой рукописи было следующим: "Эта статья есть чистая болтовня, не отличающаяся ни знанием дела, ни благоразумием, ни дальновидностью. Если бы моя инструкция была написана во вкусе Дидро, так она могла бы все перевернуть вверх тормашками <...>. Критиковать легко, а создавать трудно — вот что всякий скажет, прочтя замечания философа"¹⁸.

После Великой французской революции 1789 г., раздраженная на энциклопедистов, она прикажет унести из ее апартаментов бюст Дидро, перед которым ее любимчик в 1773 г. сбрасывал со своей головы парик, чтобы показать сходство каменной копии с живым оригиналом.

Известие о революции во Франции вызвало крайне негативную реакцию в Петербурге. В глазах Екатерины II и придворной аристократии она представлялась французской пугачевщиной, которая могла перекинуться в Россию и вызвать новую, более мощную крестьянскую войну. Екатерины II отреагировала запиской "О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства" (август—сентябрь 1792 г.), где, среди прочего отметила: "Французы по природе народ восторженный; как же может случиться, что во столь короткое время совершенно пропала эта восторженность по отношению к делу правому и единственному, которое во все времена воодушевляло их предков?"¹⁹

Русский посол во Франции И. М. Симолин, внимательно отслеживающий ситуацию, писал вице-канцлеру А. И. Остерману из Парижа 8(19) июля 1789 г.: "Нельзя не поразиться удивлением при виде того, как в продолжение 36 часов уничтожилась французская монархия, и представителю ея пришлось подписать все, что дерзко и повелительно потребовано от него разнузданным, жестоким и варварским народом"²⁰. В этом же письме Симолин замечал: "Жестокость и свирепство французского народа выразились при этом случае в тех же чертах, о которых с ужасом читаем в описаниях Варфоломеевской ночи, с тою разницею, что вместо испуга религиозного умы одержимы в настоящее время политическим изуверством"²¹.

2.2. ОБРАЗ "ФРАНЦИИ" И "ФРАНЦУЗА" В РОССИИ XIX В.

В отношениях с французами россияне испытывали и приливы восторга, и погружались в пучину ненависти. С одной стороны Франция – источник нового света, оплот Просвещения, крупнейший поставщик учителей в дворянские семьи; с другой стороны — агрессор. Когда войска самой просвещенной страны Европы вторглись в Россию в 1812 г., белокаменная с золотыми куполами затянулась клубами дыма от бесчисленных пожарищ, как и при нашествиях варваров... "И только у себя, под заревом Москвы, до самобытности додумались мы", — подвел итог поэт Ф. Ф. Бобылев в стихотворении "Русская дума"²².

Разочарование во французской просветительской философии в первой половине девятнадцатого века совпадает с увлечением германским любомудрием. В 1823 г. в Москве организуется "Общество любомудров", в последнем выпуске альманаха которого сообщалось, что главнейшая цель издания была "распространить несколько новых мыслей, блеснувших в Германии, обратить внимание русских читателей на предметы, России мало известные, по крайней мере, заставить говорить о них; положить пределы нашему пристрастию к французским теоретикам"²³. При этом [В.Ф. Одоевский](#), делая дополнительные разъяснения термина "любомудрие", подчеркнул существенное различие между французскими и немецкими мудрецами. Русские делают выбор немецкого любомудрия, отказываясь "французских говорунов"²⁴.

Французы "никогда во всей их истории и не отличались глубиной и силой психологических процессов, — утверждал писатель [И.С. Тургенев](#). — Они в этом отношении стояли всегда ниже англичан и немцев. Форма у них всегда преобладала над содержанием, слово над душевной работой, потребность скорее и красивее высказаться не давала им времени глубоко и всесторонне думать. Этим, быть может, объясняется процветание у французов ораторского искусства и стиля и отсутствия философии, психологии и драмы"²⁵. Этот упрек в формализме встречается и в "Русских ночах" В. Ф. Одоевского, и вложен он в уста главного персонажа – Фауст. И формализм этот роднит французов с... китайцами, у которых слово из наследия остается, но по прошествии времени оно значит совсем другое. "Любопытна эта страна вообще и важная указка для формалистов. Недаром ею восхищались философы XVIII века; она точь-в-точь приходилась по мерке их разрушительному учению".

Изучив к 1831 г. современное направление просвещения и изложив результаты исследования в соответствующей статье²⁶, [Н.И. Надеждин](#) составил портрет французского мыслителя и выделил его предрасположенность: "Они (французские мыслители – В.В.) останавливаются преимущественно на

событиях, кои любят охотнее представлять в живых картинах, чем заковывать в сухие понятия. Отсюда практическая светлость, приближающаяся нередко к поэтической живописности в Бернарденях Сен-Пьерах и Шатобриана²⁷. На следующий год, в рецензии "Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана" (Часть 1, 1832 г.), философ Н.И. Надеждин отозвался о Франции как "стране ветреного легкомыслия"²⁸. Не изменил своего мнения он и через несколько лет. Так в рецензии "Нового курса философии" Е.Жерюзе, переведенного с французского и изданного в С.-Петербурге в 1836, российский философ среди прочего выразил и такую мысль, что уж если и переводить философские сочинения на наш язык, так не с французского. А все потому, что "до сих пор Франция своим легкомыслием больше вредила философии, чем приносила пользы."²⁹

Побывав в 1843 г. на промышленной выставке в Москве [А.С. Хомяков](#) сообщил также, между прочим ("Письмо в Петербург о выставке"), что французам "недоступна отвлеченная истина"³⁰. Ранее схожую мысль в письме Д. П. Иванову (7 августа 1837 г.) выразил и критик [В.Г. Белинский](#), считающий, что "новейшие французы хватились за немцев, но не поняли их, потому что француз никогда не может возвыситься до всеобщности и, на зло самому себе, всегда останется французом, а в области мышления должны исчезать все национальные различия, должен оставаться один человек"³¹. Зато из письма М. Н. Каткова к А. Н. Попову узнаем, что изучая новые работы по философии (преимущественно по истории философии), он отдает предпочтение французским авторам. А все потому, что у них можно обнаружить много дельного и основательного, в отличие от немцев. Мышление француза отличает "широта" и "свежесть", в нем больше положительности; у французов "развивается также и смысл для уразумения высших вопросов; а у немцев, кажется, он теряется все более и более в их распухшей фразе, в их филистерской бесцельности"³².

Единомышленник Хомякова — [И.В. Киреевский](#) — дал более развернутую характеристику французского ума в своем "Обзрении современного состояния литературы" (1845). Обзор французской словесности наш славянофил начинает с замечания, что направленность французского ума противоположна уму немецкому. У немцев "каждый вопрос жизни обращается в вопрос науки", у французов — "каждая мысль науки и литературы обращается в вопрос жизни"³³. Если во Франции естественные науки основываются на "одной эмпирии" и чуждаются "спекулятивного интереса, заботясь преимущественно о применении к делу, о пользах и выгодах существования", то в Германии "каждый шаг в изучении природы определен с точки философского воззрения, включен в систему и оценен не столько по своей пользе для жизни, сколько по отношению своему к умозрительным началам"³⁴. Если в Германии в центре общественного внимания находятся философия и теология и их соглашение — господствующая потребность немецкой мысли, то во Франции философское развитие является не потребностью, а "роскошью мышления" и в центре внимания — "соглашение религии и общества"³⁵. По внешним формам выражения образ мыслей французов больше похож на образ мыслей англичан, что возможно из-за одинаковости принятых ими философских систем, однако внутренний характер мышления этих двух народов также различен, как оба они отличны от немецкого характера мышления. Немец "трудолюбиво и совестливо вырабатывает свое убеждение из отвлеченных выводов своего разума; француз берет его, не задумавшись, из сердечного сочувствия к тому или другому мнению; англичанин арифметически рассчитывает свое положение в обществе и по итогу своих расчетов составляет свой образ мыслей". Англичанин "упрям в своем мнении, потому что оно связано с его общественным положением"; француз нередко "жертвует своим положением для сердечного убеждения", в то время как немец "хотя и не жертвует одним другому, но зато мало заботится о их соглашении". И, наконец, сравнивая систему образования, Киреевский находит следующие различия обуславливающих факторов: "французская образованность движется посредством развития господствующего мнения или моды; английская — посредством развития государственного устройства; немецкая — посредством кабинетного мышления. Оттого француз силен энтузиазмом, англичанин — характером, немец — абстрактно-систематическою фундаментальностью"³⁶.

[А.И. Герцен](#), переживший во Франции и восторженную реакцию на начало революции в феврале 1848 г., и последующее горькое разочарование, описывая прошедшие годы ("С того берега", 1850), коснулся и особенностей французского менталитета. Прежде всего — "смешение понятий", которое нигде не

достигает таких размеров, как во Франции. Французы "вообще лишены философского воспитания; они с большой пронизательностью овладевают выводами, но овладевают ими односторонне, их выводы остаются разобщенными, без единства, их связывающего, даже без приведения их к одному уровню. Отсюда противоречия на каждом шагу. Отсюда необходимость, говоря с ними возвращаться к давным-давно известным началам и повторять за новостью истины, сказанные Спинозой или Бэконом"³⁷. И неудивительно, что как только этой путанице понятий попытались придать стройность (усилиями Кузена), то ничего иного из этой затеи выйти не могло, кроме как эклектизма.

Хотя я стараюсь приводить мнения преимущественно философов, все же не могу не обратиться к личности Ивана Сергеевича Тургенева (1818—83), тем более что в его высказывании затрагивается философская сфера. Наш писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1860), слушавший курс философии в Берлинском университете, проживший не один год во Франции, отозвался о французах следующим образом: "... французы никогда во всей их истории и не отличались глубиной и силой психологических процессов. Они в этом отношении стояли всегда ниже англичан и немцев. Форма у них всегда преобладала над содержанием, слово над душевной работой, потребность скорее и красивее высказаться не давала им времени глубоко и всесторонне думать. Этим, быть может, объясняется процветание у французов ораторского искусства и стиля и отсутствия философии, психологии и драмы"³⁸.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 2

1. Кого из французских мыслителей Екатерина II считала своим учителем?
2. Кто из историков назвал Екатерину II "французенкой по любимому языку и воспитанию"?
3. Каково отношение представителей "Общества Любомудрия" к французской мысли?
4. Кто из представителей славянофильства дал развернутую характеристику ума французов, немцев, англичан, в какой работе?

Темы эссе и рефератов к теме 2

Образ француза и Франции в художественной литературе: философский анализ.

Образ француза и Франции в живописи литературе: от эстетических суждений к спекулятивным размышлениям о духе народа.

Образ француза и Франции в России эпоху Просвещения.

Философский диалог Россия - Франция: основные этапы, обретения.

Основные (базовые) термины и понятия к теме 2

Любомудрие

Дух народа

Народный характер

Просвещение

Собирательный образ

Литература к теме 2

Основная

1. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Герцен А.И. Собр.соч. в тридцати томах. Т. V. М., 1955.
2. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников в двух томах. М., 1983, Т.2, С. 159.
3. Надеждин Н. И. Сочинение в двух томах (Т. I: Эстетика. Т. II: Философия). СПб., 2000, С. 735, С. 280, С. 594.
4. Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988, С. 61.
5. Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. М., 1948, Т.1, С. 528-529.
6. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979, С. 168-169, 171-172.
7. Герцен А. И. Сочинения в 2-х томах. Т.2, М., 1986, С. 109-110.

Дополнительная

1. Ж.-Ж. Руссо: Pro et contra : идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752-1917) : антология. - Санкт-Петербург : изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. - 829 с.
2. Черкасов П.П. Двуглавый орёл и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700-1775. - М.: Наука, 1995.
3. Вольтер и Россия. М., 1999.
4. Кюстин А. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1-2.
5. Строев А. Война перьев: французские шпионы в России во второй половине XVIII века// Логос, №3 (24), 2000, стр. 18-43
6. Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI-XVIII вв.) Исторический очерк. Киев, 1893.
7. Карп С. Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998.
8. Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. Образ "другого" в культуре. 1993. М., 1994.
9. Марисина И. М. Россия - Франция : Век восемнадцатый. М., 1995.
10. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999.
11. Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 1-3. М., 1995-2000.

ТЕМА 3. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: "ГЕРМАНИЯ", "НЕМЕЦ".

- 3.1. ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЭТНОСОФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА "НЕМЦА" И "ГЕРМАНИИ"
- 3.2. МУЗЫКАЛЬНАЯ ОСНОВА ЭТНОСОФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА "НЕМЦА" И "ГЕРМАНИИ". ОТ СРАВНЕНИЯ - К САМОПОЗНАНИЮ
- 3.3. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ

3.1. ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЭТНОСОФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА "НЕМЦА" И "ГЕРМАНИИ"

Россию и Германию также связывают давние отношения. Появление немцев в России начинается с эпохи Ивана Грозного, становится массовым при Петре I, а наиболее интенсивным – в период царствования Екатерины II.

*Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то, чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, — помните колпак его, халат,
Перст — указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья!
Грибоедов. "Горе от ума".*

И при давнем "сожительстве" происходило пристальное приглядывание, сравнение³⁹. Что касается философской сферы, то наиболее благоприятный период наступил в первой трети XIX в., когда начинается увлечение немецкой умозрительной философией. Символом наступления этого этапа можно считать и московское "Общество любомудрия" (1823—1825), пропагандирующего вместо французского немецкий стиль мышления.

Жуковский (с 1826 г. "наблюдатель за обучением и воспитанием цесаревича" — будущего Александра II, удостоенный в 1816 г. степени доктора философии за деятельное участие в жизни Дерптского университета), в одном из писем к А.П. Елагиной в связи с программой воспитания ее сына — Ивана Киреевского, относительно философии немцев заметил: "Для нас еще небесная и несколько облачная философия немцев далека. Надобно думать о той пище, которую русский желудок переварить может"⁴⁰. А вот Д.М. Велланский ценил В.Ф. Одоевского за глубокое знание и понимание немецких философов и вообще германской литературы, которую сам ставил "выше всех литератур в ученом мире". "Явится бывало какая-нибудь новость в науке, Велланский делает вопрос: "что-то скажут о ней немцы?" У него стояли на первом плане в технике англичане, в хирургии, в теориях, — немцы"⁴¹.

Один из участников московского "Общества любомудрия" — А. И. Кошелев, вспоминая детские годы, дойдя до описания своего учителя, отметил лишь: "Шлецер, хотя немец, следовательно, человек мало живой и большой теоретик"⁴². Следует обратить внимание на это разделение ипостасей, весьма характерное для определений немца в русской культуре вообще, в философском сообществе в частности:

“человек мало живой и большой теоретик”. Бытовой немец предстает часто убогим, а ценят его за теоретические качества. В период увлечения спекулятивной философией, некоторые из немецких мыслителей достигали статуса богоподобия среди своих российских поклонников.

Вспоминая о Белинском, [И.С. Тургенев](#) обратился к тому периоду, когда вернулся из Берлина, где в течение двух семестров занимался гегелевской философией. Белинский жадно слушал его, поскольку собеседник был в состоянии передать ему самые свежие, последние выводы, которые отражали собою саму способность “мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер”⁴³. Способность мыслить “отвлеченно”, возведенная в абсолюте, часто приводит к превращению в нечто иное. В итоге появляется типаж “ученого” немца... Но в этой учености не черты увлеченности, чудаковатости, а чего-то чрезвычайного, граничащего с идиотизмом. В “Гамлете Щигровского уезда” (1849) И.С. Тургенева мы найдем две ипостаси одной и той же личности: кафедральный немец, и тот же немец в быту. “Начал я ходить к профессору. Надобно вам сказать, что этот профессор был не то что глуп, а словно ушибен: с кафедры говорил довольно связно, а дома картавил и очки все на лбу держал; притом ученейший был человек...”⁴⁴ “ Эта метаморфоза запечатлена и в “Семирамиде” А.С. Хомякова, где подмечается, что “...немец нашего времени из человека перерождается в ученого”⁴⁵. А вот “почвенник” и сторонник “органической критик” Ап. Григорьев в статье “О правде и искренности в искусстве” (Русская беседа, 1856 г.) сделал следующее открытие, проливающее свет на особенности немецкого ума и превосходство над ним славянского разума. Так как Лессинг был родом из юго-восточной Германии (г. Каменец), населенной славянами, то он решил, что Лессинг по происхождению славянин, а потому и ум имеет более ясный, чем у германцев: “Величайший из критиков Германии Богумил Ефрем Лесник или, как звался он по-немецки, Готтгольд Эфраим Лессинг, обладавший тою ясностью и тою простотою ума, которые одни, без факта, свидетельствующего о его славянском происхождении, достаточны для ручательства о том, что он не чистый немец...”⁴⁶.

В Германии “вечно плавают по безбрежному океану абстракции”, — пишет [П.Я. Чаадаев](#). И в этом “океане” немец “чувствует себя более дома, более по себе, чем на суше; поэтому невоздержанность мысли доходит там до крайности. Это очень понятно. Что задержит полет чистой мысли, бестелесной, ни к чему не примененной?”⁴⁷. В отзыве другого соотечественника на ученый труд немецкого профессора И. Шада указывалось, что “каждый из философов немецких, как будто для хвастовства, отличался от прочих большим или меньшим количеством странностей в мыслях, но каждый отличался своими странностями”⁴⁸.

Будущий публикатор “Философического письма” Чаадаева – философ, литературный критик и журналист [Н.И. Надеждин](#) – в статье “Современное направление просвещения” (1831), остановив свой мысленный взор на Германии, выделил ее особо. А все потому, что из числа просвещеннейших стран Германия сосредоточилась преимущественно на синтетической части в области философского творчества. Немецкие мыслители любят жить в высших слоях умозрения. У них такая “страсть к системам”, что заканчивается часто “трансцендентальным насилием действительности”⁴⁹. Откликнувшись на “Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана. Часть 1” (1832), определив Францию как “страну ветреного легкомыслия”, проявляющую “сангвинизм нового европейского мира”, Англию – как отчизну “спокойного размышления”, выражающую “меланхолический темперамент новой Европы”, о Германии Надеждин отзывался все в том же духе — как об “области систематической мечтательности”⁵⁰.

Чуть позже, в одном из выпусков своего журнала “Телескоп” (1833, №12) Надеждин поместил свое описание “шумных движений европейской деятельности”. Что же является источником “шума”? Непрерывающееся с давних времен “столкновение методов исследования”, проявляющееся в постоянном вытеснении во всех областях наук идеализма эмпиризмом и наоборот. В конце концов борьба идеализма с эмпиризмом была доведена в европейском ученом мире до высшей степени противостояния — французский эмпиризм столкнулся с немецким трансцендентализмом. Надеждин красочно описывает участников схватки: французский ум “с каким-то неизъяснимым искушением бросался под тяжелые колеса материальной действительности и, раздавленный ими, находил какое-то безумное наслаждение признавать себя такою же горстью праха, таким же сцеплением атомов, каким вся природа казалась ему сквозь микроскопические стекла опыта”, а его соперник — “германское умозрение” — “оторвавшись совершенно от действительности, подобно аэростату уносилось в заоблачный мир идей, и там, потеряв все из виду кроме самого себя,

признавало природу игрой своих досугов, оптическим призраком преломляющегося сознания"⁵¹. Однако в настоящее время "китайская стена национальных предубеждений" сокрушена и французы практически поменялись с немцами ролями: отныне "французская точность заносится за облака, а немецкий трансцендентализм напротив сковывает себя все больше и больше действительностью, вязнет в самых мелких фактических подробностях"⁵².

В разделе "Москва" своем воображаемом "Путешествии из Москвы в Петербург" (1833—1834, название условное, данное позже публикаторами, но передающее суть замысла), А.С. Пушкин отмечал, что немецкая философия, которая "нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: оно спасло нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалило ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!" "Мое мнение такое, — утверждал чуть позже Шевырев, — что в настоящем учении нашей эпохи синтетических умозрений и логических построений должна уступить место ясному и подробному анализу и историческому изучению предметов в них самих, без логических предубеждений, которые туманят зрение. Пора освободиться от влияния германской умозрительности и смотреть на предметы своими очами"⁵³.

Спекулятивный характер немецкого духа, склонность к высшим обобщениям проявилась самым неожиданным образом в столь приземленной сфере, как политика. [В.С. Соловьев](#) увидел положительное влияние немецкого идеализма на геополитическое поведение. Именно этим он объясняет невозможность для немцев "грубого эмпирического людоедства", присущего английской политике. Германский идеализм и склонность к высшим обобщениям делают немцев мягче. Так что, "если немцы поглотили вендов, пруссов и собираются поглотить поляков, то не потому, что это им выгодно, а потому, что это их "призвание" как высшей расы: германизируя низшие народности, возводить их к истинной культуре".

Но в интерпретации [Льва Толстого](#) страсть к отвлеченной науке доводит немцев до такого состояния души, граничащего с грехом, как самоуверенность. "Пфуль был один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы, и именно потому, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи — науки, то есть мнимого знания совершенной истины. Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства, и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина"⁵⁴.

Если даже в мирное время создаются портреты, в которых заметна легкая агрессия в адрес прототипа, то что говорить о периодах военного столкновения! Вот что обнаружилось российскими наблюдателями в период первой мировой войны. "Германская раса — варварская, — заявил [Бердяев](#) в книге "Смысл творчества", — не имеющая кровной преемственной культурной связи с античным миром"⁵⁵. Статья, из которой взято это высказывание, писалась в 1916 году, в разгар Первой мировой... Далее из статьи следовало, что "индивидуализм германской реформации был варварским индивидуализмом, в отличие от культурного индивидуализма итальянского Возрождения", что Лютер и Кант по сути своей — "великие варвары", и прославленный критицизм германской мысли — "продукт варварства, не желающего знать кровной, органической, сверхличной преемственности всякой культуры и всякой мысли"⁵⁶. Оставляя в стороне бесчисленное множество характеристик, данных Бердяевым всем европейским странам и России по различным поводам, приведем лишь несколько строк, в которых в двух словах переданы их ментальные доминанты: "француз бывает догматиком или скептиком", а немец — "мистиком или критицистом"⁵⁷.

Анализируя технику древнерусских иконописцев в целях уяснения метафизики культа, [П. А. Флоренский](#) в своей работе "Иконостас" (1921 г.)⁵⁸ развивает свою концепцию "конкретного идеализма". Особый интерес в данной работе представляет анализ живописной, гравюрной и иконописной техники, которые по мысли Флоренского отражают своеобразие ощущения католика, протестанта и православного, поскольку, считает он, "в консистенции краски, в способе ее нанесения на соответствующей поверхности, в механическом и физическом строении самих поверхностей, в химической и физической природе вещества, связывающего краски, в составе и консистенции их растворителей <...> и в прочих "материальных причинах" уже непосредственно выражается и та метафизика, то глубинное мироощущение, выразить которое стремится данным произведением <...> воля художника"⁵⁹. Так, например, масляная живопись есть "проявление чувственности", гравюра — рассудочности, поскольку здесь конструируется образ предмета из элементов, не имеющих с ничем общего элементами предмета. Гравюра — это схема образа, построенная на основании только законов логики — тождества, противоречия, исключения третьего, — и в этом смысле она "имеет глубочайшую связь с немецкой философией: и там и тут задачей служит построение или дедукция схемы действительности помощью одних только утверждений и отрицаний, лишенных как духовной, так и чувственной данности, то есть сотворить все из ничего"⁶⁰.

В 1913 г. в журнале "Аполлон" (№6, С. 65) было опубликовано письмо из Мюнхена "Немецкий стиль", автор которого укрылся за инициалами "S.A": "Эти утомляющие своей трезвостью формы отражают новый *немецкий стиль* <...> он сбивается на геометрическую сухость <...> в этом проявляется своеобразная черта немецкого духа, с его склонностью к схематизмам, к абстрактным формам".

3.2. МУЗЫКАЛЬНАЯ ОСНОВА ЭТНОСОФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА "НЕМЦА" И "ГЕРМАНИИ". ОТ СРАВНЕНИЯ - К САМОПОЗНАНИЮ

В феврале 1863 г. в Петербург прибыл немецкий композитор и дирижер Рихард Вагнер. После трех концертов он отправился в Москву, где также был тепло встречен местными любителями музыки. Музыкальный критик Н.А. Мельгунов посвятил этому событию два фельетона, которые увидели свет в газете "Наше время" (1863, №64, 72). Наибольший интерес представляет вторая публикация, в которой критик касается темы национальности в музыке.

В теории Вагнера, полагает Мельгунов, легко узнается "национальный склад немецкого ума и особенное направление нашего века"⁶¹. У немцев "абстрактный ум" и нет другой страны, где бы так много не рассуждали о космополитизме, как в Германии и каждый образованный немец заявляет, что он, как "жрец чистого разума", совершенно преодолел "национальную точку зрения" и является убежденным космополитом. Но вопреки этим заявлениям Мельгунов видит, как живое индивидуальное начало пробивается сквозь мертвую "теоретическую кору", как везде проглядывает национальность. В эстетических теориях Вагнера Мельгунов обнаруживает ту же "национальную уверенность", (читай — "самоуверенность" — В.В.) поскольку из рассуждений Вагнера следует, что раз немецкая музыка является "всемирно-исторической", то только она одна и должна господствовать. Кроме того, в выборе содержания для большей части своих опер Вагнер — "немец патриотический", но вместе с тем и "ученый немец". Однако Мельгунов приветствует такого рода тенденцию ("односторонность") и высказывает свое убеждение, что его соотечественникам следует беспристрастнее относиться к иноземным теориям в искусстве: "Для чего непременно раболепствовать либо перед итальянцами, либо перед немцами? Свободные от предубеждений той или другой школы, мы тем плодотворнее для себя самих воспользуемся их положительным примером и тем скорее дойдем своей, нам свойственной, самобытной музыки"⁶².

Р. Вагнеру принадлежит много статей, в том числе и "О сущности немецкой музыки" (1840). Из нее мы узнаем, что из всех музыкальных жанров немцы отдают предпочтение инструментальной музыке. Перефразируя распространенное выражение — "у итальянца музыка служит любви, у француза —

обществу, немец же занимается ею как наукой”, Вагнер говорит следующее: “Итальянец — певец, француз — виртуоз, немец — музыкант”, поскольку только он любит музыку ради нее самой, а не потому что ею можно очаровать или приобрести известность и деньги. Немцу музыка необходима не только для чувств но и для ума: “Он отрицает ее как усладу одних только чувств, он требует услады духа”⁶³.

В 1859 г. в Петербурге по инициативе А.Г. Рубинштейна и других музыкантов основано Русское музыкальное общество. В начале 60-х годов усилиями композитора М.А. Балакирева организовалась “новая русская музыкальная школа”, более известная под названием “Могучей кучки” или “Балакиревского кружка”. В кружок входили А.П. Бородин, Ц.А. Кюи, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков и какое-то время к ним примыкали А.С. Гусаковский, Н.Н. Лодыженский и Н.В. Щербачев. Известность также получил “Беляевский кружок”⁶⁴. В кружок, возглавляемый Н.А. Римским-Корсаковым, входили Ф.М. и С.М. Blumenфельды, Я. Витол, А.К. Глазунов, А.К. Лядов, Н.А. Соколов, Н.Н. Черепнин. С 1896 по 1912 гг. в Москве существовал кружок любителей русской музыки — “Керзенский кружок”, основанный А.М. и М.С. Керзинными.

В 1862 г. Милий Алексеевич Балакирев (1836—1910) вместе с Г.Я. Ломакиным организовал Бесплатную музыкальную школу и повел борьбу против А. Рубинштейна и его “Русского музыкального общества”. В письме от 12 ноября 1862 г. Балакирев сообщает Римскому-Корсакову, что это общество пытается устроить в России музыкальный департамент, для которого в Консерватории будут воспитываться музыкальные чиновники, “долженствующие всю русскую музыку подвести под ярмо музыкальных немецких (Остзейских) генералов (под генералами разумею здесь не Бетховена или Шумана, а самого Рубинштейна, Карла Шуберта — этих воплощенных консерваторов), и тогда горе всем тем, кои будут сопротивляться. Немцы имеют пред нами большое преимущество: имея подлую корпоративную способность они легко подчиняют своему влиянию разрозненных русских. — Русские же ни для какого дела сплотиться не могут”. Потому-то Балакирев очень рад тому, что ему с Ломакиным удалось кое-что сделать, и на будущий сезон вероятно у них откроются абонементные концерты, на которых будет “русская музыка и народное музыкальное воспитание”⁶⁵.

Русский композитор, музыкальный критик, инженер-генерал, специалист в области фортификации Цезарь Антонович Кюи (1835—1918), один из идеологов “могучей кучки”, в статье 1864 г. “Оперный сезон в Петербурге” предпринял попытку сравнения итальянской, французской, немецкой и русской музыкальной школы. Итальянская школа “развивала мелодию”, французскую школу отличает “холодность и бесстрастность”. Больше внимания он уделяет немецкой школе, в которой он выделяет два элемента: “народный” и “фантастический”. Эти элементы при “глубоком и мечтательном складе” немецкого ума придают музыки особый оттенок: немецкая музыка “глубоко проникнута чувством, часто переходящем в чувственность”⁶⁶. Однако в настоящее время, замечает Кюи, музыка в Германии “пресытилась и одряхла”. Русская музыка, основателем которой Кюи считает Глинку, очень близка к немецкой “по глубине чувства и силе страсти”. Но она имеет и свои особенности. Например, чрезвычайно важную роль в русской опере играет речитатив, которому присущи сочность, мелодичность, выразительность, благодаря чему мы способны выразить “порывы страсти, движения сердца”. Большое значение в этом принадлежит и декламации, доведенной до совершенства, чему способствовал в немалой степени русский язык, “один из самых благородных языков для пения”. Своеобразие русской опере придает и сильно развитый “комический элемент”. Наш комизм, в отличие от комизма французской или итальянской школы, веселящего публику скороговоркой и вздором, почерпнут из народа, и “вызывает раздумье”. Своеобразен в русских операх и хор. Как пишет Кюи, наш хор “это уже не толпа без воли, собирающаяся для того, чтобы петь: это собрание людей, действующих сознательно и самостоятельно”. В целом же относительно русской музыки Кюи того мнения, что за ней будущее, поскольку в Европе музыка “одряхла и не может подбодриться, несмотря на все гармонические и оркестровые приправы”, а в России музыка “полна сил и свежести”, европейская музыка “отжила свой век”, а наша “только начинает жить”⁶⁷.

Молодой композитор и пианист С. И. Танеев (1856—1915) в конце февраля 1879 г. набросал свой план создания русской музыки, озаглавленный в дневнике следующим образом: “Что делать русским композиторам?”⁶⁸. Сначала он излагает историю становления европейской музыки. Формы европейской

музыки — сонаты, симфонии и т.д. — развились из фуги, а fuga в свою очередь произошла из “контрапунктирования народных и церковных мелодий”. Таким образом в народных мелодиях в потенции содержалась вся современная европейская музыка и стоило только к ним “приложить мысль человеческую”, чтобы потенциальное стало актуальным и образовались самые разнообразные музыкальные формы. Русские музыканты обучаясь западной музыке встречаются с законченными формами и потом, закончив обучение, они либо сочиняют в европейском стиле, либо стараются “втиснуть в европейские формы русскую песню”⁶⁹. Так например “национальный композитор” Глинка не написал ни одной симфонии, но сочинял для оркестра фантазии на испанские мотивы, немецкие вальсы; Чайковский написал четыре симфонии, но только вторая да финал четвертой — на русские темы, а сочиняя русские темы он “постоянно сбивался на европейские мотивы”⁷⁰. Но по другому и быть не может, поскольку европейские формы для нас чужды, а своих у нас нет. Далее он пишет:

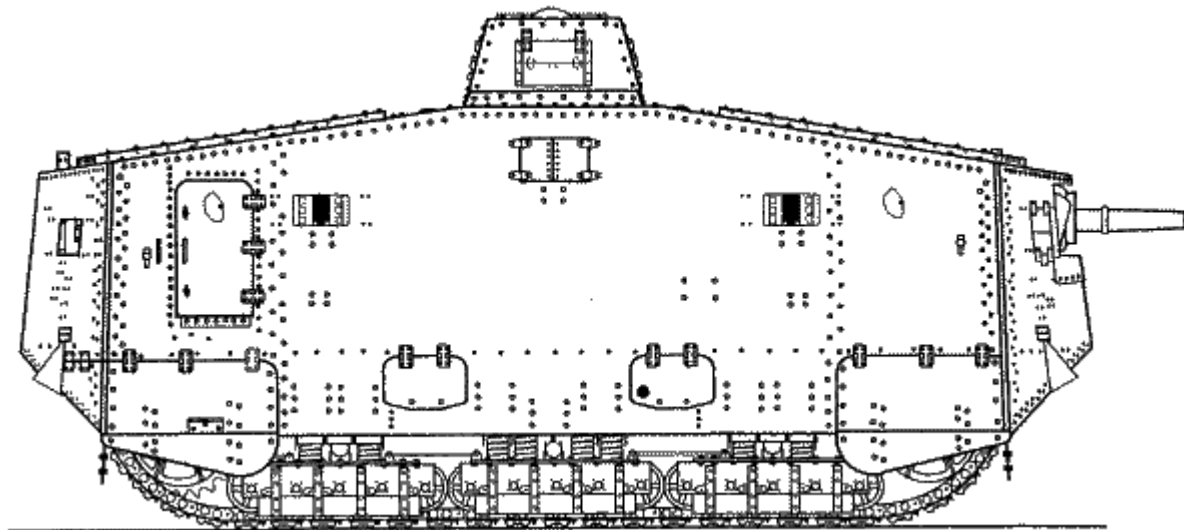
“Мы не имеем *национальной музыки*. Чайковский, лучший русский композитор, пишет учебник гармонии какой? Европейской. У нас нет *выработанной гармонии*. Русской музыки не существует, а есть сырой материал — песня и *механическое смешение ее с чуждыми формами*, больше ничего. Задача каждого русского музыканта заключается в том, чтобы способствовать *созданию национальной музыки*. История западной музыки отвечает нам на вопрос, что для этого нужно делать: *приложить к русской песне ту работу мысли, которая была приложена к песне западных народов, и у нас будет национальная музыка*. Начать с элементарных контрапунктных форм, переходить к более сложным, выработать форму русской фуги, а тогда до сложных инструментальных форм один шаг. Европейцам на это понадобилось несколько столетий, нам время значительно сократится. Мы знаем дорогу, мы знаем цель, мы можем беспрепятственно пользоваться опытом европейцев <...>. Кто знает, может быть следующему поколению мы завещаем новые формы, новую музыку. Кто знает, может быть через несколько десятилетий, может быть в начале следующего столетия явятся русские формы <...>”⁷¹.

В августе 1880 г. Чайковский сообщает Танееву в письме, что вспомнил, как тот убеждал его во время беседы, что “путем колоссальных контрапунктических работ” собирается найти особенную “русскую гармонию”, что тогда мысль Танеева показалась Чайковскому смелой, но в то же время он подумал, что “в сущности это чистейшая славянофильская теория, приложенная к музыке” и твердое намерение заниматься этим проектом он оценил как “донкихотство”⁷².

В 1892 г. Н.А. Римский-Корсаков (1844—1908) задумал написать сочинение о русской музыке. Стал знакомиться с литературой по эстетике, затем перешел на общефилософские проблемы. Чуть ли не каждый день он покупал книги по философии и лихорадочно постигал смысл всех явлений Вселенной, читая различные истории философии, в том числе и позитивиста Д.Г. Льюиса, учебники логики, сочинения Спинозы, Спенсера и проч. Примечательно, что С. И. Танеев также увлекался философией. Среди книг его библиотеки “История философии” Льюиса, сочинения А.А. Козлова, “Логика” Минто и “Учебник логики” М.М. Троицкого, с которым он был лично знаком и руководствовался его указаниями при изучении этой философской дисциплины. Самым любимым философом Танеева был Спиноза, учение которого он иллюстрировал геометрическими схемами. Но вернемся к Римскому-Корсакову. Он так был поглощен своими изысканиями в новой для него сфере духа, что оставил сочинение музыкальных произведений. “Но к музыке я совершенно охладел и мысль заняться своим философским образованием неотступно преследовала меня”⁷³. Однако усиленные интеллектуальные занятия и обострение склероза артерий серьезно подорвали его здоровье и композитору пришлось оставить на время чтение книг. Впоследствии — со слов его супруги — он пришел к убеждению, что “погружение в философию и эстетику нарушает и тормозит творческую деятельность”⁷⁴.

Композитор прекратил философские занятия и “возродился к творческой деятельности, проявляя ее с такой энергией, как никогда прежде”⁷⁵. По прошествии двух лет он уничтожил все свои труды по эстетике, среди которых было и сочинение “О русской музыке и новой русской школе” (Об этом сочинении он упоминает в статье “Вагнер и Даргомыжский”⁷⁶).

Музы оставили в покое Римского-Корсакова и вдохновили одного из русских философов постичь разумом творчество русского композитора. Этим философом был И.И. Лапшин, издавший в 1911 г.

в С.-Петербурге
 небольшое
 сочинение
 "Философские
 мотивы в
 творчестве Н.А.
 Римского-
 Корсакова".
 Римский-Корсаков
 для Лапшина —
 величавый певец

"вселенского чувства, космической эмоции", а его муза, являющаяся в "вечно-женственных" образах Снегурочки, Нимфы, Волховы, Царевны Лебеди и т.д., — это есть ничто иное как "мировая душа"⁷². В музыке Римского-Корсакова Лапшин находит "апофеоз природы".

3.3. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ

В самый канун войны М. Шагинян спрашивает немку Берту: "За что вы так любите вашего кайзера?" "За то, что он — идеалист" ("Путешествие в Веймар"). В 1916 г. известный русский психолог, академик Бехтерев издал книжицу под названием "Вильгельм — дегенерат неронового типа"...

В 1914 г. Россия вступила в первую мировую войну. 29 января 1915 г. на заседании "Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева" в Москве [В.Ф. Эрн](#) сделал необычный доклад, озаглавленный согласно эпохе модерна и военному положению следующим образом: "От Канта к Круппу"... Чуть раньше Г. А. Рачинский отметил, что в этой войне мы имеем дело не с культурой Германии, сражаемся "не с Германией Альбрехта Дюрера, Гольбейна и художников, создавших бессмертные картины и скульптуры ее древних соборов, не с Германией Лессинга, Гердера, Шиллера, Гете и Новалиса; не с Германией Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, этих учителей как русских славянофилов, так и русских западников, не со всей этой великой культурой недавнего прошлого боремся мы"... Но его коллега В.Ф. Эрн думал иначе. "Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные, кровожадные когти. Лик "народа философов" исказился звериной жестокостью"⁷⁸. Тезисы, выдвинутые Эрном в этом, не столько патриотичном, сколько эксцентричном докладе, хорошо отражающем личность противника западного рационализма, следующие: "Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа". — Одним словом, Ratio, с невидимым присутствием которого (например, в редакции журнала "Логос") В.Ф. Эрн боролся, явилось теперь *ВИДИМО*, телесно в образе германской армии, с которой необходимо бороться уже другими средствами.

Интересен этно-психологический портрет Эрна, данный [С.Н. Булгаковым](#), характеризующий и Булгакова, и время: "Памяти В. Ф. Эрна (Речь в заседании Московского религиозно-философского общества памяти В. Ф. Эрна 22 мая 1917 г.)". По его мнению шведско-славянская двойственность, которая отличала Эрна, дает "сложную половую характеристику", а именно: "Начало волевой мужественности, соответствующее в нем шведской стихии, имеет само по себе подпочвенное сродство с германским женоненавистничеством, безженностью, небратскостью, насильничеством германского духа. Оно давало Вл. Ф-чу возможность внутреннего опыта для опознания того протестантского начала, сущность которого состоит в отрыве от души мира, Вечной Женственности, что обнаруживается в неверии в Богородицу и всяческом иконоборчестве <...>. В германском соблазне он познал величайшую духовную опасность для русской души <...>. Германская стихия вампиризма и насильничества есть мужская сила не умеряемая и не увлажняемая женским началом <...>. Все это Эрну открывалось не только через изучение истории

философии и культуры, но и чрез внутренний опыт, я готов сказать, чрез его шведскую кровь, которая одновременно и родственна с германской, тронута ее протестантской тинктурой, но вместе с тем и отлична от нее" <...>⁷⁹. В частности наибольшее отталкивание вызывало в Эрне то своеобразное мужское хлыстовство, оргиазм силы и насильничества, пьяность человечности в протестантской религии, в философии, в науке, в технике, в войне, какое составляет наиболее глубокую черту внешне трезвого германства. Это хлыстовское исступление и есть пафос германского милитаризма, воли к власти, к миродержавству, мировой его Drang. И именно это мужское хлыстовство Германии соблазняет, одуряет Русь чрез ее стихию женского хлыстовства, на которое оно действует как пожарный на кухарку. По разному может титуловать себя эта русская Матрена: неокантианство, марксизм, большевизм, ленинство и т.п. Все это русские мухи, бьющиеся в паутине немецкого паука. И вот эту-то паутину хотел разорвать всеми способами Эрн⁸⁰.

В том же 1914 году в Сергиевом Посаде вышла в свет книга преподавателя Московской духовной академии С.С. Глаголева, в которой утверждалось, что "разгром народов всегда бывает и разгромом мирозозерцаний"⁸¹. Двумя годами позже вышла книга арх. Иллариона, где и исторический экскурс, и этимология имен по поводу немцев. Архимандриту "как-то грустно становилось на душе", когда он просматривал курсы по русской истории или литературы. Почему? А потому, что улавливал он там одну и ту же мысль, которую приблизительно можно выразить так: "Долго жила Русь, но никакого толку в ней не было. Был один мрак, невежество, суеверие. Наконец, явился Петр Первый. Сначала он часто ездил в немецкую слободу, потом "прорубил окно в Европу" и "преобразовал" Россию. Только с Петра и увидела Россия свет"⁸². Но если здесь содержится упрек нашим "западникам", то далее достается немцам, а также нашей интеллигенции: "Интеллигенция и верхи русского общества поклонились немцу, а народ к немцу всегда относился как будто свысока, всегда критически, недоверчиво и даже иронически. Ведь в русском языке совершенно литературное слово "немец". А разбери, что оно значит. В народном говоре все западные люди "немцы". Не кажется ли Тебе, мой Друг, самое это название снисходительно-ироническим? Ведь когда дитя малое лопочет неудобовразумительное, ему говорят: "ах, ты — немец!" А потом, как представляется немец в народной песне, в народных анекдотах? Непременно смешным, тупым и трусливым. Русский пред ним молодец молодецом — и догадлив, и отважен".

"Время славянофильствует!" — восклицает Эрн. "Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании", — пишет [Н.А. Бердяев](#) в сборнике "Душа России"⁸³ ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)). С.Н. Булгаков, сходявший на выставку скульптора А.С. Голубкиной, сообщает общественности, что "здесь совершилась еще одна славная, но бескровная победа русского духа!".

В публичной лекции "Война и русское самосознание" С.Н. Булгаков заявил, что всемирная война означает новый и великий этап в истории русского самосознания, а именно — "освобождении русского духа от западнического идолопоклонничества, великое крушение кумиров, новую и великую свободу"⁸⁴. Он заявил также, что весь мир "ждет русского слова, русского творчества, порыва, вдохновения. Миру должна быть явлена мощь русского духа, его религиозная глубина; царство "третьего Рима"". Выступающий призвал к тому, чтобы "явить ново-византийскую, русско-православную культуру христианского востока" и тогда "свершиться полнота западно-восточного мира, сомкнется круг исторической цепи. Наступает исторический черед России, от нее зависит будущее, не для нее только, но и для всего мира. Ибо ныне окончательно надвинулась эпоха *мировой* истории, когда все, что имеет совершаться, свершается для всех народов, для всего мира — пора местных обособлений уже миновала"⁸⁵.

Теперь перенесемся по ту сторону линии фронта⁸⁶.

Священник Сергей Соловьев в статье "Национальные боги и бог истинный" вспомнил новогоднюю речь генерала Брусилова к солдатам, в которой тот сказал, что "мы верим, что у всех народов один Бог, а немцы верят в какого-то своего, старого национального бога. Едва ли этот бог — не сам сатана. Против этого-то сатаны мы и ведем борьбу"⁸⁷. Чуть мягче упрек, но с намеком, что человечеству от таких ходов мысли не легче, содержится в труде арх. Иллариона: "Это ведь немцы задумали подменить богословие богословской наукой. Это ведь немцы в философии не пожалели мира ради торжества

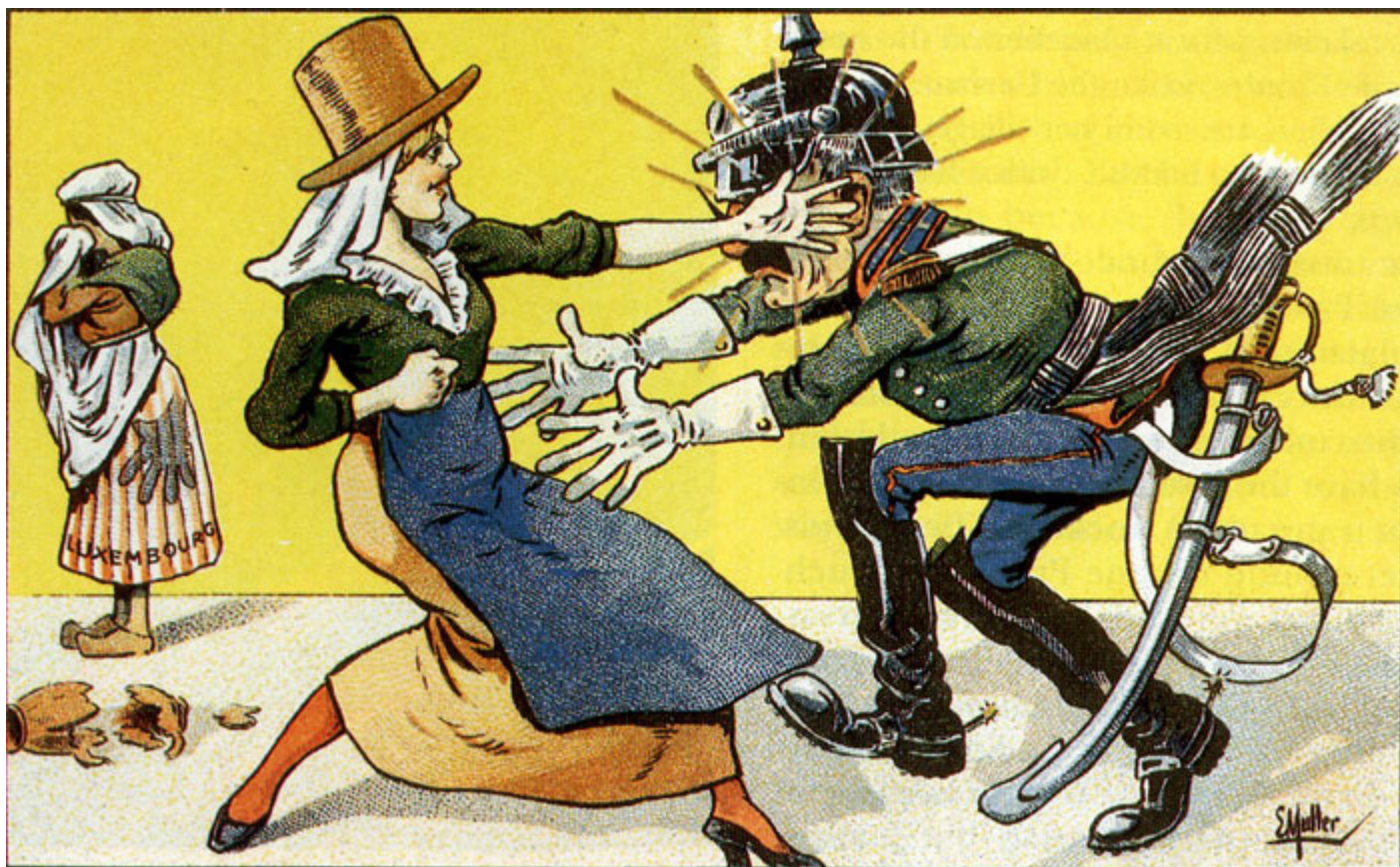
отвлеченной мысли. Типичный немец Кант обратил весь мир в непонятое и непостижимое Ding an sich. Славянин по природе не рационалист. Славянину рационализм противен⁸⁸.

Что до Соловьева, то он замечает, что не одни немцы отрицают всечеловеческого Бога и вместо него воздвигают национального идола, поскольку этим грешат и "многие властители дум в России, для которых борьба России и Германии есть борьба двух национальных богов", а всякий национальный бог "если и не сам сатана, то во всяком случае демон"⁸⁹. С. Соловьева раздражают "голоса национального самообожания" и риторика о "Червоной Руси", "Святой Софии". Он более склонен к тому, что если Англия сможет дать нам "начала права и закона для обновления нашей государственной жизни, то союз с романскими народами приобретет высший смысл как союз с коренным началом их жизни — с католицизмом". Сердце современного католицизма — Франция, и мы были под влиянием немцев, когда смотрели на французов, как на "вырождающуюся нацию"⁹⁰. Заканчивает же свою статью С. Соловьев призывом к соединению церквей⁹¹.

Что касается философии военных противников, то интересное наблюдение содержится в "Обзоре немецкой философской литературы 1914—1921 гг." А. Франковского во втором номере журнала "Мысль" за 1922 г. (Петроград): "Война не вызвала к жизни каких-либо значительных философских произведений. Мировые события в малой мере отразились на развитии научной немецкой философии. Оно продолжало совершаться своим обычным темпом.

Косвенным следствием военных событий было уменьшение влияния французской и американской философии, то есть философии Бергсона и прагматизма, но и раньше эти чужеродные системы находили сравнительно слабый отклик в немецкой философской литературе <...>. Война послужила поводом отчетливо противопоставить немецкий философский дух чужеземному. Для Hermann Cohen ("Über das eigentümliche des deutschen Geistes" ("О своеобразии немецкого духа" /нем./ — В.В.). Berlin, 1914) немецкая философия является по существу своему идеалистической и продолжает традиции греческой философии, особенно философии Платона"⁹².

В 1916 г. в Петрограде (в связи с войной произошло переименование столицы, освобождение ее от немецкого духа, заключающегося в названии Петербург) вышел сборник "Две культуры (к философии нынешней войны)", составленный из переводов статей философов враждующих стран — В. Вундта, К. Ламрехта, А. Бергсона, Э. Леру, "Манифеста 93-х представителей германской науки, философии и искусства и германских университетов". В статье "Сущность истинной войны" Вильгельм Вундт восклицал: "Что нам до того, что г. А.Бергсон, которого в Германии ни один серьезный философ никогда не считал философом, называет нас варварами. Ведь мы знаем, что этот философ позаимствовал от нас варваров те из своих мыслей, которые имеют некоторую ценность, придав им мишурный блеск своих фраз, чтобы ложно объявить их новыми, самостоятельно открытыми"⁹³. По поводу России он замечает: "Варварская Россия"... Что касается национального своеобразия философии, то Вундт отмечает: "Ведь дух народа верно и ярко отражается в его философии, конечно, не в философии, созданной страной, а в философии, утвердившейся и господствующей в стране"⁹⁴. Эрнест Леру в статье "Франция и Германия. Две культуры" негодует по поводу "проклятого "манифеста 93-х" проклятой страны профессоров", в которой один из университетов "имел бесстыдство провозгласить доктором Honoris causa Круппа, изобретателя 42-х сантиметровых гаубиц"⁹⁵. Леру сравнивает литературу, поэзию, живопись, музыку, науку и философию Германии и Франции. Сравнение, конечно же, не в пользу Германии: Франция и ее союзники превосходят Германию по всем параметрам. Что касается философии, то если здесь "германский гений и достиг полного расцвета", тем не менее германская философия несколько "туманна" и ей не хватает той ясности, которой французские философы обязаны своему родному языку⁹⁶.

В том же Петрограде в 1922 г. были опубликованы записки 80-летнего В. Вундта, которые он закончил писать в январе 1920 г. Основным масштабом, согласно которому можно судить о типичных чертах какой-либо нации, по мнению В. Вундта следует признать ее философию⁹⁷. Какого же рода философия господствует в Германии? Какая философия типична для германской нации? — задается вопросом автор, однако полагает, что “невозможно дать однозначного ответа”⁹⁸. Более интересна для нас другая работа В. Вундта — “Нации и их философии (Глава из мировой войны)”. В первой главе, озаглавленной “Происхождение нового мировоззрения”, В. Вундт отмечает, что развитие философии в большей мере, чем отдельные науки, связано с общей культурой народа. По мере того, как народный язык проникает сначала в поэзию, а затем в науку и философию, он раскрывает духовные особенности нации. Характерной чертой новой философии, в противоположность средневековому мышлению, является то, что она “разделилась на течения, в которых нашел свое выражение духовный характер народов”⁹⁹. В. Вундт считает правомерным говорить “об итальянской, французской, английской и немецкой эрах философии”¹⁰⁰, таких как “итальянский ренессанс”, “французская философия”, “английская философия”, “немецкий идеализм”.

В развитии немецкой философии сказывается ее своеобразный характер. Самостоятельному развитию философии способствовало то, что она тесно примыкает к немецкой реформации, а потому в немецкой философии “рано выступили на первый план религиозные и тесно связанные с ними метафизические проблемы, и что черты универсализма остались свойственны этой философии” (¹⁰¹). Наиболее цельным представителем этого направления немецкого духа — “в смысле тесной связанности религиозных и метафизических интересов” — был по мнению В. Вундта Лейбниц, который обладал в высшей мере “способностью приспособления к чужому, которая может быть большим преимуществом, если она уравновешивается сильным национальным самосознанием, но которая делается непростительной слабостью, если этой компенсации нет”¹⁰². Философское мировоззрение Лейбница включает в себе те главные идеи, которые получили свое развитие в немецкой философии следующего столетия. “Французская внешность” “Монадологии” Лейбница и его “Опыта о человеческом уме” не дает еще основания считать его и по духу интернациональным философом. “Монадология”, полагает В. Вундт, есть чисто немецкое создание, “в котором строгая логичность строения мысли и черты старой немецкой мистики слились в

гармоническую систему; а в его "Опыте", в полемике с Локком дается в диалогической форме живая картина национальных противоположностей мышления". В противоположность французскому догматизму, раскалывающему единство бытия в неразрешимом противопоставлении Бога и мира, души и тела, и английскому реализму, возводящему в руководящие мотивы чувственную видимость и внешнюю полезность, Лейбницу единство бытия представляется необходимым требованием философского мышления. Естественным же выводом из этого требования является то положение, что сущность вещей должна быть мыслима как духовная, по аналогии с человеческим духом, который служит своеобразным зеркалом мира. Благодаря именно всем этим особенностям Лейбниц и сделался "основателем того идеализма, который отныне сделался специфическим для немецкой философии"¹⁰³.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 3

1. Кто из российских философов описывает на примере литературного процесса "столкновение методов исследования", вызванного различием менталитета французов, немцев, англичан?
2. Кто из российских философов считал, что "идеализм и склонность к высшим обобщениям делают немцев мягче"?
3. Кто из российских музыкальных критиков выявлял "национальный склад немецкого ума", каковы результаты?
4. Каков национальный характер "немца" сквозь прицел крупповской пушки в интерпретации В.Ф. Эрна?

Темы эссе и рефератов к теме 3

Немецкая составляющая в российской истории

Образ немца в художественной литературе: философский анализ.

Философский диалог Россия - Германия

Основные (базовые) термины и понятия к теме 3

Война

Культур

Музыка

Философия музыки

Философия культуры

Стиль

Склад ума

Строй мыслей

Коллективная душа

Литература к теме 3

Основная

1. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских: (XIX век) / РАН. Ин-т всеобщ. истории. - М., 2000.
2. Русское общество 40-50-х гг. XIX в.. М., 1991.
3. В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, С. 488.
4. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994, Т.2, С. 446.

5. Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли. - Полное собрание сочинений. М., 1991, Т.1, С. 450.
6. Надеждин Н. И. Сочинение в двух томах (Т. I: Эстетика. Т. II: Философия). СПб., 2000, С. 735, С. 287.
7. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994, Т. 1, С. 303.
8. Бердяев Н. А. Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М., 1990, С. 35.

Дополнительная

1. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. 1997.
2. Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.
3. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
4. Фридрих Шеллинг: pro et contra. - Русский путь, РХГИ, М., 2001.
5. Философия Шеллинга в России XIX века. - СПб., РХГИ, 1998.
6. Ф. Ницше: Pro et Contra. Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр Ю. В. Синеокой. - СПб.: РХГИ, 2001.
7. Кант и кантианцы: Критические очерки одной философской традиции. - М., 1978.
8. Абрамов А.И., Сулова Л.А. Кант в России // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. - М., 1999.
9. Россия и Германия: Опыт философского диалога. - М., 1993.
10. Кант и философия в России. - М., 1994.

ТЕМА 4. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: "АНГЛИЯ", "АНГЛИЧАНИН"

- 4.1. ОБРАЗ "АНГЛИЧАНИНА" И "АНГЛИИ"
- 4.2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ

4.1. ОБРАЗ "АНГЛИЧАНИНА" И "АНГЛИИ"

Немец [Фридрих Энгельс](#), удачливый предприниматель, неоднократно с помощью финансовой поддержки (хорошо налаженный бизнес в Англии) помогавший своему другу [Карлу Марксу](#) теоретически постигать тайну прибавочной стоимости, сообщал читателям своей статьи "Положение Англии", что англичанам "совершенно чужд пантеизм, они признают лишь скептицизм; результатом всей английской философской мысли является разочарование в силе разума, отрицание за ним способности разрешить те противоречия, в которые в конце концов впали; отсюда, с одной стороны, возврат к вере, с другой — приверженность к чистой практике без малейшего интереса к метафизике и т.д."¹⁰⁴.

Наш соотечественник Н. П. Огарев, отметив, что француз Декарт, немец Лейбниц и англичанин Ньютон вследствие общей им тенденции мысли к дифференциальному исчислению дошли до схожих гипотез в метафизике, обращает внимание также (в своих "Заметках и набросках", 1858 г.) на "различие национального гения во всех трех предположениях": "Англичанин схватился за предположение материально-положительное; француз — за нечто абстрактно-бунтующее, хаотическое; немец — за абстрактно-идеальное, которое в действительном мире уже не нашло приложимой математической формулы"¹⁰⁵. В "Письмах об изучении природы" (1846) разбираясь с развитием реализма и сравнив в этой сфере мысли англичан и французов, [А.И. Герцен](#) отметил, что в то время как англичане всякий общий вопрос делают местным, национальным, у французов, наоборот, "всякий местный, частный вопрос

становится общечеловеческим¹⁰⁶. В мышлении "островитян" европеец может заметить проявление ограниченности, а именно: хотя мысль британца "определенна, положительна, тверда", но тем самым видны ее пределы. Кроме того англичанин всегда "прерывает нить своей мысли на том месте, где она отклоняется от существующего порядка"¹⁰⁷.

Москва – оплот славянофильства, сердце России. Но один из апостолов славянофильства – [А.С. Хомяков](#) в Москве чувствовал "какое-то родство с Лондоном и Англиею"¹⁰⁸. Ему "непременно хочется иметь при детях Англичанку", причем, если она "уже и пожила в России, это не беда; но новоприезжая лучше"¹⁰⁹. Он много путешествовал по Европе, посещал различные города и столицы (Гамбург, Берлин, Дрезден, Прага, Эмс, Брюссель, Париж и др.). Все они оказались "ничто" перед Лондоном, поскольку они кажутся только "слабым подражанием" ему. Единственное, что его раздражает в англичанах – их грамматика: "уродливая письменность английская, в которой буквы ставятся, кажется, не для того, чтобы показать, какие звуки следует произносить, а для того, чтобы читатель знал, каких звуков он произносить не должен"¹¹⁰. Но мания одного всегда дает основания для фобии другому. Так что когда в 1854 г. во время Крымской кампании Хомяков написал и распространил стихотворение "России". Реакция на эти стихи была весьма разнообразной – от восторженной до гневной. Второго было больше. Хомяков признавался К. С. Аксакову: "Меня заваливают по городской почте безымянными пасквилями (даже с онёрами извозничьей речи), а в клубе называли даже изменником, подкупленным англичанами"¹¹¹.

В статье "Англия" (1848) славянофил и англоман Хомяков сожалеет только о том, что здесь слабо развит "философский анализ". Тем не менее эта "слабость" ему предпочтительней "слепого суеверия немца", который думает, согласно мнению Хомякова, что "односторонняя сила строгого логического процесса может не только доискаться до всякой живой истины, но и воссоздать ее"¹¹². Слабость англичан в философском анализе Хомяков предпочитает также и "детскому суеверию француза", который "воображает, что верхоглядное вдохновение ума может для него разоблачить все тайны жизни, общества и мира"¹¹³.

В той же статье "Англия" (1848) Хомяков выдвинул фантастическое утверждение об этимологическом соответствии слов "угличане" и "англичане": "в имени Инглинг, Енглинг или Англинг (Енглич или Англич) мы находим только носовую форму славянского племенного имени угличей". Тут сразу же вспоминается "рыба лососина", из которой француз в России вывел "страшное убийство"...

Другой российский философ — [В.С. Соловьев](#) — также посетивший Англию, но уже для проведения историко-философских изысканий — высказался о духе ее обитателей негативно. В качестве "позитива" в составлении образа им были использованы континентальные соседи — немцы. Выставив весь ряд оппозиций, узнаем, что идеализм немцев и склонность к высшим обобщениям делают невозможным то, что присуще англичанам — "грубое эмпирическое людоедство" их политики. И если немцы "поглотили вендов, пруссов и собираются поглотить поляков, то не потому, что это им выгодно, а потому, что это их "призвание" как высшей расы: германизируя низшие народности, возводить их к истинной культуре"¹¹⁴. Впрочем иной раз в политической сфере немцы также ведут себя "по-людоедски", однако их философское превосходство вносит определенные коррективы в поведение: "они направляют свое поглощающее действие не на внешнее достояние народа только, но и на его внутреннюю сущность". В то время как английская эксплуатация исходит лишь из материальной выгоды, германская — из "духовного призвания"; англичанин "является перед своими жертвами как пират, а немец — как педагог, воспитывающий их для высшего образования". Эмпирик англичанин имеет дело с фактами; мыслитель немец с идеей, а потому он лишь "грабит и давит народы", в то время как первый "уничтожает в них самую народность"¹¹⁵.

О философии самобытно-английской...

В 1893 г., когда Ал. Ив. Введенский знакомил читающую публику с характерными чертами философии "самобытно-русской", приват-доцент С.-Петербургского университета по кафедре философии Л. В. Рутковский ознакомил студентов с характерными чертами симпатичной ему самобытной английской философии.

Первым в России воспел английскую философию (психологию) — чтобы умалить значение немецкой — М. М. Троицкий¹¹⁶. А в 1777 г. Н. И. Новиков писал в журнале "Утренний свет", что "англичане

великие оказали успехи в философии”, и причиной этого он усматривал в “гордой вольности их мыслей и сочинений, которые могут быть примером целому свету”¹¹⁷.

Леонид Васильевич Рутковский (1859—1920) окончил курс на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. В 1889 г. защитил в Казанском университете диссертацию на степень магистра философии: “Основные типы умозаключений”. 2 октября 1893 г. он выступил перед студентами С.-Петербургского университета с лекцией “Общий характер английской философии”¹¹⁸.

Самобытное развитие английской философии он начинает с первых десятилетий XVII в. исследованиями Фр. Бэкона, а все последующие течения в ней он считает лишь осуществлением и улучшением начертанной этим мыслителем философской программы. Английская философия за редким исключением “всегда была и теперь остается тою же, какую наметил ее Бэкон — эмпирической и положительной”¹¹⁹. Быть “положительной” означает принципиально исключать из своей области теологические и метафизические вопросы. Чисто умозрительный метод решения научных вопросов с помощью самоочевидных принципов разума противоречит “практическому характеру англичан”, их стремлению всегда и во всем видеть “прежде всего практические выгоды и невыгоды и направлять свои действия сообразуясь с этим расчетом их последствий”¹²⁰.

С самого возникновения английская философия много внимания уделяет психологическим проблемам. Интерес к психологии обуславливался в первую очередь необходимостью борьбы с теологией и метафизикой, придерживающихся теории “врожденных идей”. Также много внимания английские философы уделяли проблемам логики и теории познания. Другой характерной чертой английской самобытной философии является ее “тесная связь с естествознанием”¹²¹. В Англии никогда не знали столкновения между философией и естественными науками. Более того — установленный еще Бэконом и Гоббсом взгляд на философию как на естествознание в широком смысле слова так укоренился в Англии, что “значение английского слова philosophy совсем нельзя более передавать соответствующим немецким словом, и истинный natural philosopher, по английской терминологии, есть не кто другой, как экспериментатор-физик”¹²².

Следующая характерная черта английской философии — утилитаризм. Под утилитаризмом понимается следующее: “Уже философия Бэкона проникнута духом утилитаризма, глубоким сознанием человеческих бедствий и стремлением направить деятельность человеческого разума к их облегчению. На науку Бэкон смотрел как на средство к улучшению нашего состояния в этом мире, к приобретению власти над естественным течением природы и к усовершенствованию собственных сил и способностей, физических и духовных”¹²³.

Последней характерной чертой английской самобытной философии является своеобразие ее исторического развития. Английская философия на всем протяжении своего существования отличается тем характером, каким наделил ее Бэкон. Это единство характера философских исследований и составляет отличительную черту исторического развития английской философии. В то время как на континенте история философии представляет собой ряд сменяющихся обособленных систем, история английской философии демонстрирует миру непрерывное развитие взаимосвязанных систем — “один мыслитель начинает там, где кончил другой, и при согласии в общем направлении и основных принципах является таким образом возможность коллективной работы в прогрессе философской науки”¹²⁴. Таким образом в истории английской философии отсутствуют резкие демаркационные линии между отдельными мыслителями. Эта непрерывность в развитии представляется Рутковскому очень важным признаком, поскольку “дурной признак для науки, если чуть ли не каждые десять лет она претерпевает глубокие революции во взглядах и в своих системах. Это значит, что наука еще не установилась, и что на ее слово нельзя совершенно полагаться”¹²⁵.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 4

1. Кто из славянофилов был англоманом?
2. Кто из славянофилов нашел этимологическое соответствие слов "угличане" и "англичане"?
3. Политическому характеру какой страны отдает предпочтение В.С.Соловьев?
4. Каковы характерные черты английской философии по Л.В. Рутковскому?

Темы эссе и рефератов к теме 4

Образ англичанина в художественной литературе: философский анализ.

Философский диалог Россия - Англия

Основные (базовые) термины и понятия к теме 4

Политика

Этимология

Национальная философия

Склад ума

Литература к теме 4

Основная

1. Маркс К., Энгельс Фр. Сочинения (2-е изд.), Т.1, С. 589.
2. Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956, Т.2, С. 84.
3. Герцен А. И. Сочинения в двух томах. М., 1985, Т.1, С. 393.
4. Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988, С. 192-193.
5. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т.1: Философская публицистика. М., 1989, С. 61.

Дополнительная

1. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982.
2. Погодин М.П. Год в чужих краях, 1839. Дорожный дневник. М., 1844.
3. Шевырев С.П. Взгляд русского на образование Европы. - Москвитянин, 1844, кн.1.
4. Златковский М.Л. Джон Буль конца века. Политическая трагикомедия в пяти картинах. СПб., 1899.
5. Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909, с. VIII, X; его же. Записки генерала-еврея. Orange (Conn.), 1987.
6. Дионео. Очерки современной Англии. СПб., 1903; его же. Английские силуэты. СПб., 1905; его же. На темы о свободе. СПб., 1908; его же. Меняющаяся Англия, 3-е изд. СПб., 1915.
7. Чуковский К. Накануне победы. Пг., [б.г.]; его же. Заговорили молчавшие. Англичане и война. Пг., 1918.
8. Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию, т. 1-2. Пг., 1915.
9. Россия и Англия. Пг., 1915.

10. Проблемы Великой России, 1916, № 1.
11. Академик Е.А. Косминский о культурных связях России и Англии в XVII-XIX вв. - Исторический архив, 1994, № 6.
12. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
13. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век - первая половина XIX века). - Литературное наследство, т. 91. М., 1982; его же. Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
14. Павловская А.В. Англия и англичане. М., 2004.
15. Образ врага. Сборник. М., 2005.
16. Кросс Э.Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб, 1996;

ТЕМА 5. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: "АМЕРИКА", "АМЕРИКАНЕЦ"

- 5.1. РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАНТАЗИИ В ОБРАЗЕ "АМЕРИКИ" И "АМЕРИКАНЦА"
- 5.2. "АМЕРИКАНИЗМ" И "ПРАГМАТИЗМ"
- 5.3. АМЕРИКАНСКИЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИИ И СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ
- 5.4. АМЕРИКАНСКИЙ ДУХ И АМЕРИКАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

5.1. РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАНТАЗИИ В ОБРАЗЕ "АМЕРИКИ" И "АМЕРИКАНЦА"

Освоение Россией Америки началось с 1-й Камчатской экспедицией (1724—1729), в задачу которой входило узнать, — соединяется ли Азия с Америкой? Экспедиция Беринга и Чирикова (2-ая Камчатская, 1733—1743) достигла берегов Америки в июле 1741 г. За ними последовали экспедиции Сарычева и Биллингса, а затем — планомерное исследование нами земель Североамериканского континента. Этот этап российско-американских отношений связанный выходом России в Мировой океан, поиском "восточного пути" в Америку, способствует пробуждению интереса России к Америке. Начинается освоение новых земель, что приводит в итоге к формированию такого явления, как Русская Америка. При этом географическое изучение Нового Света намного опережало гуманитарное его освоение. Хотя в XIX веке публикации о внутренней жизни Америки в нашей прессе стали появляться чаще, Новый Свет все же, несмотря на знание россиянами некоторых подробностей, оставался для них белым пятном на интеллектуальной карте мира. Менее изученный, чем Старый Свет, но не менее притягательный. Постепенно штрих за штрихом белое пятно трансформировалось в некую геометрическую фигуру, символизирующую хотя и упрощенное, примерное, но все же более детальное знание.

Среди первых штрихов можно отметить рассуждения писателя Дж. Ф. Купера о просвещении в Америке, опубликованные в 1829 г. в 16-ом номере "Московского телеграфа"¹²⁶. Затем последовал тонкий штрих пером в "Обзрении русской словесности 1829 года", принадлежащего [И.В. Киреевскому](#) и опубликованного в 1830 году. Европа видится ему находящейся в состоянии "оцепенения", и из всего человечества только два народа и сами не спят, и не участвуют в усыплении других. Эти два народа — Соединенные Штаты и наше отечество — "молодые, свежие, цветут надеждою"¹²⁷. Однако географическая и политическая "отдаленность", а более всего "односторонность английской образованности Соединенных Штатов" всю надежду недремлющей части мыслящей Европы "переносят на Россию", — считает Киреевский. Схожее рассуждение мы находим на страницах книги француза [Алексиса де Токвиля](#), к произведению которого — "Демократия в Америке" — университетские профессора в Штатах до сих пор

относятся с почтением. Первый том своей книги он закончил (1835 г.) вот каким выводом: “В настоящее время в мире существует два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы”¹²⁸. Все остальные народы, по мнению Токвиля, “по-видимому, уже достигли пределов своего количественного роста”, в то время как русские и американцы — “постоянно растут”. Однако последующее сравнение русских с американцами оказывается не в нашу пользу: “американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми”; американцы “противостоят пустыне и варварству”, а русские — “хорошо вооруженным развитым народам”; американцы “одерживают победу с помощью плуга земледельца”, а русские — “солдатским штыком”. Затем, “в Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека”, а в России “вся сила общества сосредоточена в руках одного человека”; в Америке основу деятельности составляет свобода, а в России — рабство. Однако окончательный вывод французского писателя звучит оптимистично и для нас: “У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира”¹²⁹.

Идея совместного мирового господства двумя державами проявляла себя в различных вариациях и в отечественной литературе. На роль двух сверхдержав выдвигались различные кандидаты. В 1898 г. [Н.Ф. Федоров](#), сотрудник Румянцевской библиотеки, внимательно наблюдавший за событиями во всем мире, чтобы вовремя отметить что-либо позитивное для воплощения своего проекта “общего дела”, усмотрел среди прочего и такое явление, как формирование “двух новых мировых империй”: “восточно-океанской, американской” и “немецко-тюркской” империй¹³⁰. Спустя десять лет в свете собственной историософской проекции (“Мировая опасность...”, 1918 г.) Бердяеву показалось, что в результате мировой войны реально победить может “крайний Восток” — Япония и Китай, и “крайний Запад” — Америка. После ослабления и разложения Европы и России, в мире “воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы”¹³¹. Так в тексте [Бердяева](#) отчасти “сбывалось” пророчество [В.Ф. Одоевского](#), в фантастическом романе которого — “4338 год” — мир в том далеком будущем оказался поделенным на два полушария, только не американское и китайское, а российское и китайское. В действительности же в скором времени, в реальности, еще при жизни Бердяева, мир окажется действительно поделенным на две половины, два “лагеря”, две зоны влияния: советскую и американскую.

Раз уж здесь вспомнился тот фантастический роман, написанный Одоевским в 1842 г., то стоит остановиться на нем, чтобы воспроизвести из него один эпизод, где перед российским читателем (действие романа происходит в “русском полушарии”) появляется американец. По ходу развития сюжета очередным посетителем трактира оказывается прилетевший на гальваностате “ординарный историк при дворе американского поэта Орлия” некто Хартин. Во время разговора героев автор делает характерную ремарку, передающую существенную черту персонажа, доминирующее качество представителя этой культуры: “Это не совсем дурно, — заметил расчетливый американец”. Поскольку у читателя этого произведения нет никаких оснований считать “расчетливость” проявлением особенностей индивидуального характера персонажа, то остается сделать вывод, что она заявлена Одоевским как национальная черта американцев. Закрывая тему фантастики и продолжая движение в выделенном направлении, следует упомянуть научно-фантастическую повесть [К.Э. Циолковского](#) “Вне Земли”, написанную уже спустя полвека после создания романа Одоевского. Каждый из членов международного экипажа космического корабля имеет характерное имя: Ньютон (англичанин), Франклин (американец), Гельмгольц (немец), Галилей (итальянец), Лаплас (француз), и, наконец, Иванов (русский). Ньютон был “наиболее философ и глубокий мыслитель-флегматик”, Франклин — с “оттенком практичности и религиозности”, Гельмгольц “сделал множество открытий по физике, но был иногда до того рассеян, что забывал, где у него правая рука, и был скорее холерик”, Галилей — “восторженный астроном и страстный любитель искусств, хотя в душе и презирал почему-то эту свою страсть к изящному”; Лаплас был “по преимуществу математик”, а Иванов — “большой фантазер, хотя и с огромными познаниями; он больше всех был мыслителем и чаще других возбуждал те странные вопросы, один из которых уже обсуждался в истекший день нашим обществом”¹³². В этом

“Иванове” легко узнавался сам Циолковский. Но то, что Циолковский сделал по простоте душевной, в силу писательской неискушенности, раздавая своим героям указанные имена для облегчения понимания, для мистика Н. Рериха играет более существенную роль. В статье “Душа народов” (1932), касаясь приготовлений американцев к торжествам в честь памяти Дж. Вашингтона, он замечает, что уже в самих приготовлениях обнаруживается “нерв страны”. Вашингтон не просто деятель, которому благодарные потомки готовят праздник, он герой, которого осознала душа народная, и этот герой выражает “смысл строительства Америки”¹³³. Всякий раз, когда вы произносите имена выдающихся сынов этой страны, например, “Вашингтон”, “Линкольн”, то с точки зрения Рериха вы “произносите сущность Соединенных Штатов Америки”¹³⁴. Эти и некоторые другие имена американских героев преодолели границы личности и стали “синтетическими мировыми понятиями”¹³⁵.

5.2. "АМЕРИКАНИЗМ" И "ПРАГМАТИЗМ"

Итак, даже в космосе, согласно Циолковскому, Франклин оставался быть с “оттенком практичности и религиозности”. Чаще всего в характеристиках американцев со стороны россиян (да и не только), звучит слово практичность, а это слово, в свою очередь, неразрывно связано с “торгашеским духом”. “Они идут с торговой конторой”, — писал восторженный от найденного образа Розанов в 1904 г. (“Американизм и американцы”). На основе впечатлений (в целом приятных) от путешествия по Европе он почувствовал себя в состоянии описать не только “европеизм”, но и “американизм”.

Но здесь необходимо сделать небольшое отступление для терминологического пояснения. Поскольку далее неоднократно будет встречаться термин “американизм”, то необходимо указать на некоторые явления с им связанные, и потому вводящие иного наблюдателя в заблуждение. К концу XIX в. в Штатах сформировалось направление, представители которого задумали приспособить учение католической церкви к американским условиям. Это движение в религиозной сфере получило характерное название — американизм. Некоторые принципы католицизма, противоречащие современному образу мышления американцев, планировалось исправить или вообще избавиться от них. Все это позволило бы, как казалось реформаторам, сделать католицизм в американском обществе “конкурентоспособным” с прочими конфессиями. С новой ересью — американизмом — пришлось разбираться престарелому папе Римскому Льву. В 1899 г. он направил американскому кардиналу И. Гиббону энциклику “*Testem benevolentiae*” (“Свидетель благодеяния”). В этом документе отмечалось, что деятельность американских католических церковников “вызывает подозрение”, поскольку среди них имеются священники, планирующие создать в Америке особую церковь, отличающуюся от существующей в других странах мира. Стремление американской церковной иерархии приспособиться к местным нравам, обычаям и традициям Ватикан окрестил “ересью американизма”. Представитель России при Ватикане Н. В. Чарыков сообщал министру иностранных дел Н. Н. Муравьеву в своем послании (14 (26) февраля 1899 г.), что “ересь американизма” порождена сомнениями американских прелатов в том, “может ли римско-католическая церковь, являющаяся специфическим продуктом латинской культуры и, в частности, города Рима, основанная на слепом подчинении авторитету и привыкшая опираться на светскую правительственную власть... может ли эта церковь в теперешнем ее виде существовать и преуспевать в Северной Америке, где господствует культура англо-германская, где жизнь общественная и частная основана на свободе и самодеятельности и где церковь совершенно отделена от государства”¹³⁶.

Так что на момент своего культурологического вояжа по Европе, говоря об “американизме”, Розанов описывал не религиозное еретическое направление. Он говорил об “американизме” как о типе культуре, принципе жизни. Здесь Розанов предстает как культуролог, который пытается описать присущий образу жизни и поведению американцев весь комплекс различных идей, убеждений и ценностей.

“Да, — настаивал он, — как можно говорить об европеизме, так можно говорить об американизме: оба эти факты огромного притяжения и неуловимого духовного смысла. “Европеизм” есть человечность, — как это понятие выработалось и утончилось в благородных европейских литературах XIX

века, в европейской науке, в ее философии: в столкновениях идейных, политических и религиозных. Увы, ни романтизм, ни классицизм не перебрались через Атлантический океан¹³⁷.

В "Итальянских впечатлениях" история нового "изма" выглядит следующим образом: "Настали Средние века. Настала готика... Явилась попытка оправдать все это, доказать все это — томительная, многотомная. Это — схоластика. Явились нервные болезни, исступление... Пока, от усталости, человек не решился вовсе об этом не думать. "Ни богов, ни бесов, ни вины, ни правды". Так решил новый мещанин. Это — американизм. Американизм есть столь же устойчивый и кардинальный момент истории, как Греция или Рим. "Мы будем торговать, а остальное не важно". Мы живем в этом моменте мещанства, мы только что в него вступили и вступаем"¹³⁸. Американизм в изложении Розанова — культурологический принцип. Америка — "первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещенною, живет без идей. Она не имеет религии иначе как в виде религиозности частных людей и частных обществ, не имеет в нашем смысле государства и правительства; не имеет национальных искусств и науки. Даже нельзя сказать, чтобы она имела нацию, ибо Соединенные Штаты не есть национальный организм, подобно России, или Германии, или Испании. Вот это-то существование без высших идей побеждает и едва ли не победит христианство, как христианство некогда победило классицизм. Так что вместо ожидаемого Страшного суда, которого так боялись апостолы и рисовал его Микель-Анджело, наступит длинная вереница буфетов..."¹³⁹. Другие соотечественники также замечали вторжение заокеанских элементов в сферу своей жизни, но в более мягкой форме. Так Юшкевич отметил в 1911 г., что "производство идей — как и все другие виды производства — страшно интенсифицировалось, американизировалось и требует теперь огромного напряжения нервов"¹⁴⁰.

Защита американцев от многочисленных и постоянных обвинений в мещанстве со стороны наших соотечественников пришла позднее. В евразийском манифесте "Исход к Востоку" (Кн.1. София, 1921) была напечатана статья философа [Г.В. Флоровского](#). Он уже покинул Россию, но еще и не помышлял о том, что ему придется жить и работать в Америке. В этой статье — "О народах неисторических", отметив, что "потoki культурной и бытовой "традиции" могут резко и обостренно расходиться", он пытается объяснить "загадочность лика Дальнего Запада" — Америки. По своему быту она "повторение и утрировка "Европы", гипертрофия общеевропейского демократизма и буржуазности". Но тем неожиданнее встретить под этой маской, появившейся вследствие неудачного копирования, самостоятельный тип культуры. Основы этой культуры проводятся Флоровским пунктиром от первых переселенцев, через деятельность Бенджамин Франклина, Эмерсона, вплоть до "self-made men Джека Лондона". Характерная черта этой культуры — "традиция радикального отрицания мещанства и путь жизни и утверждения индивидуальной свободы". "Где проходит колея этой традиции? — спрашивает Флоровский и отвечает: — Она почти неуловима: "пластицизм" лишь символизирует ее, но именно в ней, а не в "капитализме" усматривает свой "дух" американское самосознание, исповедующее Джемса своим пророком"¹⁴¹. Розанов на эту защиту, имея он возможность ознакомиться с ней, ответил бы скорее всего издевательством, где заодно досталось бы и евразийскому "изму". Американцам нужно "имя, а не звуки", — продолжал резвиться Розанов в 1914 г. ("Среди художников"). "Им пой хоть курица, только бы это была самая знаменитая курица в мире"¹⁴². Определения "американизма", но уже граничащие с идиотизмом, в огромном количестве наводнят научную и популярную литературу в советское время. Однако не желая забегать в этой главе слишком далеко во времени, собираясь лишь показать живучесть темы и особо своеобразные способы ее проявления, укажем лишь на трактат философа А. Ф. Лосева "Диалектика мифа" (1930 г.), в котором встречается передача сути американизма посредством сравнения со светом электрических лампочек: "Свет электрических лампочек есть мертвый, механический свет. Он не гипнотизирует, а только притупляет, огрубляет чувства. В нем есть ограниченность и пустота американизма"¹⁴³.

Когда говорят об "Америке", подмечает Г. В. Флоровский в статье "Смысл истории и смысл жизни" (1921), все же находясь в Европе, то невольно думают "о миллиардерах и трестах, о небоскребах и лифтах", представляют себе "мир рафинированного мещанства", и совершенно не улавливают "таящегося под пестрой тканью "культуры" духа, прямого потомка того религиозного энтузиазма, который привел сюда... первых американцев"¹⁴⁴. В 1948 г. Флоровский переехал в США, где получил место профессора

догматического богословия Свято-Владимирской духовной семинарии в Крестовде¹⁴⁵. Там же в Штатах оказались некоторые из российских философов, насильственно высланных из России. Среди них и [Н.О. Лосский](#). Воспроизведя расхожее “в России и во всей Европе” представление об американцах как о людях “занятых только добыванием долларов и борющихся за свои интересы с безоглядной жестокостью”, изгнанный из Советской России философ Н.О. Лосский убедился на своем опыте, и “очень скоро”, живя в Новом Свете, в неверности этих представлений. Оказалось, что общий характер отношений американцев к людям проявляется следующим образом: “приветливая улыбка, благожелательность, готовность помочь”, а в академических кругах он “наблюдал идеализм, напоминающий свойства русской интеллигенции”¹⁴⁶.

5.3. АМЕРИКАНСКИЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИИ И СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С девятнадцатого века в России предпринимались некоторые шаги в постижении религиозной жизни Америки и в сопряженных с ней сферах. Так А. Лопухин (1852—1904) в книге “Религия в Америке” предложил не только общую характеристику американского народа, но и предпринял попытку подробно описать особенности его философского мышления.

Окончил в 1878 году Санкт-Петербургскую Духовную академию магистрантом, в июле 1879 года он был определен псаломщиком при православной русской посольской церкви в Нью-Йорке. Вскоре он стал присылать в “Церковный вестник”, “Православное обозрение”, “Странник”, “Берег” и др. журналы материалы и отдельные статьи по различным вопросам американской церковно-общественной жизни. Одновременно он сотрудничал и с американским православным журналом “The Oriental Church Magazine”, издававшимся при русской церкви в Нью-Йорке. Там же в Штатах А.П.Лопухин написал магистерскую диссертацию “Римский католицизм в Америке: исследование о современном состоянии и причинах быстрого роста римско-католической Церкви в США”, которую защитил уже в Санкт-Петербург в 1881 году, вернувшись из Америки. В 1882 году он издал несколько книг, вобравших в себя американский материал: “Жизнь за океаном. Очерки религиозной, общественно-экономической и политической жизни в Соединенных Штатах Америки”, “Религия в Америке” и свою магистерскую диссертацию.

В характеристике Лопухина “американец” выглядел следующим образом: “Уравновешенность духовных и физических сил составляет самую характеристическую черту американского народа. Благодаря ей он чужд крайностей в мыли и жизни, и в этом отношении ближе всех народов подходит к типу совершенного человека”¹⁴⁷. Одной из особенностей Америки является то, что здесь “народный гений разлит более или менее равномерно по всей народной массе”. Однако вследствие того, что это качество “разливается вширь”, “гениальность” народа уже не достигает такой высоты, как в Европе. Американский народ имеет не только множество художников и поэтов, но он “наполнен философствующими мыслителями и лучшие из них достигают замечательной силы трансцендентальной мыслительности; но в то же время в них нет того могучего и свободного размаха философской мысли, каким отличаются великие философы Европы. В отношении утонченной мыслительности и свободного полета человеческого гения американский народ несомненно стоит еще позади главнейших европейских народов...”¹⁴⁸. Зато в другом отношении американцы не имеют равных в Старом Свете, а именно — “в отношении той здоровой практической мыслительности, которая часто скорее и лучше подходит к истинной сущности предмета, чем самая утонченная и отвлеченная мысль”. Американца “мало занимают отвлеченные вопросы человеческого бытия... но он с глубоким интересом следит за практическим обнаружением их в истории и в ней находит ясный ответ на запросы своей мысли. Отсюда в то время как в Европе мысль находится в постоянном колебании и переживает периодические кризисы крайних увлечений, американская мысль ровно идет по пути непрерывно прогрессивного развития. И притом, в то время как европейская мысль в своих высших представителях в своем сильном полете совершенно отрывается от жизни, теряясь в заоблачной выси туманного умозрения, американская мысль всегда идет только впереди жизни, и последняя, имея ее доступной руководительницей, легко и свободно направляет свой ход по ее указаниям. Такое отношение мысли к жизни проявляется во всех отношениях американского народа”¹⁴⁹. Как результат гармонического развития физических и нравственных сил в американском народе сформировался “умственный склад”,

который есть "некоторого рода посредственность". Однако "посредственность" понимается Лопухиным "в смысле того здорового состояния организма, которое при всей кипучести в нем жизненных сил составляет вернейший залог умеренности его отправления"¹⁵⁰.

Интересовались россияне и системой образования в Америке. Среди них и известный педагог [К.Д. Ушинский](#), который хотя в Америке и не был, но имея под рукой книгу шведского педагога Сильестрема, на основе ее пересказа подготовил статью "Школьные реформы в Северной Америке" (1857). Даже если отступления по поводу "американского характера", встречаемые в статье Ушинского и не принадлежат ему лично, тем не менее они могут быть ценными уже тем, что дают нам возможность увидеть один из многочисленных источников "характеротворчества", тем более что этот "характер" мог быть плодом воображения представителя другой страны. "Во всем, что делает североамериканец, — читаем мы в статье Ушинского, — как бы кроется тайная мысль создать из своей жизни видимое противоречие жизни заатлантического брата, доказать ему на деле свое духовное преимущество и до малейших мелочей жить не так, как он живет. Он упрямо хватается за каждое противоречие и с энергией затаенной злости разрабатывает ее до крайних пределов"¹⁵¹. В другой статье — "Внутреннее устройство североамериканских школ" (1858) — сообщив, что к чтению, письму и первым правилам арифметики "преподавание географии придается в Северо-Американских Штатах как существенная отрасль первоначального образования", Ушинский добавляет, что из этого "мы узнаем практический, ясный, здравый смысл американцев, не скованный схоластическими оковами, тяготеющими все еще над европейскими учебными заведениями"¹⁵².

Как выглядит американская система образования изнутри, некоторые из наших соотечественников могли узнать об этом на собственном опыте. Один из них — уже упоминавшийся выше профессор Н. О. Лосский, имевший одно время статус visiting professor'a. Когда его сын Андрей, которому было в то время 14 лет, попросил его в письме из Праги описать характер американцев, Лосский ответил ему следующее, воспроизводя при этом мнение Г. Э. Ланца (эмигрировавшего в Америку из России после революции, и получившего позднее в Стенфордском университете звание профессора): "Г. З. Ланц говорит, что американский юноша во многих случаях таков же, как Алеша Карамазов: он деятелен и во всякой обстановке сразу находит, что нужно сделать, чтобы помочь людям. Когда через год мы, даст Бог, прочитаем "Братьев Карамазовых", ты будешь поражен и подумаешь, что страна, где юноши — Алеши Карамазовы, должна быть идеальной"¹⁵³. Однако при ближайшем знакомстве с американскими "алешами" — Лосский заметил, что хотя они и очень хороши своим поведением, "но добрые качества их созданы бессознательною практикою социального общения; а сознательная мысль у них слабо развита". Они "мало способны к длительному и отвлеченному размышлению, и мне, как представителю науки, требующей именно этого качества, досадно видеть неустойчивость их мысли. Здесь слишком много развлечений; развлечения эти неплохи — спорт, поездки, наслаждения чудною природою и райским климатом. Но все же хочется, чтобы человек стоял выше всего этого и более глубоко думал о загадках мира и жизни"¹⁵⁴.

Итак, заметна легкая досада Лосского на то, что он не нашел в американском колледже "Алеши Карамазова"... Но какие чувства испытал бы иной студент, например из... Slavic Department, то есть факультета славистики, случись ему открыть томик с подборкой статей В. В. Розанова, да остановиться на одной из них — "Американизм и американцы" (1904). Там бы он прочитал: "Когда Жуковский писал "Сельское кладбище" — американцы торговали; когда Байрон пел Чайльд-Гарольда — американцы опять же торговали. Пришел Гюго... — и все же американцы только торговали. Канта сменил Шеллинг, Шеллинга — Гегель, у англичан выросла и умерла величайшая из идеалистических философий, так называемая "Шотландская философия": и все это время американцы только открывали банкирские конторы. Понятно, что они накопили в это время горы долларов. Если справедливо, что американцы идут на Европу... то это прежде всего идет банкир на профессора, слесарь на астронома, биржевой маклер на старого геттингенского или московского идеалиста. Тут расхождение огромное. Тут отсутствие взаимного понимания"¹⁵⁵ ... Пораженный прочитанным, и продолжив знакомство с русской литературой далее, узнал бы этот воображаемый студент, что "знаменитый спор между сапогом и Пушкиным, прошедший в дикий период нашей критики, теперь повторяется чуть ли не в международном столкновении. Суть "янки" и состоит в том, что, торжественно поставив огромный сапог из американского бизона на академический

стол, он увенчал его лаврами, снятыми с голов Гомера, Данта, Шекспира, Мильтона. Американская нация есть вообще не мечтательная нация, а мечта родит и поэзию, и философию”¹⁵⁶.

Но не стоило бы воображаемому американскому студенту гневаться только на русских. Открой он томик с перепиской классиков марксизма, в частности, раздел с письмами Фр. Энгельса, то вычитал бы из его послания к Ф. А. Зорге (1892), где он, говоря об “упорстве “янки””, объяснял его тем, что оно “вытекает из их теоретической отсталости и англо-саксонского пренебрежения ко всякой теории. Они расплачиваются за это слепой верой во всякий философский и экономический вздор, религиозным сектанством и нелепыми экономическими теориями”¹⁵⁷. И если бы заметив “Размышления о прагматизме”, принадлежащие перу русского со странной фамилией Эрн, будущий бакалавр пожелал бы узнать, что думают “эти русские” об американце, совершившем “коперниканский переворот” в философии, то и здесь наткнулся бы на обоснование разных нелепостей посредством сведения всего неприемлемого как проявление духа англо-саксонства: “В этих словах другой Джемс, с англосаксонской примитивностью мысли, породившей явление дарвинизма”¹⁵⁸.

Но вряд ли студент обратил бы внимание на Эрн, зато вероятнее всего задержался бы он на книгах Бердяева, по популярности уступающего в Америке разве что Ленину. Вот статья “Конец Европы” из его книги “Судьба России” (1918). В ней не только о конце Европы, но и начале новой эры для Америки: “Могущественнейшее чувство, вызванное мировой войной, можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной”¹⁵⁹. “Центр тяжести” Западной Европы по прогнозам Бердяева “передвинется еще более на Запад, в Америку, могущество которой очень возрастет после окончания войны. Да и американизм новейшей цивилизации тянет Европу в Америку. Восток — один выход за пределы европейской культуры, Америка — другой выход. Европа перестает быть центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры”¹⁶⁰. Увидев книгу Бердяева “Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы” (Берлин, 1923), все тот же студент мог взять ее домой, чтобы использовать для подготовки реферата “О предназначении Америки”. В книге же этой Бердяев разъяснял, между прочим, что цивилизация по сути своей прагматична и что “неслучайно прагматизм так популярен в классической стране цивилизации — в Америке”... “Социализм отверг этот прагматизм религии; он прагматически защищает атеизм, как более полезный для развития жизненного могущества и жизненного наслаждения больших масс человечества. Но прагматически утилитарное отношение к религии в мире капиталистическом было уже настоящим источником безбожия и духовной опустошенности...”¹⁶¹.

5.4. АМЕРИКАНСКИЙ ДУХ И АМЕРИКАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В то время как в Европу в предреволюционные годы россияне выезжали запросто, кто подлечиться “на водах”, кто поучиться в университете хотя бы в летнем семестре, Америка была слишком далеко, хотя по прежнему оставалась притягательной. У каждого был свой импульс к посещению “Нового Света”: построить колонию на коммунистических началах, пожить среди индейцев, быстро нажить капитал, посмотреть как живут выходцы из Европы, уже ни на кого не похожие. У каждого был свой литературный источник, от которого вспыхивала мечта к поиску “нового света”. Кто-то мог открыть “С другого берега” Герцена, и в главе “Эпилог 1849 года” прочитать: “Французская революция и германская наука — геркулесовы столбы мира европейского. За ними по другую сторону открывается океан, виднеется новый свет, что-то другое, а не исправленное здание старой Европы”¹⁶².

Все сведения о философии в Америке долгое время в России получались из вторых рук. И только советский читатель философской литературы получил возможность узнать о состоянии философии в Новом Свете со слов очевидца. Поскольку персонаж очень важный для этой главы, то необходимо создать для его появления если не исторический, то хотя бы литературный фон. Те, кто читал роман Достоевского “Бесы”, возможно помнят, что два персонажа — Кириллов и Шатов — побывали в Америке. “Третьего года, — сообщал Шатов, — мы отправились втроем на эмигрантском пароходе в Американские Штаты на последние деньжишки, “чтобы испробовать на себе жизнь американского рабочего и таким образом личным

опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом его общественном положении"... Мы там нанялись в работники к одному эксплуататору; всех нас, русских, собралось у него человек шесть — студенты, даже помещики из своих поместий, даже офицеры были, и все с тою же величественною целью"¹⁶³. После пережитого Шатов с Кирилловым пришли к выводу, что русские "пред американцами маленькие ребятишки и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень"... Мы все хвалили: спиритизм, закон Линча, револьверы, бродяг"¹⁶⁴.

В 1913 году в Америку приехал некто Давид Юрьевич Квитко (1889—1942), и находился он здесь до 1927 года. В каком-то смысле он повторил путь Христофора Колумба: искал Индию, нашел Америку. Квитко приехал сюда прежде всего на заработки, но приобрел ученую степень. Здесь он не только работал на швейной фабрике, но и учился в Нью-Йоркском (1915—1920, заочно), Гарвардском (1920—1921) и Колумбийском (1921—1927) университетах. С 1923 г. он звался сначала магистром искусств (Master of Arts), а с 1927 г. — "доктором философии" (Philosophy Doctor), то есть кандидатом наук по принятому сегодня у нас стандарту. Став дипломированным доктором философии Квитко вернулся в Россию, где работал старшим научным сотрудником Коммунистической академии, с 1933 г. читал лекции по истории философии в МИФЛИ, затем на философском факультете МГУ.

Отдав дань отечественной мысли — "Толстовство как мировоззрение"¹⁶⁵, "Философия Толстого" (2-е изд., М., 1930), опубликовав несколько статей — "Проблемы пространства, времени и материи у неореалиста Александера"¹⁶⁶, "Философия инструментализма Джона Дьюи"¹⁶⁷ — Квитко издал "Очерки современной англо-американской философии" (М.-Л., 1936), ставшие учебным пособием для формирующегося поколения советских философов. Если сравнивать его очерки с очерками Яковенко, то можно сказать, что хотя источники остались примерно те же, но выбран был совершенно новый угол зрения. "Кубистом" — но теперь уже в истории американской философии — становился на сей раз Квитко, а Яковенко выглядел всего лишь реалистом, русским передвижником.

Очерк Квитко написан с точки зрения "основного вопроса философии" (то есть решая фундаментальный вопрос "об отношении мышления к бытию"), и принадлежность философа к той или иной школе он рассматривает только под этим углом зрения. Марксистская трактовка "основного вопроса философии" — это своего рода нить Ариадны в лабиринте буржуазной философии. Раньше у каждого философа было свое понимание "основного вопроса". Открываешь, например, сочинения профессора философии С. Н. Трубецкого, и узнаешь, что философия — это рациональная переработка данных сознания, и "поскольку основным данным сознания является соотносительность нашего существа с другими существами, основным вопросом теоретической философии — онтологии и теории познания — служит вопрос о том, что такое соотношение между существами, в чем оно состоит, как оно возможно и как оно познается нами?"¹⁶⁸. Открываешь экзистенциального беллетриста Шестова, а там: "Достоевский, хотя и не имел профессиональной подготовки, с необычной чуткостью понял, как должен быть поставлен основной вопрос о философии: возможна ли метафизика как наука?"¹⁶⁹. Теперь же все было проще: если относительно разбираемого философа можно сказать, что он признает первичность материи, то он правильный философ, а если упорствует на первичности идеального — неправильный. Так путь к пониманию автора сокращался в несколько раз. Упрощалось и понимание истины. Внимание авторов большинства историко-философских работ сосредоточено было на пересчете идеалистов и материалистов во вверенной им партией и народом эпохе — античности, средних веках, эпохе Возрождения, Новом времени и так далее. Существенной особенностью проделанной им работы Квитко усматривает в том, что во всех разбираемых им школах он имел дело "только с одним направлением — с идеализмом, ведущим борьбу против материализма"¹⁷⁰.

Немудрено, что при выбранном "угле зрения", когда приходится смотреть с точки зрения однозначно заданного "основного вопроса философии", все видится по-другому. При рассмотрении зарождения и развития американских философских школ Квитко увидел, что "каждая последующая школа не поднимается над другой... Все эти школы современной англо-американской философии являются отражением той или иной стадии развития буржуазной действительности, того или иного ее состояния"¹⁷¹. Хотя все рассмотренные им течения мысли "как бы ведут "борьбу" между собой", фактически же они

«борются против материализма, так как их борьба между собой есть прежде всего борьба за первенство «настоящего» идеализма»¹⁷². Квитко интересуется прежде всего борьба этих школ, потому что при этом «сразу обнаруживается, какие цели преследуют борющиеся течения. Даже там, где нет прямого наступления против материализма... и там мы видим метафизическую, идеалистическую сущность каждого из них. Таким образом борьба против материализма ведется или прямо или косвенно, но чаще косвенно, чем прямо, и делается это для того, чтобы противнику труднее было под прикрытием новых названий и новой терминологии разглядеть старую идеалистическую физиономию той или иной школы»¹⁷³.

Буржуазные философы часто говорят, сообщает Квитко, что все проблемы философии с начала ее зарождения вращаются в замкнутом кругу, и что философия со времен Платона и Аристотеля не дала ничего нового. Если послушать этих сирен фальсификации, то есть некоторых буржуазных историков философии, то «действительно может показаться, что философия не выходит из заколдованного круга определенных проблем»¹⁷⁴. Квитко разорвал этот круг. Разрыв стал возможен за счет того, что историкам предлагается решать философские проблемы совершенно нового типа. Вот стандартная проблема новой историко-философской парадигмы: «Чем объяснить это перенесение философской системы Германии в страну, в которой была совершенно другая обстановка... Ведь если в немецком классическом идеализме борются две тенденции — тенденция покончить со старой полуфеодальной Германией и расчистить путь для нового восходящего буржуазного класса... то о какой двойственности может идти речь в Англии и Америке... странах классически развитого капитализма? Ведь при империализме совсем другая расстановка классовых сил»¹⁷⁵. «Задача буржуазии состояла в том, чтобы спасти науку от эволюционной теории, которая завоевала наиболее передовые умы»¹⁷⁶.

Что же Квитко говорит о прагматизме? Прагматизм — это «продукт американского пути развития капитализма», это «философия «американизма» — определенный тип буржуазной философии», первая «оригинальная философия» американцев»¹⁷⁷. Далее следует пояснение этой формулы. Американский путь развития капитализма — это особое выражение развития капитализма, который почти не знал препятствий феодализма. То, что американский капитализм развивался быстрее других, «дало повод многим недалёковидным людям пророчить этой стране «вечное процветание»». При таких условиях «американцам некогда было исследовать природу во всех деталях... Американцу некогда было углубленно заниматься теорией, ибо практика давала ему больше жизненных благ. Этим объясняется презрительное отношение американцев в течение очень долгого времени к теории и к ученым... Теория бралась только на прокат... Такой обывательский, дяляческий взгляд естественно должен был найти отражение и в философии»¹⁷⁸. Прагматизм — «выражение последнего этапа бурного развития техники в эпоху империализма, есть философия успешного конкурента, идеализации практики в узком, меркантильном смысле»¹⁷⁹, «плод страны, в которой многие капиталисты получили свои богатства посредством личного грабежа, а не только как наследники пиратов»¹⁸⁰.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 5

1. Кто из российских мыслителей писал о «восточно-океанской, американской» империи?
2. Кто из российских мыслителей заметил у американцев (в академической среде) «идеализм, напоминающий свойства русской интеллигенции»?
3. Куда, по прогнозам Бердяева, передвинется «центр тяжести» Западной Европы?

Темы эссе и рефератов к теме 5

Образ американца в художественной литературе: философский анализ
Философский диалог Россия - Америка

Основные (базовые) термины и понятия к теме 5

Американизм

Англо-саксонский тип

Прагматизм

Империя

Культура

Религия

Образование

Литература к теме 5

Основная

1. Эстетика американского романтизма. М., 1997.
2. Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1979, С. 78-79.
3. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992, С. 296.
4. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1995, Т.2, С. 122.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. - М., 1997, С. 223, 326, 331.
6. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула, 1986, С. 66.
7. Рерих Н. О Вечном.... М., 1991, С. 222-224.
8. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995, С. 164.
9. Розанов В. В. Среди художников. М., 1994, С. 112, 317
10. Юшкевич П. Новые веяния. Очерки новых религиозных исканий. СПб., 1911, С. 56.
11. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998, С. 101, 116
12. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М., 1994, С. 53.
13. Лосский Н. О. Воспоминания (жизнь и философский путь). СПб., 1994, С. 286-287.
14. Лопухин А. Религия в Америке. СПб., 1882, С. 2.
15. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения в шести томах. М., 1988, Т.1, С. 258, 297
16. Ванчугов В. В. Русская мысль в поисках "нового света": "золотой век" американской философии в контексте российского самопознания. М.: УНИКУМ-центр, 2000.

Дополнительная

1. Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век. М., 1999.
2. Яковенко Б. В. Очерки американской философии. Берлин, 1922.
3. Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. М., 1968, Т.1-2.
4. Крашенинникова В. Америка - Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007.
5. Энциклопедия российско - американских отношений 18 - 20 вв. М., 2001.
6. Поворницин Б.И. Русский вопрос глазами американцев. Пермь. 2002.

7. Рукавишников В.О. Отношение американцев к современной России // Социологические исследования. 2004. № 11.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997.
9. Юрьева Т.С. Портрет в американской культуре XVIII века. СПб. Изд-во "Бельведер", 2001.
10. П. П. Свинын. Американские дневники и письма (1811-1813). М.: Издательский дом "Парад", 2005. 559 с.
11. Болховитинов Н. Н. Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001.

ТЕМА 6. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "ВОСТОК": КИТАЙ.

- 6.1. ОСВОЕНИЕ "ЖЕЛТОГО" ВОСТОКА
- 6.2. ПОИСК "ПЕРВОЭЛЕМЕНОВ" КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
- 6.3. ЖЕЛТЫЙ "ЦВЕТ" КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ... "КИТАЙЩИНА", "КИТАИЗМ", "ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ"

6.1. ОСВОЕНИЕ "ЖЕЛТОГО" ВОСТОКА

В сентябре 2007 г. в С-Петербургском государственном университете состоялось открытие Института Конфуция. От имени Госсовета КНР университету был передан (для установки во дворе Восточного факультета) бюст Конфуция. Институт Конфуция в СПбГУ вошел в глобальную сеть китайских культурно-образовательных центров, создаваемых Министерством образования КНР совместно с зарубежными центрами китаеведения. Целью работы Института Конфуция в СПбГУ является укрепление дружбы и взаимопонимания между Китаем и Россией.

Хотя образ Китая в России формировался и менялся на протяжении длительного времени, все еще вряд ли можно сказать, что он близок к реальности. Первые представления датируются XVII в., и единственным источником сведений о Китае на тот момент были посольства, отправляемые в Пекин. В нашей историографии этот период был рассмотрен в работе Е.И. Кычанова "Образ Китая в России XVII в."¹⁸¹. Аспекты становления образа Китая в России в контексте общеевропейского Просвещения освещены в монографии О.Л. Фишман "Китайский сатирический роман" (1966). Вопросы формирования и развития представлений о Китае в мировоззрении деятелей российской науки и культуры отражены в публикациях Д.И. Белкина, А.И. Кобзева, В.В. Сербиненко, А.Н. Хохлова, А.И. Шифмана и др. Из западных авторов можно отметить статью А. Каппелера "Начало формирования образа Китая в России в XVII веке" (1980) и монографию Б. Маггс "Россия и китайские грезы: Китай в русской литературе XVII века". В 1998 г. в журнале "Проблемы Дальнего Востока" была опубликована статья А.В. Лукина "Образ Китая в России (до 1917 г.)", которую сам автор охарактеризовал как "предварительную попытку сравнения образа Китая у представителей различных направлений российской мысли до 1917 г."¹⁸².

С учетом географической близости и геополитической важности Китай все же поздно стал для нас объектом пристального внимания, а потому до середины XIX в. такие понятия, как "Восток" и "восточный вопрос" в русской общественной мысли ассоциировались с Ближним Востоком, Кавказом, Средней Азией. Мусульманский регион являлся для России более значимым как географически, так и политически.

Появлению первых сведений о Китае способствовала торговля, которая велась со странами Востока. Слово "Китай" происходит от названия одного из кочевых народов — киданей, основавших свое

государство Ляо (916–1125 гг.). После разгрома Ляо кочевниками чжурчжэни и создания ими империи Цзинь (1115–1234 гг.) часть киданей отступила в Центральную Азию. Там было создано новое государственное образование, за обитателями которого закрепилось название “кара-китай”, а слова “Китай”, “китай” стали применяться к собственно Китаю, и из тюркских языков перешло к нам.

В XVI в. в Европе возрастает интерес к Китаю. В России интерес к установлению контактов с Китаем появился с началом освоения Сибири. В 1608 г. при Василии Шуйском предпринимается попытка отправить послов в Монголию и “Китайское царство”. Но удачной оказалась только вторая попытка, когда в 1618 г. из Тобольска отправилось первое русское посольство в Пекин, возглавляемое казаком Иваном Петлиным. На весь путь до китайской столицы Петлин затратил три месяца, а вот пребывание в Пекине заняло всего четыре дня. К императорскому двору Петлина не допустили, поскольку у него не было “достойных” подарков для поднесения. Тем не менее это посольство сыграло определенную роль для установления контактов между Россией и Китаем. Примечательно, что китайские чиновники вручили нашему послу грамоту от имени императора, в которой содержалось предложение установить торговые отношения и направлять в Китай посольства. Однако в то время у нас не нашлось человека, способного перевести иероглифический текст, и общий смысл этого документа поняли лишь десятилетия спустя. Тем не менее Петлин составил подробный отчет о своем путешествии (“Роспись”), в котором изложил уникальные на тот момент сведения о Китае и его соседях.

Огромный вклад в развитие “диалога цивилизаций” внесла Российская Духовная миссия в Китае, действовавшая там около трех столетий. Ее сотрудники не только проповедовали Православие в Китае, переводили богослужебные книги на китайский и маньчжурский языки, а на русский язык — сочинения по истории и современному положению Китая, но и выполняли различные дипломатические поручения. История православного миссионерства в Китае восходит к 1685 г., когда после осады Албазина маньчжурскими войсками несколько десятков казаков были вынуждены уйти на территорию империи Цин. Вместе с несколькими подданными Русского государства, попавшими в плен ранее, они составили первую русскую общину в Китае. Уходя из Албазина, они захватили с собой церковную утварь и икону Святого Николая Мирликийского. С ними ушел в Пекин священник Максим Леонтьев, ставший первым православным священником и миссионером в Китае. По распоряжению императора Канси албазинцам для совершения богослужения передали кумирню, обращенную о. Максимом в часовню Св. Николая, а в 1696 г., по благословению Тобольского митрополита Игнатия, ее преобразовали в храм, освятив его во имя Святой Софии — Премудрости Божией. Албазинцы внешне вскоре китаизировались: брили лбы и отращивали косы, как было положено в цинском Китае, облачились в местную одежду, освоили китайский и маньчжурский языки. Единственное, что связывало их с родиной — Православная Церковь. Название “албазинцы” закрепилось за потомками первых русских переселенцев в Китай. Они продолжали так именовать себя и в XX в., сохранив верность Православию.

В Китае также нарастал интерес к России и изучению русского языка. В 1708 г. в Пекине открылась первая Школа русского языка, созданием которой занимались сотрудники императорской канцелярии. При императоре Юнчжэне (1723–1735) произошла реорганизация Школы, которая еще в 1716 г. была переименована в Училище русского языка при Императорской канцелярии. Русские священники и ученики миссии знакомили слушателей не только с русским языком, но и с культурой. Ученик миссии Лука Воейков доставил в Пекин “Граматику русского языка” Смотрицкого, которую перевел на маньчжурский язык Илларион Россохин, ставший преподавателем в этом Училище. И.К. Россохин (1717–1761) во время своего пребывания в Пекине проделал большую работу по переводу с маньчжурского и китайского языков на русский различных текстов, касающихся экономической, политической, социальной и научной жизни Китая, изучал географические карты, быт и нравы людей. После возвращения в Россию Россохин служил при Академии наук и стал основателем школы китайского языка в Петербурге. В последующий период в пекинском Училище русского языка преподавали и два других ученика миссии, ставших в дальнейшем известными знатоками Китая: Алексей Леонтьев и Антон Владыкин.

Огромную роль в этой сфере сыграл русский китаевед, начальник 9-й Российской Духовной миссии в Китае архимандрит Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853 гг.). В 1821 г. 9-я Миссия в

сопровождении пристава Е.Ф. Тимковского, выехала из Пекина и в январе 1822 г. прибыла в Петербург. Помимо личных записей и материалов о. Иакинф привез множество китайских книг для Публичной библиотеки в Петербурге и училища азиатских языков в Иркутске. О. Иакинф собирался опубликовать материалы по истории Китая, чтобы познакомить соотечественников с историей великого соседа и сопредельных с ним стран, но духовные власти обратили внимание не на достоинства научных трудов о. Иакинфа, а на расстройство хозяйственных дел Миссии. Тем не менее именно под влиянием о. Иакинфа начали появляться сочинения, авторы которых продолжали начатое им дело изучения Китая. В 1829 г. директор Публичной библиотеки А.Н. Оленин обратился к Министру народного просвещения с просьбой включить о. Иакинфа в число почетных библиотекарей для описания книг на китайском и маньчжурском языках. В этом месте и происходили встречи Иакинфа с другими почетными библиотекарями — И.А. Крыловым, академиком Х.Д. Френом, профессором С.-Петербургского университета востоковедом и писателем О.И. Сенковским, профессором Шармуа из учебного отдела Азиатского департамента МИД.

Капитальный труд о. Иакинфа — «Статистическое описание Китайской империи» (1842 г.) долгое время был одним из главных пособий для китаеведов, а Академия наук удостоила его Демидовской премии. Для различных журналов Петербурга и Москвы («Северный архив», «Москвитянин», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский вестник», «Телескоп») — о. Иакинф подготовил множество статей, затронув самые разные вопросы китаеведения. Среди работ о. Иакинфа «Ежедневные упражнения китайского императора», «Земледельческий календарь китайцев», «Взгляд на просвещение Китая», «Статистические сведения о Китае», «Меры народного продовольствия в Китае». Главная ценность этих заметок — в опоре на китайские источники. В последние годы жизни о.Иакинф подготовил к публикации «Земледелие в Китае» (1844 г.), «Китай в гражданском и нравственном состоянии», «Религия ученых и ее обряды» (1848 г.), «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851). Рецензент журнала «Сын отечества» отзывался о монахе Иакинфе как о крупном «почетном синологе, известном всей ученой Европе, пролившем совершенно новый свет на изучение Китая». Еще в 1831 г. о.Иакинфа избрали членом Парижского азиатского общества. Благодаря своим трудам о.Иакинф становится широко известным в русском образованном обществе. На литературных собраниях у кн. В. Ф. Одоевского он встречался с А. С. Пушкиным, И. А. Крыловым, И. И. Панаевым. Возможно, что под влиянием архимандрита Пушкин хотел в 1830 г. отправиться в Китай. Но и после того, как планы его изменились, поэт продолжал интересоваться Китаем, читал труды о.Иакинфа — в альманахе «Северные цветы» за 1832 г. Пушкин опубликовал ряд материалов, связанных с именем и трудами ученого¹⁸³. Иакинф подарил Пушкину свою книгу «Описание Тибета» с дарственной надписью: «Милостивому государю Александру Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26 1828 г.», а также «Саньцзыцин» («Троеслово») с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика». Поэт всегда высоко отзывался о научных трудах и глубоких познаниях отца Иакинфа, что отмечено в тексте его «Истории Пугачева»¹⁸⁴. Черты увлечения Китаем, точнее, своеобразие его восприятия в сознании, замечено в стихотворении «Клеветникам России» (1831 г.): «От потрясенного Кремля, До стен недвижимого Китая»...

Государственный строй в Китае в интерпретации о. Иакинфа «монархически самодержавный и вместе с тем ограниченный законом»¹⁸⁵ привлек внимание [В.Г. Белинского](#), который увидел в этом приукрашивание китайской действительности, стремление показать в идеальном виде «более Китай официальный, в мундире и с церемониями», представить Китай так, словно «в нем ничего нет оставленного на произвол судьбы и людей, все отношения определены, все юридические случайности предупреждены и обсуждены, на все существуют положительные законы; машина администрации самая многочисленная и, вместе с тем, строго систематическая; законы нередко отзываются человеколюбием и, по-видимому, представляют верные гарантии жизни, чести, благосостояния честных людей всех званий, от высших до низших»¹⁸⁶. Однако Белинский не мог не заметить и положительных моментов трудов Иакинфа по сбору фактического материала, что отмечал и Сенковский, нападавший на Иакинфа. «Число важных, капитальных фактов, извлеченных им из тьмы китайской грамоты, — отмечал востоковед (а также известный журналист,

издатель, переводчик) О. И. Сенковский, — количество света, пролитого им на самые запутанные вопросы по части истории и законодательства этой любопытной страны, почти невероятно¹⁸⁷.

Как уже отмечалось выше, о. Иакинф бывал у кн. [В.Ф. Одоевского](#) и встречался с деятелями науки и искусства. Как вспоминал М. П. Погодин, здесь сходились “веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузившимися глазками”¹⁸⁸. Что до Одоевского, то следует отметить его работу над романом-утопией “4338-й год”. Им были опубликованы лишь отрывки этого произведения, под названием “Петербургские письма”¹⁸⁹ — послания одного китайского студента¹⁹⁰, путешествующего по России, своему другу в Пекин. Персонаж делится здесь впечатлениями о России (какой она будет через... 2500 лет!). “4338 год” представляет собою третью часть предполагаемой трилогии: в первой части Одоевский хотел изобразить эпоху Петра Великого, во второй — современное ему общество, то есть 30-е годы прошлого столетия, в третьей — Россию в XI столетии. Одоевский исходил из предположения, что будущая история разделится на следующие периоды: “Древняя от начала мира до Р. Х., средняя от Р. Х. до разделения мира на Китай и Россию; и от разделения мира до наших времен”¹⁹¹.

Постепенно образ Китая в России (во второй половине XIX – нач. XX вв.) пополняется новыми чертами. Во многом способствовало этому создание в С.-Петербургском университете Факультета восточных языков (1855г.), а также возрастающий интерес Министерства иностранных дел и военных ведомств России к подготовке специалистов соответствующего профиля. Все чаще обращаются к китайской тематике русские писатели, философы, политические деятели, однако это не лишает образа Китая противоречий. Это видно хотя бы на примере полемики С.М. Георгиевского с Н.М. Пржевальским, проявившей два расхожих представления о Китае, противоположных, но характерных для той эпохи. В то время как Пржевальский — путешественник и исследователь Азии — причислил китайцев к “полудиким народам” и о Китае отозвался как о “стране, которая окаменела в своих преданиях” и “чужда всякому прогрессу”¹⁹², С.М. Георгиевский, профессор С.-Петербургского университета, считал Китай одним из наиболее цивилизованных государств в мире, а китайский народ — одним из самых просвещенных¹⁹³. Это дихотомия “азиатский вариант отсталости – восточный тип просвещенности” обусловит и дальнейшие рассуждения россиян о своем соседе.

6.2. ПОИСК "ПЕРВОЭЛЕМЕНОВ" КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Как уже отмечалось, под влиянием о.Иакинфа Пушкин подумывал предпринять в 1830 г. путешествие в Китай. Чуть не попал в Китай и [Л.Н. Толстой](#). В конце 1855 г. он решил оставить военную службу и заняться литературой. Китая, опасаясь Англии, вербовал в это время военных специалистов для обучения своей армии. Толстой (офицер-артиллерист) также получил такое приглашение отправиться в Китай инструктором. Не попав в Китай физически, Толстой часто пребывал там духовно. В статье “Прогресс и определение образования” он отметит, что “нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идём внушать китайцам идею прогресса”. В конце 70-х и начале 80-х гг. Толстой всё чаще обращается к мыслителям Востока. Отвечая в 1891 г. на вопрос М.М. Ледерле (петербургского издателя) о том, какие писатели и мыслители оказали на него в зрелом возрасте наибольшее влияние, Толстой в числе других мыслителей Запада и Востока назвал Конфуция с Мэн-цзы (“очень большое”) и Лао-цзы (“огромное”).

С книгой “Дао дэ цзин” (именуемой им “Тао-те-кинг” — “Книгой пути и истины”) Толстой ознакомился в 1877 году. Более основательно философией Лао-цзы Толстой занялся в 1884 г., решив познакомить отечественных читателей с мыслителями Востока. Читая “Дао дэ цзин” в переводе Станислава Жюльена, Толстой отметил на отдельном листе те главы, которые он рекомендовал для перевода на русский язык, дав каждой главе свои оценки: “Прелестное начало”, “Прелестно”, “Удивительно”, “Прекрасно”... После прочтения трудов Конфуция, Мэн-цзы и Мо Ди Толстой пережил очередной духовный переворот. “Я занят очень китайской мудростью, — писал он В.Г.Черткову. — Очень бы хотелось сообщить вам и всем ту нравственную пользу, которую мне сделали эти книги”. “Моё хорошее нравственное

состояние, — отмечает Толстой в дневнике, — я приписываю чтению Конфуция и, главное, Лао-цзы”. В итоге им сделаны наброски трёх статей о китайской философии. Один из них — “Книга пути и истины, написанная китайским мудрецом Лао-цзы”, — представляет собой обработку и изложение ряда изречений китайского философа, взятых из французского издания “Дао дэ цзин” в переводе Станислава Жюльена. Вторично к учению Лао-цзы Толстой обратился в 1893 году, когда совместно с Е.И.Поповым работал над переводом “Дао дэ цзин” на русский язык. Через несколько лет Толстой добился издания “Дао дэ цзин” в России, который появился на страницах журнала “Вопросы философии и психологии”. В 1903 г., подготавливая к изданию сборник изречений “Мысли мудрых людей на каждый день”, Толстой включил в него 36 изречений Лао-цзы. Изречения Лао-цзы Толстой включал и в последующие сборники: “Круг чтения”, “На каждый день”, “Для души”, “Путь жизни”. В 1909 г. Толстой вспомнил о своей мечте издать собственный перевод афоризмов из книги “Дао дэ цзин” для широкого круга читателей, прежде всего для малограмотных. Из своих переводов он составил небольшую книжку избранных изречений китайского мудреца. В заметке “О сущности учения Лао-Тзе” Толстой дал свою трактовку и оценку китайского мыслителя.

Наряду с Лао-цзы Толстой интересовался и Конфуцием. В 1884 г. Толстой писал В.Г. Черткову: “Я сижу дома в жару, с сильнейшим насморком, и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота”. То была книга “Жизнь и учение Конфуция” — первый том Джемса Легга “Китайские классики”. В 1900 г. Толстой записывает: “Ничего не пишу, занимаюсь Конфуцием и очень хорошо. Черпаю духовную силу. Хочу записать, как я понимаю теперь “Великое учение” и “Учение середины”. И далее: “Думал о трёх статьях: 1) Письмо к китайцам, 2) о том же, что всё — на убийстве, и 3) что у нас, quasi-христиан, нет никакой религии”. В своём обращении к китайскому народу, которое он тогда только обдумывал, Толстой объявил, что западный мир держится на убийстве, и что у европейских христианских правительств нет и тени христианского человеколюбия.

Тема Китая присутствует и в творчестве Ф.М. Достоевского, однако, в отличие от Толстого, он находился в своих суждениях в плену стереотипа “вековой застойности” Китая. В “Дневнике писателя” за 1873 г. Ф.М. Достоевский (в связи с бракосочетанием императора Тунчжи) отмечал, что в Китае “все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет: здесь же [в России] все вверх дном на тысячу лет”. Далее писатель заметил, что “пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка” и “мы едва начинаем то, что в Китае оканчивается”¹⁹⁴. “Китайский элемент” в негативном ключе, хотя и смягченно, отмечается в других характеристиках, в том числе личностных. Так, например, И.И. Панаев в “Воспоминании о Белинском” отмечает: “К. Аксаков со мной как нельзя лучше. Его участие ко мне иногда трогает меня до слез. Невозможно быть расположеннее и деликатнее, как он со мною... В нем есть все — и сила, и энергия, и глубокость духа, но в нем есть один недостаток, который меня глубоко огорчает. Это — не прекраснотушие, которое пройдет с годами, но какой-то *китайский* элемент, который примешался к прекрасным элементам его духа. Коли он во что засядет, так, во-первых, засядет по уши, а во-вторых — во сто лет не вытащите вы его и за уши из того ошущеньца или того понятъца, которое от праздности забредет в его, впрочем, необыкновенно умную голову”¹⁹⁵. “Китайский элемент” принимает еще более негативный характер в термине “китаизм”, все чаще и чаще встречающийся в отечественной литературе того времени. Об одном из его проявлений писал В.Г.Белинский: “Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит чужое за то, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством”¹⁹⁶. Эта мысль Белинского была позже подхвачена и развита В.С. Соловьевым в полемике с Н.Я.Данилевским, выразившим это следующим образом: ““Мы и так хороши”, — этот китайский принцип для народа исторического есть прямое начало духовной смерти и разложения”¹⁹⁷.

Разрабатывая собственные концепции всемирной истории, мыслители А.С. Хомяков¹⁹⁸ и Н.Я. Данилевский¹⁹⁹ не могли обойти вниманием и Китай. В статье “Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях” Хомяков отметил, что “немало христианских держав исчезло с лица земли, а Китай насчитывает тысячелетия существования, и в том числе целые века высокого благоденствия”²⁰⁰. Но

эта "устойчивость", как уже отмечалось, часто воспринималась как метафизический недостаток, признак культурной слабости, отсталости. Эта точка зрения была выражена, в частности, в "Западных арабесках" [А.И. Герцена](#) (1856), подошедшего к образу неизменности, неподвижности с точки зрения европейского прогрессиста. "Есть люди, — писал он, — удовлетворяющиеся малым, с бедными потребностями, с узким взглядом и ограниченными желаниями. Есть и народы с небольшим горизонтом, с странным воззрением, удовлетворяющиеся бедно, ложно, а иногда даже пошло. Китайцы и Японцы, без сомнения, два народа, нашедшие наиболее соответствующую гражданскую форму для своего быта. Оттого они так неизменно одни и те же"²⁰¹.

То, что тысячелетия существования не стоит воспринимать как признак застоя, на это указывал в своей философии истории [Н.Я. Данилевский](#), в работе "Россия и Европа", рассмотревшего, среди прочего, и "самый тип застоя и коснения" — Китай, выставляемый современниками как "наисильнейший контраст прогрессивной Европе". "В этой стране, — заметил Данилевский, — живет около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве. Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры английской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя"²⁰². Многие отрасли китайской промышленности находятся на недостижимой для европейских мануфактур степени совершенства (окрашивание тканей, фарфор, шелковые материи, лаковые изделия), китайское земледелие занимает первое место на земном шаре, и оно единственное рациональное земледелие... Во многих отношениях китайская жизнь не уступает европейской. Китайцы имеют литературу, своеобразную философию, "представляющую здравую и возвышенную, для языческого народа, систему этики". При этом все эти успехи явились результатом "постепенно накапливавшегося умственного и физического, самостоятельного и своеобразного труда поколений". "И что же это такое, как не прогресс? Правда, что прогресс этот давно прекратился, что даже многие прекрасные черты китайской гражданственности (как, например, влияние, предоставляемое науке и знанию) обратились в пустой формализм, что дух жизни отлетел от Китая, что он замирает под тяжестью прожитых им веков. Но разве это не общая судьба всего человечества и разве один только Восток представляет подобные явления?" Так что в учении Данилевского о культурно-исторических типах, или самобытных цивилизациях, появляется и такой тип, как китайский.

6.3. ЖЕЛТЫЙ "ЦВЕТ" КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ... "КИТАЙЩИНА", "КИТАИЗМ", "ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ"

Но постепенно в России увеличивалось число мыслителей и деятелей, которые видели в Китае угрозу как России в частности, так и христианской цивилизации в целом. А.Н. Куропаткин, занимавший пост военного министра, утверждал, что в XX в. народы, представляющие "желтую" расу, должны перейти в наступление на позиции европейских держав; Китай — неизбежный противник России в грядущем столкновении христианского мира и "язычников". Тема "желтой расы" обыгрывается во многих аспектах, превращаясь в символ грозящей опасности. Жёлтый цвет становится синонимом опасности — "китайщины". В деле борьбы с "желтой опасностью", грозящей Европе, особая роль отводится России. Свои воззрения на Китай и его место в судьбе человечества высказал и В.С. Соловьев, в котором антропософ Р.Штейнер в исторической ретроспективе увидел "посредника между Западом и Востоком"²⁰³.

Впервые [Соловьев](#) сделал это в своей работе "Китай и Европа" (1890 г.). Выявляя "идеалы китайца", он определил, что они всецело принадлежат прошедшему, так что китаец смотрит назад, а не вперед, а потому, подобно Конфуцию, даже затеявая реформы, смотрит на них лишь как на возможность устранения "пагубных нововведений, как полнейшее возвращение к старине". Но этот консерватизм, пристрастие к традиции послужило отправной точкой для развития умозрительной мысли китайца, "совершенно китайской по своему существенному характеру, но вместе с тем представляющей такое самоуглубление национального духа, при котором окончательно теряются всякие практические мотивы жизни и все человеческие отношения сливаются в первобытное безразличии. Китаизм, как и всякое ограниченное начало, если ему придать абсолютное значение, приводит к нелепости и само себя разрушает. Это доведение до абсурда совершилось для китайского принципа в доктрине величайшего и,

может быть, единственного умозрительного философа жёлтой расы – Лао-цзы. Как умозрительный философ, Лао-цзы ищет абсолютного начала; как истый китаец, он ищет его исключительно в прошедшем, он ищет, следовательно, безусловного прошедшего, такого, которое предшествует всему существующему²⁰⁴.

Тем не менее в 1890 г. В.С. Соловьев еще не усматривал со стороны “желтой расы” угрозы христианскому миру, воспринимая Китай как апофеоз неподвижности. Так например в работе “Великий спор и христианская политика” (1883) он отмечал: “В этом смысле чистейший образец восточной культуры представляет нам замкнутый и неподвижный Китай; но именно поэтому китайская культура и не входит в общую историю человечества, ибо история есть сложение”²⁰⁵. Зато [К.Леонтьев](#) в 1891 г. уже писал о том, что “китайцы назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т. п.) дойдет до высшей своей точки. И туда и дорога — такой России. “Гоги и магоги” — finis mundi [Конец мира (лат.)]! Этого что еще останется?”. Зато после 1894 г. (стихотворение “Панмонголизм”), и особенно в конце жизни (сочинения “Три разговора” и “По поводу последних событий”) Соловьев жил ощущением мировой катастрофы, исходящей с Востока – но не из “Востока Ксеркса иль Христа”, а из “желтого” Востока, со стороны империи восходящего солнца, из Поднебесной. В своих “Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории” (1899), описывая конец мира, он не жалеет “желтых” красок. Так один из участников диалога – Политик отмечает, что “все эти господа, перорирующие против Европы и нашего европеизма, никак не могут удержаться на точке зрения нашей греко-славянской самобытности, а сейчас же с головой уходят в исповедание и проповедания какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины”²⁰⁶. Далее все эти “измы” конкретизируются Соловьевым в одно понятие: “панмонголоизм”. Умственное движение панмонголизм возникает в Японии. Подражательные японцы, прежде перенявшие вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи. Узнав о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили идею панмонголизма, т. е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т. е. европейцев ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)).

С чтением “Краткой повести об Антихристе” Соловьёв выступил даже в зале городской думы (26 февраля 1900 г.), а последние часы жизни на смертном одре его также посетили видения, связанные с Востоком.

Тема панмонголизма нашла свое отражение как в поэтическом, так и в историософском учении Соловьева. Но поскольку она отражала дух времени, то неудивительно, что то и дело возникали новые ее интерпретации. Одна из них – стихотворение “Скифы” [А. Блока](#) (1918)²⁰⁷. Вслед за ним сразу же появилась статья Р. Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре (“Двенадцать” и “Скифы” А. Блока)”, автор которой поэму “Двенадцать” поставил в один ряд с “Медным всадником” Пушкина, а в ряд с “Клеветникам России”, вслед за “Двенадцатью”, — “Скифов”, поскольку это произведение с новой силой ставит “старый, вечный вопрос — о Востоке и Западе, о России и Европе... У Востока, у России свои задачи, и нет силы, которая бы стала на их пути... Вопрос остался в прежней силе, но при глубочайшем внутреннем своем изменении...”. Эпиграфом ко второму изданию стихотворения А. Блок взял слова В.С. Соловьева: “Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно”...

Кн. С.Н. Трубецкой сообщал, что перед смертью Соловьев рассуждал об “убожестве европейской дипломатии”, оказавшейся неспособной осознать великую опасность Китая и решить “китайскую проблему” колониальным разделом империи. Соловьев негодовал, что в России находятся люди, мечтающие “о союзе с Китаем против англичан, а в Англии — о союзе с японцами против нас”²⁰⁸. К последним можно было отнести кн. Э.Э. Ухтомского, бывшего в дружеских отношениях с В.С. Соловьевым. Он познакомился с ним во время обучения на историко-филологическом отделении С.-Петербургского университета, позже Соловьев сотрудничал в издаваемой Ухтомским газете “Санкт-Петербургские ведомости”, поместил в ней несколько своих работ, среди которых опубликованная в специальном выпуске газеты, посвященном памяти императрицы Екатерины II заметка “Мир Востока и Запада”²⁰⁹.

С 23 октября 1890 г. по 4 августа 1891 г. состоялось путешествие Цесаревича Николая (будущего Императора Николая II) на Восток, которое задумывалось как заключительный этап образования наследника российского трона. Начав с Греции, делегация посетила затем наиболее крупные страны Среднего, Центрального и Дальнего Востока, в том числе и Египет. В одной Индии они посетили Бомбей, Ахмедабад, Дели, Бенарес, Калькутту, Мадрас. После посещения Цейлона путешествие цесаревича продолжилось по Тихому океану на фрегатах “Памяти Азова”, “Владимире Мономахе” и “Адмирале Корнилове”. Зайдя в Сингапур, Сайгон и Камбоджу, остров Яву, направились в Китай. Пройдя по реке Янь-Цзы, путешественники отправились в Японию. Всю дорогу сопровождал цесаревича Э.Э. Ухтомский. Когда в 1898 г. в Петербурге откроется выставка буддийских древностей, в нее войдут и многочисленные подарки, преподнесённые цесаревичу во время путешествия по Востоку. Как вспоминал С.М. Волконский, даже квартира Ухтомского “походила на какой-то храм: занавески, идолы, драконы, бронза, яшма, нефрит, лак; в аквариуме крокодил... Китайцы, тибетцы, сиамцы, индусы и наши буряты — все являлись к нему на поклон. Идолы и крокодил в их глазах свидетельствовали о его любви к Востоку, а портрет Лихунг-Чана, с собственноручной подписью по-китайски, свидетельствовал о том, что Восток его ценил”²¹⁰. Что до В.С. Соловьева, то несмотря на дружеские отношения, он в увлечении Ухтомского Китаем находил некоторое чрезмерное увлечение, так что даже в короткой заметке в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона не смог сдержать иронии, отметив: “Во время последних событий на Дальнем Востоке князь Ухтомский, вообще склонный идеализировать азиатский быт и переносить центр русской исторической жизни в Азию, выступил в брошюре: “К событиям в Китае” и других статьях с своеобразной идеей союза между Россией и Китаем”. Конечно же эту тему он затронул и в рецензии на книгу Ухтомского “Путешествие на Восток Е. И. В. Государя Наследника Цесаревича 1890—91”. Индию и Китай, заметил Соловьев, нельзя причислить к “вымирающим народцам”, но требование для них самобытного развития без вмешательства Европы “основано на недоразумении”. При всех национальных отличиях у исторического прогресса есть общие условия, одинаково обязательные для каждого народа. Между тем народы Востока сторонятся этих условий прогресса, поскольку, по словам Ухтомского, они не признают ничего кроме себя самих. “В особенности это должно сказать о Китае, который слишком самодоволен и самоуверен, чтобы добровольно подчиниться высшим началам культуры. В предстоящей рано или поздно борьбе Россия, как авангард всемирно-христианской цивилизации на Востоке, не имеет ни возможности, ни надобности действовать изолированно или враждебно относительно прочего христианского мира. Даже помимо высших принципов, практическая необходимость заставит нас выступить против Китая в тесном союзе с европейскими державами, особенно с Францией и Англией, коих владения примыкают к Срединной Империи”²¹¹.

Согласно свидетельству С.Н. Сыромятникова (1864—1933), когда он в 1897 г. собирался в Китай, Соловьев выразил желание также поехать с ним. “Если бы Соловьев побывал там, то роль, которую он дал панмонголизму, роль палача современной грешной Европы, была бы им предоставлена кому-нибудь другому. Но к сожалению Соловьев не собрался ехать с нами. Его непонимание современного Востока продиктовало ему одно из предсмертных его стихотворений “Дракон” (Зигфриду)²¹², которое огорчило его друзей”. Сыромятников заметил также, что, если бы он был в это время в России, то как бы малы ни были его мнения для Вл. Соловьева, он бы “употребил все усилия, чтобы это стихотворение не появлялось”²¹³.

Блок, подхвативший тему “желтой опасности”, обратил ее в нашу пользу, перенаправив угрозу Европе (“Скифы”). В том же году (1918) Блок писал в дневнике: “Если вы, хоть “демократическим миром” не смаете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит, вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся, — уже не ариец. Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ — будет единственно достойным человека”²¹⁴.

Говоря о “желтой опасности”, отметим тему (и культурную контр-силу) арийства указанием на изданную в России книгу английского мыслителя Х.С. Чемберлена “Арийское мирозерцание”²¹⁵. В качестве противовеса деградирующей Европе (“... этого Европа не осмыслит, ибо, это просто, а в ее запутанных

мозгах – темно”) Блок выставляет “желтую расу”: “Но, презирая нас более чем когда-либо, они смертельно нас боятся, я думаю; потому что мы, если уж на то пошло, с легкостью пропустили сквозь себя желтых и затопили ими не один Реймский собор, но и все остальные их святые магазины. Мы ведь плотина, в плотине — шлюз, и никому отныне не заказано приоткрыть этот шлюз “в сознании своей революционной силы””²¹⁶. Осмысление геополитических последствий от актуализации “желтой” силы привело [Н.А.Бердяева](#) к предположению (“Мировая опасность (вместо предисловия)” (“Судьба России” (1918))), что в результате мировой войны победить может “лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подьемы”²¹⁷.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 6

1. Какие мыслители Востока оказали на Л. Толстого наибольшее влияние?
2. Какова оценка китайского культурно-исторического типа Н.Я. Данилевским?
3. Какие произведения В. С. Соловьева выражают его ощущение мировой катастрофы, исходящей с “желтого Востока”?
4. Как характеризует “умственное движение панмонголизм” В.С. Соловьев?

Темы эссе и рефератов к теме 6

Образы Китая в русской философии XIX-XX вв. в контексте проблемы Россия-Запад-Восток
В. С. Соловьев о Китае.

Место Китая в концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского.

Образ восточной культуры в русской общественной мысли XIX в.

Тема Востока и Запада в “Трех разговорах” В.С. Соловьева.

Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия.

Дальний Восток в образе “желтой опасности”.

Структура образа “Восток” в российском сознании

Основные (базовые) термины и понятия к теме 6

Цивилизация

“Желтая опасность”

Китаизм

Панмонголизм

Восток

Геополитика

Философия истории

Историософия

Литература к теме 6

Основная

1. Гавриил, арх. Русская философия /Предисловие, подготовка текста, примечания - В.В.Ванчугов/. - М.: РУДН, 2005.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. М., 1848, Т.1, С. 639-640
3. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений. М., 1991, Т.1, С. 530-531
4. Аксаков Н. П. О христианском Востоке и Западе. - Благовест, 1892, № 33-34.
5. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1885-1886.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995, С. 254.
7. Бердяев Н. А. Восток и Запад. - Путь, 1927, 1930, № 23.
8. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
9. Бицилли П. М. Восток и Запад в истории Старого Света. - На путях. Утверждение евразийцев. Москва - Берлин, 1922, Кн. 2.
10. Перцов П. П. Между старым и новым. СПб. (1911). - См.: В.В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995, Кн.2, С. 175
11. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1988, Т.2, С. 695.
12. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997, С. 223
13. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, С. 87.

Дополнительная

1. Клинтон Гарднер. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души (пер. с англ.). М., 1993.
2. Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема Восток-Россия-Запад в философском наследии П. Я. Чаадаева. - Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988, Вып.3.
3. Сербиненко В. В. К характеристике образа дальневосточной культуры в русской общественной мысли XIX в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989.
4. Сербиненко В. В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994
5. Верещагин В.В. О зарубежном Востоке. М. 2001
6. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Воспоминания. М. 1907
7. Зинченко Н.Е. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. СПб. 1898
8. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток. СПб. 2000
9. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977
10. Молодяков В.Э. Концепция "двух Востоков" и русская литература Серебряного века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 49. 1990
11. Молодяков В.Э. "Восток Ксеркса" (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1.
12. История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М. 1997
13. - Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 1 - 5. М., 1982 - 1989.

14. Сербиненко В.В. Дальневосточная тема в русской философии XIX в. - Евразийская идея и современность /Сб.ст. под ред. Н.С.Кирабаева, А.В.Семушкина, С.А.Нижникова. М.: Изд-во РУДН, 2002 г. 270 с.

15. Образ Китая в поэзии А.С. Пушкина и трудах мыслителей XIX века. Язык, культура , менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Сборник материалов международной научной конференции. СПб, 2003. С. 190 - 194.

16. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX - XX вв. Часть 1.. 183 с.

17. Образ Китая в русской общественной мысли и поэзии XIX - XX вв. Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся. Сборник материалов международной научной конференции. Воронеж, 2002. С. 64 - 67.

18. Образ Китая в русской поэзии XX века. Мифы и реальность. Рациональное и эмоциональное в фольклоре и литературе.. Сборник научных трудов международной научной конференции. Волгоград, 2004. С. 181 - 188.

ТЕМА 7. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "ВОСТОК": ЯПОНИЯ.

7.1. ОСВОЕНИЕ "ЖЕЛТОГО" ВОСТОКА: ЯПОНИЯ

7.2. ЖЕЛТЫЙ "ЦВЕТ" ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ПАНМОНГЛОЛИЗМ, "ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ"

7.1. ОСВОЕНИЕ "ЖЕЛТОГО" ВОСТОКА: ЯПОНИЯ

В 1893 году философ Н.Я. Грот познакомил [Толстого](#) с кандидатом Киевской духовной академии и членом Московского психологического общества, японцем Масутаро Кониси. В 1896 г. в дневнике Толстого появляется запись: "были японцы с письмом от Кониси. Они, японцы, к христианству несравненно ближе, чем наши церковные христиане. Очень я их полюбил". Ясную Поляну Толстого посещали представители Японии и позже. Беседуя с гостем из Японии писателем Токутоми Рока Толстой заметил, что японцы и русские "даже плавают одинаково, а вот европейцы не плавают саженками..."²¹⁸.

Были у него в гостях, как вспоминал журналист С.С. Раевский, два японских философа. Но к Японии Толстой "не относится с большой симпатией — он видит за японцами стремление к внешней цивилизации; совершенно иначе он относится к другим восточным народам, и много раз подчеркивал свою связь с китайцами и индусами. Постоянная переписка и свидания с лучшими представителями этих народов укрепляют в нем давнее убеждение, что ex oriente — lux" — свет — с востока"²¹⁹. С точки зрения антропософа Р. Штейнера посредством этого "света" с Востока получил импульс, приведший его в состояние покоя, подведший к идее недеяния: "Все западные нации предаются деятельности, развивающей страсти. С Востока должен прийти импульс, приводящий их в состояние покоя. Предвестием этого является уже книга Толстого "О неделании"²²⁰.

Свет с Востока созерцал и В.С. Соловьев, излагая его поэтически и метафизически. Но его светоносный Восток находился в иных широтах. Что до Китая и Японии, то здесь цвет – "желтый". Япония, как и Китай, предстают для россиян как "желтая раса", то поражающая воображение, то угрожающая реальным военным вторжением.

Тема Японии Соловьевым была затронута в разных аспектах – от культурологического, до метафизического. Был и очерк "Япония (Историческая характеристика)"²²¹, и "Три разговора". Краткая повесть об антихристе (1900), где описывалось "возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение панмонголизма". "Подражательные японцы" узнав о существовании на Западе панэллинизма,

пангерманизма, панславизма, панисламизма, провозгласили "идею панмонголизма, т.е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т.е. европейцев" ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)).

Апокалиптические предчувствия Соловьева, окрашенные в "желтые тона", подхватили многие российские мыслители. Тем не менее были и такие, кто относился к его суждениям иронически, например [В.В. Вересаев](#), призванный на военную службу и вернувшийся с японской войны в начале 1906 года. В рассказе "Под кедром" устами одного из персонажей (участника боевых действий во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.) обвинил "русского длиннокудрого философа" (В.С. Соловьева) в воспевании "всеевропейского позера с торчащими кверху усами" (германского императора Вильгельма), а затем привел разумные утверждения, которые должны были заставить задуматься приверженцев идеи о неизбежности "желтой опасности"²²². В "записках врача" встречается такой характерный диалог: "Я верю, что со временем Европа получит от Востока жестокое возмездие, — продолжал главный врач... Деликатный Шанцер не выдержал и заговорил о желтой опасности, об известной картине германского императора"²²³.

Географически Россия — самая близкая к Японии страна, но культурно — дальняя. Здесь также действовала русская духовная миссия, хотя и появившаяся значительно позже (1871 г.), чем в Китае, и были случаи обращения в православие даже самураев²²⁴. 7 февраля 1855 г. был подписан Симодский договор, на Хоккайдо открылось консульство, российский флот получил право заходить в порты Симода и Нагасаки. После Эдосского договора 1858 г. в столице на постоянной основе заработала российская дипломатическая миссия.

В 1870 году в Петербурге вышел перевод книги Эме Гюмбера, появившейся ранее в Париже — "Живописная Япония". Японские мотивы вскоре вплетаются в культурный орнамент России — от живописи, до быта. В восприятии россиян Японии можно найти и восторженность, и осторожность, и состояние близкое к ужасу. Согласно воспоминаниям Петрова-Водкина в "столицах появились модные японские духи, кимоно и некоторые чувственные замашки. Всплыли Хокусай, Хиросиге, великие японские мастера цветной графики, с неожиданной для нас экспрессией изображения"²²⁵. А вот революция 1905 г. воспринимается другим представителем все той же интеллигенции — [А.Бельм](#) (в романе "Петербург") — как нашествие желтых азиатских полчищ, тамерлановых орд, готовых потопить в океанах крови Россию, Запад, культуру. "Желтая душа темнее для нас всякой чужой души" — предостерегал С.Н. Трубецкой²²⁶. Тьма сгущается до ужаса, и вот уже Трубецкому вторит [В.В.Розанов](#): "Они идут с торговой конторой, каких чрезвычайно много и в Японии; и японцы, такие же плоские прозаики, такие же желтые "янки", тоже реалисты и техники до мозга костей — крепко пожимают им руки как в сущности совершенно однородной цивилизации, как культуре совершенно в их уровень. Да, американцы даже и на один вершок не превосходят японцев (кроме обширности территории и населения): одни представляют собою последнюю минерализацию духа, его окостенение, "выветривание", как говорят геологи о горных породах; другие представляют какую-то изначальную "желтую глину", в которой "дух Божий на небе". Превосходство обеих наций (особенно японской) над нами в техническом отношении есть только следствие этой специализации. Они смотрят расширенным глазом, щупают утонченным осязанием; — ну, именно потому, что они только смотрят и щупают, не задумываясь, не воображая. Оба народа без воображения, без творческой фантазии, без страшного чувства ответственности, — как показали американцы в войне с Испанией, и японцы — в кровавой, разбойнической расправе все же с родственным и единоверным Китаем. Они умеют больно кусаться, эти крысы и мыши; они могут поесть наши хлебные запасы; разорить нашу бедность, кое-как сколоченную, скажем так. Но во всемирном смысле жизнь их была и останется отрицательной, без творчества, без идеала, без духа. Наступившая война — это разорительная, разрушительная война в отношении к идеалу, к человечности"²²⁷.

7.2. ЖЕЛТЫЙ "ЦВЕТ" ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ПАНМОНГЛОЛИЗМ, "ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ"

Отношения России с Японией испортились в период Японо-китайской войны 1894—1895 гг. на заключительной стадии, из-за так называемого тройственного вмешательства (Франция, Германия и Россия потребовали, чтобы Япония отказалась от своих завоеваний на Ляодунском полуострове, в том числе от Порт-Артура). Именно эта территория и была передана Китаем в аренду России в 1898 году, и Порт-Артур стал русским портом. С тех пор японские карикатуристы стали изображать Россию не только в качестве привычного всем бурого медведя, но и тигра. В 1904 г., когда Япония начала войну против России, в сатирических журналах появилось множество карикатур, изображавших русских трусами, ворами, пьяницами. Не уступали и наши создатели культурных образов в условиях военного времени.

Посидим у моря, подождем погоды. 1904

Русский плакат начала русско-японской войны Посидим у моря, подождем погоды Дозволено цензурою. Москва, 28-го февраля 1904 г. Джон Буль (Англия) и Дядя Сэм (САСШ) толкают японского микадо на войну с Россией. Порт-Артур обороняет "типичный" забайкальский казак, зажав под мышкой крепостное орудие.

Ниже стихи:

Посидим у моря, подождем погоды!

Вишь, - какие страшные уроды

виднеются из-за японской спины;

Должно-быть, это - его опекуны?..

Заморские покровители!..

*Покурить, господа, не хотите-ли -
нашей русской махорочки,
что виднеется на горочке!..
А это - тебе, Японец, игрушка -
наша Российская пушка!..
Ну, скорей - чтоль начинай,
к нам на сушу вылезай!
Сойдемся, - брат, по чести;
а все-таки я посижу на этом месте!
Докажу желтолицым врагам,
что Бог на помощь нам!..
Заступником!!!*

С первых же дней войны пресса начала потешаться над "желтыми макаками". Когда в присутствии великого князя Николая Николаевича кем-то было высказано пожелание, чтобы он возглавил войска, князь пренебрежительно ответил, что не имеет никакой охоты сражаться "с этими япошками". И только генерал М.И. Драгомиров (1830—1905, русский пехотный генерал, военный теоретик) заметил: "Японцы-макаки, да мы-то кое-каки".

Война воспринимается как противостояние двух стихий. Через неделю после Цусимского сражения в мае 1905 года [Ф. Сологуб](#) публикует статью "Вражда и дружба стихий"²²⁸, в которой воспеваются наш соперник ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)). В статье "Жалость и любовь" он отмечает, что настоящий исторический момент чрезвычайно важен тем, что "пришли в столкновение не только два государства, — две расы, два разные мировоззрения, две морали испытываются одна о другую"²²⁹. Полемика по поводу "желтой опасности" обнаруживается и в романе Сологуба "Навыи чары", в частности, в споре Триродова и Петра Матова²³⁰. Триродов пропагандирует идею синтеза буддизма и христианства, полемизируя с Петром, воспринимающим этот "синтез" как "противоестественное смешение": "— В этом поединке восторжествует христианство. Не историческое, конечно, не теперешнее, — а Христианство Иоанна и апокалипсиса. И восторжествует оно тогда, когда уже дело будет казаться погибшим, и мир будет во власти антихриста. — Я думаю, это не так будет, — тихо сказал Триродов. — Что же, по вашему, восторжествует Будда? — досадливо спросил Петр. — Нет. <...> — Дьявол, может быть? <...> — Мы видим два течения, равно могучие. Странно думать, что одно из них победит. Это невозможно. Нельзя уничтожить половину всей исторической энергии. <...> Будет синтез. <...> Вы его примете за дьявола. — Это противоестественное смешение хуже сорока дьяволов!"²³¹.

Позже, осмысляя новую войну и подводя итоги прежней, в статье "Выбор ориентации" (1914) Сологуб заявит, что мы не Запад, и никогда им не будем, мы — "Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока"²³² ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)).

Русско-японская война 1904—1905 гг., наше поражение в ней, победа "цветного народа" над "белым" христианским, воспринималась многими как предвестие грядущих катастроф. Тема "желтой опасности" обнаруживает себя в поэме "Панмонголизм", в "Краткой повести об Антихристе" (1900) ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)), а в романе "Петербург" (1913) [А.Белый](#) описывает столицу, наводненную "желтыми" личностями, которые также возвещают Апокалипсис. "Русское собрание",

возникшее в 1900—1901 гг. по инициативе князя Д. Голицына, занимавшееся вначале главным образом культурной деятельностью, затем политизируется в 1904—1905 гг. Культурное раздражение, вызванное поражением в войне с Японией, проявилась в работах С.Ф. Шарапова (1855—1911), который в русско-японской войне увидел проявление сознания “арийской расы, столкнувшейся с первым актом пробуждения желтого Востока”²³³. Уже знакомый нам в связи с Китаем Э.Э.Ухтомский утверждал, что “расовая война между Востоком и Западом [...] грозит стать признаком XX века”²³⁴.

Среди тех, кто подогревал страсти в Европе относительно “желтой опасности”, был сам кайзер Германии Вильгельм II (1888—1918). После победы Японии над Китаем в 1895 г. с его подачи появилась карикатура, представляющая “силы Европы, символизируемые ее гениями, призванными архангелом Михаилом соединиться, чтобы противостоять буддизму, язычеству и варварству ради защиты Креста”. На Россию кайзером возлагалась миссия защитить Европу от наступления “желтой расы”. В России эти ожидания и страхи перед Азией выражали и публицисты с философами, и политики с военными, вплоть до военного министра А.Н. Куропаткина (1848—1925). Однако в качестве решения проблемы он предлагал не экспансию, а политику сдерживания. Он понимал невозможность России справиться с азиатской массой. Куропаткин воспользовался термином “желтая опасность” только несколько лет спустя после того, как сложил с себя полномочия военного министра, в работе “Россия для русских. Задачи русской армии” (1910). Вплоть до 1905 г. он довольствовался выражениями типа “желтого наплыва” или “цунами”. “Страшно представить, чем станет Россия, раны, которые будут ей нанесены, потоки крови, которые потекут, огромные суммы, которые будут растрacены, если мы примем еще 400 миллионов китайцев или 300 миллионов индусов”. В меморандуме о защите империи, поданном царю в 1900 г. отмечается, что за два века численность населения России выросла с 12 до 132 миллионов; и когда мы достигли своих “естественных” границ, следует укреплять страну изнутри, а не вынашивать захватнических планов. Не забывая, впрочем, прежних планов в отношении Константинополя, следует воспротивиться идее оккупации Маньчжурии, наступлению на Индии в союзе с Великобританией.

Генерал А.Н.Куропаткин в 1898—1904 гг. занимал пост военного министра. Но, будучи главнокомандующим русской армии в Маньчжурии, он проявил себя в войне с Японией не самым лучшим образом. Большого ему удалось сделать в своем теоретическом труде, написанном в 1910 году – “Русская армия”²³⁵, где его рассуждения о сущности наших восточных соседей сгруппированы под рубрикой “Желтая опасность” ([См. дополнительный хрестоматийный материал](#)).

Война с Японией показала безлюдность наших территорий вблизи с Китаем и Японией. В свете “желтой опасности” осознается важность заселения Сибири крестьянами. Население срочно необходимо увеличить, чтобы не допустить наполнения его — после задуманного строительства железной дороги до Амура — чужаками. По мнению публицистов правого толка Россия забыла усилия казаков, которые сражались за господство на Дальнем Востоке, что позволило “маленькому варварскому государству”²³⁶, такому как Япония, одержать верх над империей. Все чаще звучали призывы к населению направиться в сторону Сибири и образовать “сибирское царство”²³⁷. В каждом из добровольно выразивших желание уехать на защиту рубежей он видел достойного последователя казачьих завоеваний Ермака, сознающего важность своего поступка для выживания отечества перед лицом нового “монгольского наплыва”²³⁸. В конечном итоге, как это ни парадоксально, возникает идея создания *Желтороссии*, или “желтой России”. Ее основатель, И.С. Левитов, писатель и этнограф Сибири, намекал на “желтую Россию” с 1901 года, но сформулировал это как четкое понятие – “Желтороссия” — после поражения в войне с Японией. Левитов предлагал часть территории России между Байкалом и Тихим океаном, сделать открытой для... Китая. “Под Желтороссией я понимаю пространство, в котором русский элемент смешивается с желтой расой, особенно то, которое простирается от Байкала к Тихому океану. Это пространство как бы изолировано от России и имеет с ней нечто общее”²³⁹. Такое разделение государства позволило бы ограничить (о чем мечтал Вильгельм II) “желтый поток” в Европу и использовать китайское население, которое окажется под русским господством в районах Амура и Уссури. “Подпитанная этой колонией, Россия, призванная к великому будущему, сможет создать в Маньчжурии зону, открытую для мировой торговли, противопоставить себя Японии на континенте и даже овладеть “желтым Босфором” — Формозой²⁴⁰. “Это пространство нельзя

называть Россией в строгом смысле слова [...] Это в большей степени желтая Россия. У нас есть белая Россия, малая Россия и т.д., почему бы не быть желтой России?"²⁴¹.

До революции Российская империя делилась на собственно Россию (Великороссия), Украину (Малороссия), Белую Русь (Белоруссия). А еще могла возникнуть Желтороссия, где Дальний Восток, усиленный азиатским элементом, положил бы конец долгим спорам: что есть Россия – Восток или Запад? Но идея синтеза двух начал не исчезла из русской мысли, воплотившись позже в идеологии евразийства.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 7

1. Какие мыслители Востока оказали на Л. Толстого наибольшее влияние?
2. Какие произведения В. С. Соловьева выражают его ощущение мировой катастрофы, исходящей с "желтого Востока"?
3. Как характеризует "умственное движение панмонголизм" В.С. Соловьев?
4. В чем суть геополитического проекта "Желторосия"?

Темы эссе и рефератов к теме 7

Образы Японии в русской философии XIX-XX вв. в контексте проблемы Россия-Запад-Восток
В. С. Соловьев о Японии.

Образ восточной культуры в русской общественной мысли XIX в.

Тема Востока и Запада в "Трех разговорах" В.С. Соловьева.

Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия.

Дальний Восток в образе "желтой опасности".

Структура образа "Восток" в российском сознании

Основные (базовые) термины и понятия к теме 7

Цивилизация

"Желтая опасность"

Панмонголизм

Восток

Геополитика

Философия истории

Историософия

Литература к теме 7

Основная

1. Гавриил, арх. Русская философия /Предисловие, подготовка текста, примечания - В.В.Ванчугов/. - М.: РУДН, 2005.

2. Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. М., 1848, Т.1, С. 639-640
3. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений. М., 1991, Т.1, С. 530-531
4. Аксаков Н. П. О христианском Востоке и Западе. - Благовест, 1892, № 33-34.
5. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1885-1886.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995, С. 254.
7. Бердяев Н. А. Восток и Запад. - Путь, 1927, 1930, № 23.
8. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
9. Бицилли П. М. Восток и Запад в истории Старого Света. - На путях. Утверждение евразийцев. Москва - Берлин, 1922, Кн. 2.
10. Перцов П. П. Между старым и новым. СПб. (1911). - См.: В.В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995, Кн.2, С. 175
11. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1988, Т.2, С. 695.
12. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997, С. 223
13. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, С. 87.

Дополнительная

1. Клинтон Гарднер. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души (пер. с англ.). М., 1993.
2. Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема Восток-Россия-Запад в философском наследии П. Я. Чаадаева. - Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988, Вып.3.
3. Сербиненко В. В. К характеристике образа дальневосточной культуры в русской общественной мысли XIX в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989.
4. Сербиненко В. В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994
5. Верещагин В.В. О зарубежном Востоке. М. 2001
6. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Воспоминания. М. 1907
7. Зинченко Н.Е. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. СПб. 1898
8. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток. СПб. 2000
9. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977
10. Молодяков В.Э. Концепция "двух Востоков" и русская литература Серебряного века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 49. 1990
11. Молодяков В.Э. "Восток Ксеркса" (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1.
12. История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М. 1997
13. - Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 1 - 5. М., 1982 - 1989.
14. Сербиненко В.В. Дальневосточная тема в русской философии XIX в. - Евразийская идея и современность / Сб.ст. под ред. Н.С. Кирабаева, А.В. Семушкина, С.А. Нижникова. М.: Изд-во РУДН, 2002 г. 270 с.

ТЕМА 8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРЕЖНИЕ СТЕРЕОТИПЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ. ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ "ДРУГОГО"

[8.1. ОТ ОБРАЗА НАЦИЙ - К ОБРАЗУ ЕВРОПЫ](#)

[8.2. ПОСТИЖЕНИЕ ДРУГОГО КАК ОСНОВА ВЗАИМНОГО ПОНИМАНИЯ](#)

8.1. ОТ ОБРАЗА НАЦИЙ - К ОБРАЗУ ЕВРОПЫ

Потребность в обобщении при взаимодействии с конкретным проявлением "иного" не довольствуется только одним этносом. Например, нам приходится иметь дело и с таким типом, как "европеец".

В России с давних времен появлялись поводы поговорить и о "европейце", и о "европеизме". Иные заключения делались как бы мимоходом²⁴². Какие-то — на волне вдохновения, вызванного удачно складывающимся заграничным отдыхом²⁴³. Некоторые же появлялись в результате систематического изучения положения вещей и образа мыслей, существующего в том месте, которое принято называть Европой. Например, в статье "Византизм и славянство", написанной в 1873-м году в Константинополе "под нравственным давлением церковной, греко-славянской распри, которая на меня тогда, как на православного и русского человека, наводила духовный и гражданский страх за наше будущее", [К.Леонтьев](#) высказал предположение о грядущем слиянии Европы в единое нечто. Он писал о том, что "романо-германские государства могут слиться со временем в одну рабочую федеративную республику, как слились теперь в большие государственные группы отдельные государства Италии и Германии, как гораздо раньше слились в одну Испанию — Арагония, Кастилия, Андалузия, Астурия, как в единой Франции слились Наварра, Бургундия, Бретань"... Теперь это — не проект, как во времена Леонтьева, а реальный европейский союз, Единая Европа. Каким будет ее обитатель, новый европеец?

И в только что упомянутой мною работе К. Леонтьева — "Византизм и славянство", — и в статье "Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения", идеальное воплощение представителя европейского сообщества получилось несколько необычным. Этот тип, начинающий доминировать в обществе — "европейский буржуа". В изложении Леонтьева это "нечто среднее": "ни мужик, ни барин, ни воин, ни жрец, ни бретонец или баск, ни тиролоец или черкес, ни маркиза в бархате и перьях, ни трапист во власянице, ни прелат в парче"... Это некий "средний тип"... Он "менее эстетичен, менее выразителен, менее интенсивно (т. е. высоко) и экстенсивно (т. е. широко) прекрасен, менее героичен, чем типы более сложные или более односторонне крайние". Европеец нового типа — средний человек. А это означает также, что он по сути своей — скучен и посредственен.

И что же (про)являет собою тип европейца в понимании русского эстета Леонтьева? Взирая на мир как на "организм", подчиненный в своем развитии триадичному процессу ((1) первичной простоты, (2) цветущей сложности, (3) вторичного упрощения и разложения), Леонтьев ничего хорошего в этом типе — увеличивающемся в количестве — не видел. Увеличение этого типа людей можно уподобить увеличению трупных пятен на теле. Они, как правило, свидетельствуют о наступившей смерти. Глядя на "европейца", Леонтьев признавал правоту слов ранних славянофилов, говоривших, что "Запад/Европа гниет". Не только в самом выражении лица "европейца" и образе его поведения и мышления, но и в способе существования Европы как культурного организма нет ничего хорошего. Во-первых,

в социальных организмах романо-германского мира уже очевиден процесс "вторичного смешения", ведущего к однообразию; во-вторых, однообразие принимает массовый характер: однообразие лиц, учреждений, мод, городов и вообще культурных идеалов и форм, сводящее всех и все к одному весьма простому, среднему, так называемому "буржуазному" типу западного европейца; и, в-третьих, это смешение становящихся все более однообразными составных частей ведет не к солидарности, а к разрушению и смерти. Так что тип "европейца", в версии Леонтьева, являет собою всего лишь способ разложения, тихое приближение смерти. И кому захочется после этого быть европейцами?

8.2. ПОСТИЖЕНИЕ ДРУГОГО КАК ОСНОВА ВЗАИМНОГО ПОНИМАНИЯ

Итак, вашему вниманию была представлена галерея "этнософических портретов", философские образы наций: "немца", "француза", "англичанина", "американца", продуцируемые в нашем обществе при активном участии философов. Если у иного человека и создается ощущение, что эта коллекция "этнософических портретов" больше похожа на кунсткамеру с собранием экзотических существ, то виноват в этом не я... Или не один я, поскольку эти и другие портреты – плод коллективного творчества философски настроенной части общества. Их авторами поочередно были как философы, так и философствующие представители искусства, преимущественно писатели. И необходимо подчеркнуть, что процесс этот – формирование образа наций – не архаическая форма творчества, оставленная в прошлом. Потребность в собирательном образе "иного" сохраняется и в наше время.

Человеку присуще в своих суждениях оперировать общностями. Представитель науки использует это с осторожностью, соблюдая определенные процедуры. Простой человек, обыватели – часто склонны к поспешным обобщениям. Иной раз для обобщения им достаточно и одного факта, потому как им помогает своеобразно понимаемая "интуиция".

В науке не поощряется необоснованное обобщение. Всякое утверждение, претендующее на всеобщность, на обобщение, должно быть обосновано на фактах, его подтверждающих. Утверждение, что "все лебеди белые", должно быть основано на белых лебедях, которых всегда можно найти, чтобы убедиться в истинности суждения. И неважно — какие они при этом — прекрасные или гадкие. И как только появляется серый или черный лебедь, прежнее утверждение — "все лебеди белые" — теряет прежний статус достоверного знания. Пока речь идет о птицах, все легко и просто. Но как только дело доходит до людей, возникают проблемы. Их трудно сосчитать, сгруппировать, определить. И так уж устроен социум, что ему хочется не просто иметь точное число, но и выразить сущность сообщества.

В любом обществе мы найдем совокупность суждений как о себе, так и о других народах. Обыденное сознание и художественная литературы богаты суждениями типа "Все они такие!"... "Все немцы такие!", "Немцы, они именно такие!", "Немцы в основном такие!", "Ну, это типичный немец!", "Немцы, они всегда были такими!". И Россия не исключение. И в этот процесс осмысления включены были философы, создававшие не просто собирательный образ, а образ, имеющий определенный смысл. Мои "этнософические портреты" составлены на основе обзора, использовании историко-философского материала XIX – первой половины XX в. Кто-то может при этом подумать, что это "раньше такие философы" были, думали, и говорили про народной физиономией выраженный смысл, про национальные особенности философии и прочее. А сейчас философ везде одинаков, и философии все понимают одинаково... Ничего подобного! Все это осталось в сознании, как некий коллективный архетип. В качестве примера позволю привести себе один эпизод... Как-то раз российский философ стал свидетелем следующего эпизода во время своего пребывания во Франции: "Профессор Э. Ведрин, известная своими исследованиями по философии эпохи Возрождения, философии истории, современной политической мысли, читала в Сорбоне курс лекций по философии Сартра. После одной из лекций она долго беседовала с докторантом из ФРГ, писавшим о Сартре диссертацию. Разговор о "Трансцендентности Эго" был долгим, раздраженным и оставил собеседников явно недовольными друг другом. Когда докторант вышел <...>, мадам Ведрин не могла успокоиться и четверть часа бранила докторанта. "Эти немцы, — говорила она, — они ищут не то, что нужно, не там, где нужно, и не у тех, у кого стоит искать <...>. Не было у него

немецкой системы! Ни тогда, ни потом! Нужно мыслить ясно, а не устраивать немецкую бурю в стакане воды <...>. Словом, немецкому педантизму и системосозидательству досталось, я <...> вышел в коридор и столкнулся с докторантом, проклинавшим и Ведрина, и Сартра, и "этих французов" — с их поверхностностью, бессистемностью, анархией, литературщиной и прочими гальскими грехами"²⁴⁴.

Потребность в обобщении имеет не только логическое объяснение, но и психологическое. В основе обобщений этнософического плана нет перебора *всех* индивидов, что, казалось бы, необходимо сделать. Но несмотря на неполноту перебора фактов, философы, составляющие образы наций, все же не испытывают чувства вины. Да, их обобщения не полны. Но не значит, что они не верны. Они неполны лишь потому, что они опирались в своих выводах не на всех индивидов, а на тех, кто наиболее полно выражает идею этого народа. Таким образом, в их обозрении заметна выборочность, и они ее не скрывают. И кого они выбирают, предпочитают? В их выборе — упор на типичное. И для философа "типичное" несколько иное, чем для обывателя. Но чей образ все же точнее?

После того как образ возникает, он начинает демонстрировать удивительную живучесть. Раз возникнув, они порой переживают поколения. Потребность в обобщенном представлении столь велика, что человек довольствуется порой самыми архаичными из них. На чем же основана эта потребность? Объяснение видится в следующем... Сталкиваясь с индивидом, с "иным", нам необходимо иметь представление о всех возможных вариациях его поведения. А они вытекают из его "программы". А программа эта — система национальных кодов, культурных стереотипов и предпочтений. И система эта имеет ограниченное число вариантов модификаций.

Но если человек перед вами — вообще человек, то и число модификаций его бесконечно! А это уже пугает. Потому как "человек" этот — непредсказуем. Так что "человек" вообще — некое чудовище. А "немец", "француз", "англичанин" — человек четко очерченный, с ограниченным набором черт характера и состояний сознания. С ним можно столкнуться, договориться. Имеется знание, и как его не обидеть, и как победить, если что не так, не по-нашему. Так что национальный стереотип — отвечает за комфортность ощущений и уверенность в поведении.

Тип "европейца", в версии Леонтьева, являет собою всего лишь способ разложения, тихое приближение смерти. И кому захочется после этого быть европейцами?

Сегодня несколько иная ситуация, отличная от той, в которой находился Леонтьев, да и другие российские мыслители, составлявшие в своем сознании образы Европы и европейца. В наше время мы имеем дело уже с объединенной Европой. Мы имеем дело не с прогнозом, а с реальностью. Но и эта новая реальность требует анализа. Когда-то ведь и Советский Союз был новой реальностью, и многие верили в его незыблемость... И жил там "советский человек". Теперь по ту сторону "железного занавеса" формируется новый европеец.

На территории объединенной Европы несколько лет назад исчезли из повседневного обращения национальные валюты. Они достояние нумизматов... Вместо прежних национальных валют — общее средство платежа "евро". Окажется ли Европа "плавильным котлом" для наций?

Курс евро пока крепок, дизайн проработан, достигнута узнаваемость на фоне других. Но образ нового европейца пока не имеет четких контуров и явного смысла. Каковы его перспективы? И среди обывателей, и внутри научного сообщества сегодня можно найти много смутных ощущений, дурных предчувствий, голых схем. Кто и как сформирует образ "европейца" и в самой Европе, и в мире? Хотелось бы этого или нет членам европейского союза, но и Россия примет в этом участие. И не потому, что ей до всего есть дело. Просто потому, что нужна не просто определенность в представлении "иного", что рядом и по соседству, а и уверенность. А это чувство придет лишь тогда, когда мы сами создаем портрет, а не довольствуемся предложенным нам со стороны образом. Ведь тот "образ" может оказаться всего лишь симулякром.

Вопросы для повторения и самопроверки к теме 8

1. Какой тип культуры воплощает собою европеец с точки зрения К. Леонтьева?

Темы эссе и рефератов к теме 8

Антиномия "Восток-Запад" в русской философии.

Образ европейца в русской философской мысли.

Массовое и элитарное сознание. Чьи стереотипы ближе к истине?

Европейцы о России и россиянах. Предрассудки, предубеждения и озарения.

Негативное постижение сущности иного: "китаизм", "американизм", "европеизм".

Образ Россия-и-Европа, или Россия как Европа

Основные (базовые) термины и понятия к теме 8

Европа

Евросоюз

Европеец

Европеизм

Европейский тип

Литература к теме 8

Основная

1. Историко-философский ежегодник `87. М., 1987, С. 287-288.
2. Глинка Ф. Н. Письма к другу. М., 1990, С. 386.
3. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995, С. 164.
4. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М.: Республика, 2005.
5. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
6. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. 1997.
7. Славянофильство: Pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 2006.
8. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
9. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920.
10. Петр Первый: pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 2003.
11. Славянофильство: Pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 2006.
12. Чаадаев П.: pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 1998.
13. К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн.1-2 СПб., 1995.

Дополнительная

1. Гальцева Р. Образы России и Европы. Процесс философского взаимопонимания // Альфа и Омега культуры. - М.: ИНИОН, 1998.
2. Казаринова Д.Б. Европейская интеграция: политико-институциональное и социокультурное измерения. Монография. - М.: РТВ-медиа, 2006. - с.160
3. Зимин А.И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М.:Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2000.
4. Игрицкий Ю.И. Восточноевропейское цивилизационное пространство в XXI в. //Европа на пороге XXI в.: ренессанс или упадок? М.: ИНИОН РАН, 1998.

Перечень вопросов итоговой аттестации по курсу

1. Кто из отечественных мыслителей предложил наряду с этнографическими исследования ввести этнософию? К какому направлению мысли он принадлежал?
2. Каков круг источников (материалов) этнософии?
3. В произведениях каких мыслителей древности можно обнаружить этнософические мотивы?
4. Кого из французских мыслителей Екатерина II считала своим учителем?
5. Каково отношение представителей "Общества Любомудрия" к французской мысли?
6. Кто из представителей славянофильства дал развернутую характеристику ума французов, немцев, англичан, в какой работе?
7. Каков национальный характер "немца" сквозь прицел крупновской пушки в интерпретации В.Ф. Эрнста?
8. Политическому характеру какой страны отдает предпочтение В.С.Соловьев?
9. Какие мыслители Востока оказали на Л. Толстого наибольшее влияние?
10. Какова оценка китайского культурно-исторического типа Н.Я. Данилевским?
11. Какие произведения В. С. Соловьева выражают его ощущение мировой катастрофы, исходящей с "желтого Востока"?
12. Как характеризует "умственное движение панмонголизм" В.С. Соловьев?
13. В чем суть геополитического проекта "Желторосия"?
14. Какой тип культуры воплощает собою европеец с точки зрения К. Леонтьева?
15. Какие черты из этнософических портретов прошлого не потеряли своей актуальности?

Печатается по изданию: *Гавриил, арх. Русская философия. - Москва. - Издательство Российского университета дружбы народов, 2005 г.*

С. 21-22

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

§138. Каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от прочих народов и свою философию, более или менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии. Провидение излило богатство даров своих в различной мере, в разнообразных, неисчисленных степенях по всем местам, по всем существам, наполняющим вселенную. Если древний благочестивый Израиль, внимательный ко гласу Господа, представляет нам символ совести, изрекающей нравственные начала для нашей деятельности, то нынешний Израиль, поражаемый проклятием закона, скитающийся и трясущийся, есть представитель совести смущенной, рабского страха к закону. Восток, благоденствующий под безоблачным небом, роскошествующий богатством видимой природы, кипит внешней жизнью, изобилует огненной фантазией, истаяет в мечтательности и неге, гниет умственным и гражданственным застоём. Грек, создавший Олимп с многочисленными пирами, распрями богов и человек, проводивший всю жизнь в школах, цирках, торжищах, театрах и различных собраниях, возведший на высшую ступень совершенства науки и искусства, есть как бы самая воплощенная изящная людскость. Рим чрез насилие стремящийся к всемирному владычеству, обоготворивший избиенных героев, допускавший самоубийство при отчаянии, есть эгоизм, изображенный в лицах. Скандинав задумчив, угрюм. Германец идеалист, чувствителен, неутомим в изысканиях и часто односторонен в построении умственных теорий, как напр<имер> Бем, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Француз любезен, веселонравен, переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности. Итальянец облакает религиозность в роскошные формы, ищет чувственных наслаждений, благоговееет к туфлям Папы. Испанец фанатик в религии, рыцарь в народности, ленив от злата американского. Португалец запечатлен меланхолией. Англичанин, еще по направлению Бекона, во всей деятельности ищет пользы одинаково к тому употребляя и скептицизм как у Юма, и материализм как у Мильтона. Россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен; по отношению к любознанию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом. Докажем это последнее положение, как принадлежащее к нашей науке.

§139. Влияние ума на всю человеческую деятельность русский народ выражает любимыми присловиями: свой ум царь в голове. Хорошо ум; а два лучше. Без ума торговать, лишь деньги терять. В большом месте сидеть, много ума иметь. Впрочем русский требует, чтобы всякая теория совершенно была согласна с опытом, приговаривая в дружеских беседах: чего не видишь, о том и не бредишь. Философ со всей силою красноречия рассказывающий какое-либо умственное построение, недоступное, или сколько-нибудь противоречащее опыту, всегда услышит поговорку: хорошо говорит, а послушать нечего. Мы люди темные; мы ничего тут не видим. Порет высоко, а ничего не поймешь; суцая эрмолафия! Никогда русский, подобно Декарту, не принимал сомнения за начало философии; он допускает одно испытание истины, внушая осторожность при затруднениях: Опасение половина спасения! Вот яма, стой прямо! Семь раз примерь, один раз отрежь! Хотя совершенно неоспоримо то, что всякая поговорка народа выражает его жизнь и деятельность; впрочем не без основания можно спросить: действительно ли приведенные поговорки оправдываются историей русского народа? Посмотрим!

Печатается по изданию: Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., Мысль, 1988, Т.2.

С.736-740

Краткая повесть об антихристе.

<...> XX век по Р. Х. был эпохой последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из внешних войн имела свою отдаленную причину возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение панмонголизма. Подражательные японцы, с удивительной быстротой и успешностью перенявши вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи низшего порядка. Узнав из газет и из исторических учебников о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, т. е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т. е. европейцев. Воспользовавшись тем, что Европа была занята последнею решительною борьбою с мусульманским миром в начале XX века, они приступили к осуществлению великого плана – сперва занятием Кореи, а затем и Пекина, где они с помощью прогрессивной китайской партии низвергли старую маньчжурскую династию и посадили на ее место японскую. С этим скоро примирились и китайские консерваторы. Они поняли, что из двух зол лучше выбрать меньшее и что свой своему поневоле брат. Государственная самостоятельность старого Китая все равно была не в силах держаться, и неизбежно было подчиниться или европейцам, или японцам. Но ясно было, что владычество японцев, упраздняя внешние формы китайской государственности, оказавшиеся притом очевидно никуда не годными, не касалось внутренних начал национальной жизни, тогда как преобладание европейских держав, поддерживавших ради политики христианских миссионеров, грозило глубочайшим духовным устоям Китая. Прежняя национальная ненависть китайцев к японцам выросла тогда, когда ни те, ни другие не знали европейцев, перед лицом которых эта вражда двух сродных наций становилась междоусобием, теряла смысл. Европейцы были вполне чужие, только враги, и их преобладание ничем не могло льстить племенному самолюбию, тогда как в руках Японии китайцы видели сладкую приманку панмонголизма, который вместе с тем оправдывал в их глазах и печальную неизбежность внешней европеизации. “Поймите, упрямые братья, – твердили японцы, – что мы берем у западных собак их оружие не из пристрастия к ним, а для того, чтобы бить их этим же оружием. Если вы соединитесь с нами и примете наше практическое руководство, то мы скоро не только изгоним белых дьяволов из нашей Азии, но завоюем и их собственные страны и оснуем настоящее Срединное царство надо всею вселенною. Вы правы в своей народной гордости и в своем презрении к европейцам, но вы напрасно питаете эти чувства одними мечтаниями, а не разумною деятельностью. В ней мы вас опередили и должны вам показывать пути общей пользы, а не то смотрите сами, что вам дала ваша политика самоуверенности и недоверия к нам – вашим естественным друзьям и защитникам: Россия и Англия, Германия и Франция чуть не поделили вас между собою без остатка, и все ваши тигровые затеи показали только бессильный кончик змеиного хвоста”. Рассудительные китайцы находили это основательным, и японская династия прочно утвердилась. Первою ее заботою было, разумеется, создание могучей армии и флота. Большая часть военных сил Японии была переведена в Китай, где составила кадры новой огромной армии. Японские офицеры, говорившие по-китайски, действовали как инструкторы гораздо успешнее отстраненных европейцев, а в бесчисленном населении Китая с Маньчжурией, Монголией и Тибетом нашлось достаточно пригодного боевого материала. Уже первый богдыхан из японской династии мог сделать удачную пробу оружия обновленной империи, вытеснив французов из Тонкина и Сиама, а англичан из Бирмы и включивши в Срединную империю весь Индокитай. Преемник его, по матери китаец, соединявший в себе китайскую хитрость и упругость с японскою энергией, подвижностью и предприимчивостью, мобилизует в китайском Туркестане четырехмиллионную армию, и, в то время как Цун Лиямынь конфиденциально сообщил русскому послу, что эта армия предназначена для завоевания Индии, богдыхан вторгается в нашу Среднюю Азию и, поднявши здесь все население, быстро двигается через Урал и наводняет своими полками всю Восточную и Центральную Россию, тогда как

наскоро мобилизуемые русские войска частями спешат из Польши и Литвы, Киева и Волыни, Петербурга и Финляндии. При отсутствии предварительного плана войны и при огромном численном перевесе неприятеля боевые достоинства русских войск позволяют им только гибнуть с честью. Быстрота нашествия не оставляет времени для должной концентрации, и корпуса истребляются один за другим в ожесточенных и безнадежных боях. И монголам это достается не дешево, но они легко пополняют свою убыль, завладев всеми азиатскими железными дорогами, в то время как двухсоттысячная русская армия, давно собранная у границ Маньчжурии, делает неудачную попытку вторжения в хорошо защищенный Китай. Оставив часть своих сил в России, чтобы мешать формированию новых войск, а также для преследования размножившихся партизанских отрядов, богдыхан тремя армиями переходит границы Германии. Здесь успели подготовиться, и одна из монгольских армий разбита наголову. Но в это время во Франции берет верх партия запоздалого реванша, и скоро в тылу у немцев оказывается миллион вражеских штыков. Попав между молотом и наковальней, германская армия принуждена принять почетные условия разоружения, предложенные богдыханом. Ликующие французы, братаясь с желтолицыми, рассыпаются по Германии и скоро теряют всякое представление о военной дисциплине. Богдыхан приказывает своим войскам перерезать ненужных более союзников, что исполняется с китайскою аккуратностью. В Париже происходит восстание рабочих *sans patrie*, и столица западной культуры радостно отворяет ворота владыке Востока. Удовлетворив своему любопытству, богдыхан отправляется в приморскую Булонь, где под прикрытием флота, подошедшего из Тихого океана, готовятся транспортные суда, чтобы переправить его войска в Великобританию. Но ему нужны деньги, и англичане откупаются миллиардом фунтов. Через год все европейские государства признают свою вассальную зависимость от богдыхана, и, оставив в Европе достаточное оккупационное войско, он возвращается на Восток и предпринимает морские походы в Америку и Австралию. Полвека длится новое монгольское иго над Европой. Со стороны внутренней эта эпоха знаменуется повсюдным смешением и глубоким взаимопроникновением европейских и восточных идей, повторением *en grand* древнего александрийского синкретизма; а в практических областях жизни наиболее характерными становятся три явления: широкий наплыв в Европу китайских и японских рабочих и сильное обострение вследствие этого социально-экономического вопроса; продолжающийся со стороны правящих классов ряд паллиативных опытов решения этого вопроса и усиленная международная деятельность тайных общественных организаций, образующих обширный всеевропейский заговор с целью изгнания монголов и восстановления европейской независимости.

Этот колоссальный заговор, в котором принимали участие и местные национальные правительства, насколько это было возможно при контроле богдыханских наместников, мастерски подготовлен и удаётся блестящим образом. В назначенный срок начинается резня монгольских солдат, избиение и изгнание азиатских рабочих. По всем местам открываются тайные кадры европейских войск и по задолго составленному подробнейшему плану происходит всеобщая мобилизация. Новый богдыхан, внук великого завоевателя, поспешает из Китая в Россию, но здесь его несметные полчища наголову разбиты всеевропейскою армией. Их рассеянные остатки возвращаются в глубь Азии, и Европа становится свободною. Если полувековое подчинение азиатским варварам произошло вследствие разъединения государств, думавших только о своих отдельных национальных интересах, то великое и славное освобождение достигнуто международною организацией соединенных сил всего европейского населения. Естественным следствием этого очевидного факта оказывается то, что старый, традиционный строй отдельных наций повсюду теряет значение и почти везде исчезают последние остатки старых монархических учреждений. Европа в XXI веке представляет союз более или менее демократических государств – европейские соединенные штаты. Успехи внешней культуры, несколько задержанные монгольским нашествием и освободительною борьбою, снова пошли ускоренным ходом. А предметы внутреннего сознания – вопросы о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека, – осложненные и запутанные множеством новых физиологических и психологических исследований и открытий, остаются по-прежнему без разрешения. Выясняется только один важный отрицательный результат: решительное падение теоретического материализма. Представление о вселенной как о системе пляшущих атомов и о жизни как результате механического накопления мельчайших изменений вещества – таким представлением не удовлетворяется более ни один мыслящий ум. Человечество навсегда переросло

эту ступень философского младенчества. Но ясно становится, с другой стороны, что оно также переросло и младенческую способность наивной, безотчетной веры. Таким понятиям, как Бог, сделавший мир из ничего и т. д., перестают уже учить и в начальных школах. Выработан некоторый общий повышенный уровень представлений о таких предметах, ниже которого не может опускаться никакой догматизм. И если огромное большинство мыслящих людей остается вовсе не верующими, то немногие верующие все по необходимости становятся и мыслящими, исполняя предписание апостола: будьте младенцами по сердцу, но не по уму <...>.

Хрестоматия 3

Печатается по изданию: Сологуб Ф. Биржевые ведомости. 1905. № 8847. 29 мая.

Вражда и дружба стихий

*"Ветер и солнце были
за японцев и против нас".
Из телеграммы собственного
корреспондента.*

Стихии были за японцев и против нас. Потому Цусимский бой был нами проигран. Так говорит газета. Она думает, что кому-то угождает этим. Она не знает, что говорит жестокую правду. Увы! правду слишком жестокую.

Если бы мы были язычниками, мы сказали бы:

Боги ветра и солнца помогают нашим врагам, а где же наши боги?

Христианин скажет:

— Ветру и солнцу повелевает Бог.

И сделает скорбный вывод.

Человек точного ведения скажет:

Надо брать в расчёт и ветер, и солнце, и многое другое. Кто идёт наобум, тот уж почти наверное нарвется на что-нибудь для него неожиданное.

Стихии давно уже против нас. Ещё Чацкий говаривал, что мы живём "рассудку вопреки, наперекор стихиям". Это сказано, собственно, о фраке. Но это относится, конечно, и к очень многому другому.

Говорят: в Цусимском бою солнце светило нашим в глаза, а у японцев оно было за спиной. Ветер тоже не поладил с нами, и помогал японцам, уж я не знаю, как именно. Прибавим заодно и обе остальные стихии: вода оказалась для нас неблагоприятною, потопила наши кое-как слаженные корабли, а земля... земля вблизи была японская. Конечно, она помогала нашему врагу. С её берегов налетала на нашу растерявшуюся эскадру туча миноносков.

Я прочитал где-то, что на кораблях Небогатова пушки заржавели. Невероятно. Но что же можно сделать с враждою стихий? Ржавеют на дожде крыши домов, отчего же не заржаветь и пушкам.

Враждебны нам стихии. Нелюбовь у нас и у стихии взаимная. Ни одна стихия нам не мила.

Солнце, огонь, пламенное, страстное светило, источник света и тепла. Мы упрямо отвращаемся от солнца. От света. От всякого свита. Просвещение наше в упадке. Одежды наши темны и скучны. Жилища у нас сумрачны и суровы. Дети наши закутаны, чтобы солнце не обожгло их кожу.

Ветер, вольно веющий, не знающий преград и застав, ветер — чародей, могучим веянием оживляющий широкие земные просторы... Мы боимся его Мы его не терпим. Мы оградилась от него

стенами, и стараемся возвести их до неба, и замазать в них все щели. Чтобы не веял, самовольный, бесчинный, дерзкий нарушитель затхлого покоя.

Вода, вольно струящаяся и, однако, покорная закону земных тяготений, чистая, холодная, равняющая всех своими влажными и холодными объятиями.. Что нам в ней? Мы заросли всякою грязью, мы любим нечистоту и тлен нашей смрадной жизни. Мы защищаемся от бесчинства падающих с неба вод калошами, зонтиками, плащами. Наши дети боятся воды, а дерзкие из них легко тонут в ней, потому что не могут научиться плавать. Это так трудно для нас.

Земля, мягкая, сырая, успокоительная, мать, кормящая всех своих детей... Мы позаботились больше всего о том, чтобы разделить её, и отмежевали мою и твою землю, — и всем нам тесно на земных просторах. И мы идём умирать, чтобы отнять у мирного народа его землю, и думаем, что это отнятие чужого есть великий подвиг, за который наши дети должны быть нам благодарны. А на что земля нашим детям? Они не знают её ласковых и нежных прикосновений, не бегают босые по её мягкой и зеленой траве, по её сыпучему песку.

Мы не любим стихий, и справедливые стихии не любят нас. Они благосклонны к нашему врагу, и помогают ему в великой исторической борьбе, потому что платят ему любовью за любовь.

Посмотрите на японские картины. Сколько света, какое живое солнце чувствуется в них! Эмблему своего государства взяли японцы восходящее солнце, потому что безмерно полюбили они это царственное светило, радостное и благостное. К добрым и злым равно благостно оно. Но любят его только добрые и сильные. И таким и оно посылает наилучшие свои дары. И японцы радостно греются в лучах своего солнца. Радостно открывают они солнцу своё тело, — и золото расплавленных солнечных лучей переливается по их коже восхитительным пламенем силы и бодрости.

Бодро ставят они свои паруса, и ветер несёт в широкое море их лодки. Он развеивает их лёгкие одеяния, и прикосновения его к их телу нежны и любовны.

Вода охватила голубым, раздробленным ожерельем их прекрасные острова. Как они родственны этой подвижной стихии! Как легко влекутся они к неизведанному, к новому! И мы ещё не знаем, куда приплывут они на своих дивных кораблях.

Землю они любят удивительною любовью влюблённого. Как возделывают они её! Причудливым садом и огородом стала вся их страна.

В дружбе со стихиями живёт наш враг, и стихии, вольные и вечные, стали его верными союзниками. Мы не можем расторгнуть этого союза. Но никто не мешает и нам войти в него.

...Небо ясно,

Под небом места хватит всем.

(Лермонтов)

И если мы сами так уже закоснели в нашей искусственной и городской жизни, в жизни маленьких и робконьких мещан, то введём же хотя наших детей и наших юношей в вольный мир природы, сдружим их с милыми, вечно-вольными и вечно-благостными стихиями. Дружба с ними радостна, но их любовь не изнеживает, потому что они и нежны, и в то же время суровы. Их радость есть радость мужества и силы.

В городах и вне городов — везде светит солнце. Пусть возрастающее люди не прячутся в мрачные пещеры наших жилищ от доброго солнца.

Воздуху, свету, земле и воде дайте свободно обнимать их тела. Чтобы сдружились, сжились, сроднились они с вольными стихиями. Чтобы и сами стали, как стихии, такие же чистые, невинные, правдивые, нежные и суровые.

Выбор ориентации.

На днях один умный и талантливый писатель, побывавший близ тех мест, где разрываются шрапнели, говорил мне:

- У солдат совсем другое отношение к врагу, чем у нас, чисто деловое.

Замечательно уже то, что солдат никогда не ругает немца. Черта утешительная, показывающая высокий строй народной русской души. Гораздо более высокий, чем думают те прекрасные городские люди, которые считают необходимым предостеречь русского человека и обречь его душу от озлобления против немцев. Мужик пошёл на войну, как на высокое и трудное дело, дело необходимое, дело защиты родины от напавшего врага; надобно заступиться притом за обиженных, за сербов и, кроме того, войною добыть какую-то драгоценную правду. Сердиться на врага ему прежде всего и некогда; в самой битве он лют, но сердце имеет отходчивое, и крепко помнит, что против него идёт такой же, как он, мужик, оторванный от домашней работы и обязанный идти, куда шлют, защищать свою родину и добывать свою правду. В этом вся истинная философия и психология войны. Надобно честно и стойко делать своё дело, стоять до конца за своё, а кому победить, это Бог рассудит. В народном понимании война суд Божий между народами, почему и нельзя вносить в неё озлобление.

А вот мы, в городах, так называемая интеллигенция, с таким эпическим спокойствием и незлобием отнестись к страшному и трудному делу войны не можем. Враг наш в нашем представлении не мужик вооружённый и не рабочий около пушки, а воюющая с нами отвлечённая Германия. С этою Германиею мы связаны многообразными узами, связями духовными и материальными, идеями, наукою, искусством, культурою, знакомствами, симпатиями, срослись с Германиею уж очень плотно, и для нас остриё меча режет по живому месту, и нам больно. Костромскому мужику легко, он принёс только свою жизнь, и потеряет только её, а нашей боли он чувствовать не может, меч, разящий нас больно, у него падает по пустому месту.

Когда мы думаем о войне, мы думаем не столько о прерванном для войны труде мужика тамбовского, или ганноверского, или бретонского, сколько о разрушенном Лувене, о Реймском соборе, о нехороших поступках курортных германских врачей, о газетных статьях германских публицистов, поэтов, учёных, о их ненависти к нам, русским, которых они зовут варварами, и о том особенно, оказалась ли германская культура на высоте тех гуманных идей, которыми мы, среди всего неустройства и зла жизни нашей, так дорожим. Словом, думаем обо всей роскоши и накипи интеллигентского бытия. И вот в этом узле для нас завязывается трагедия, которая рязанскому мужику так же мало понятна и доступна, как и другие наши радости и огорчения, но которая нам дошла до сердца и исторгает из нас то гневные, то скорбные речи. Перед нами стоит трагический вопрос: сохранить ли нам нашу влюблённость в европейскую, в частности, в германскую, культуру, или это европейское, германское, разлюбить?

В первом случае мы и в данной распре должны взглянуть на себя глазами европейца, который или откровенно ненавидит наше варварство и сражается с нами, как Германия и Австрия, или, презирая нас в глубине души, пользуется нашими колоссальными силами и готов вести войну с Германиею до последней капли русской крови, как Франция и Англия. Стало быть, в этом случае нам придётся окончательно проклясть Россию и навсегда влезть в берлинский пиджак. Если же мы решимся на второе, то нам придётся разлюбить не одну Германию. Искренних друзей у нас в Европе нет. Ведь даже и теперь, когда мы усилиями наших армий спасаем Париж и Лондон от разгрома вандальскими ордами, что-то не слышно, чтобы наши союзники соглашались отдать нам Царьград, единственное полезное для нас в этой войне приобретение.

Вот в этом-то и состоит наша интеллигентская трагедия. Кто милее:

Европа или Россия? Где наша истинная родина? в степях восточной Европы или в парках Версаля?

Мне кажется, что нет другого сословия или класса, обречённого на более скорбную трагедию, чем прекрасная, многострадальная русская интеллигенция. Каждый класс имеет свой интерес, отстаивает его, как умеет, и видит врага в том, кто и есть его враг. Русская интеллигенция привыкла видеть свой

интерес в торжестве справедливости и гуманности, в устройстве счастья для мужика, для рабочего, для Польши, для евреев. На своём высоком пути она почти всегда одинока, и там, где она видит друзей, к ней, в лучшем случае, холодно.

Мы влюблены в европейскую цивилизацию, в её внешнюю культурность, а европейцы говорят: "поскребите русского, найдёте татарина"; и мы очень стыдимся этой поговорки, как будто и в самом деле трезвый, трудолюбивый и честный татарин хуже смекалистого и плутоватого германского коммивояжёра или парижского куафера. Мы влюблены в народ, но смотрим на него Кавказскими пленниками: "европейца всё вниманье народ сей дикий привлекал"; а народ смотрит на нас, как на существа бесконечно чуждой природы. Потому что мы приходим к нему, наглотавшись европейского яда, но очень всё-таки слабые по части европейской техники; а ведь только европейская техника нам и нужна, что достаточно понимает и пермский, и подольский мужик, очень хорошо умеющий оценить достоинства хитрой немецкой машины, если только она притащена в деревню не зря и без толку, а в строгом согласовании с местными условиями.

С тех пор, как Пётр Великий, обрив наши бороды и научившись у голландцев кораблестроению, у шведов ратному делу, и вообще у европейцев многому полезному, прорубил окно в Европу, вот только с этого времени мы и ведём свою историю цивилизации, и если бы у нас, как у англичан, был свой Бокль, он не начинал бы от времён Олеговых.

"Великого Петра

Он звал отцем России новой;

Он видел след руки Петровой

В основе всякого добра".

А раньше Петра мы, по-видимому, были дикими, вроде папуасов. Европа стала для нас страной святых чудес, вечным образцом того, к чему следует стремиться. Она и дала нам много доброго и полезного. Дала, конечно, не даром. Наши труды и затраты на Европу, поистине, колоссальны. Мы и воевали-то часто за европейские интересы. В мирное же время мы усердно обогащали её. Русские путешественники своими деньгами помогли германцам иметь отличные дороги, великолепные курорты и превосходные крупновские орудия, в то время, как русский мужик кряхтел от бездорожья, а русский горожанин гнушался русскими лечебными местами. В благодарность за это пользующаяся нами Европа всегда смотрела на нас свысока, и мы всё никак не могли догнать её, хотя право же и у нас кое-что своё было.

Только в последние десять лет работы Государственной Думы дали сравнительно более быстрый темп нашей ученической работе. И что в этой работе мы действительно двинулись вперёд за это десятилетие очень далеко, показывает уж ход войны: ни одна война со времён Петровых не шла так удачно для нас (если принять во внимание её исключительную трудность), как эта война. И эта творческая работа общественных сил отразилась на простом народе, который пошёл на эту войну с таким подъёмом, какого он не знал, может быть, со времени Куликовской битвы. В этом и есть залог того, что война принесёт народу некое положительное и высокое благо, и что кровь проливается не даром. С таким подъёмом ведутся только освободительные войны.

Интеллигенция же наша переживает критический момент. Если она и для себя желает от последствий этой войны некоего блага, если она хочет, чтобы и для неё эта война стала освободительной, то ей придётся многое преобразовать в строе своего миропостижения. Европейская ориентация, проводимая слишком прямолинейно и в тех областях, где не она потребна, оказывается для нас столь же трагическою как для поляков могла бы оказаться ориентация австрийская, если бы поляки пожелали в этом упорствовать. Кризис европейской ориентации состоит не в том, что европейская культура оказалась несостоятельною; не прав опрометчивый поэт, сказавший про эту культуру, что "гнила культура, как рокфор". Европейская, в частности, германская культура ещё крепка и добротна, что и сказывается, между прочим, в той деловитости и в том одушевлении, с какими германцы ведут эту войну. Но нам-то культура эта не сродни. Европейская ориентация у нас терпит кризис, размеры которого так велики, как мы теперь только с трудом можем представить, потому, что европейская культура потребна нам только отчасти, в

предметной своей части, а не целиком, как мы хотели её взять. Никогда, думаю я, не дойдём мы до того “культа вещей”, которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело её, Марфу. Этот культ вещей поработывает европейца, и держит его в очень тесных рамках буржуазного бытия. Мы свободны от этого рабства вещам, и должны остаться свободными.

Это не значит, конечно, что нам следует отвергнуть материальную культуру Европы. Технику и законодательство, манеру строить дороги и дома и строить даже внешние формы жизни, - всё это будем брать по-прежнему или даже ещё энергичнее, но всему этому дадим только служебное значение. Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всём внешнем, - хозяйкою нашего великого русского дома остаётся всё же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых. Мы - не Запад, и никогда Западом не будем. Мы - Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока. Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное своё, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов. В идеалистичности нашей интеллигенции, в её высокой незаинтересованности лично для себя, вот в этом нашем прекрасном свойстве и сказывается наша тоска по тому сокровищу, которое нам дано, но которое мы держим под спудом.

Хрестоматия 5

Печатается по изданию: Куропаткин А. Н. Русская армия. — СПб.: Полигон, 2003.

С. 346-353.

“Желтая опасность”

Последняя волна азиатских полчищ (монголо-татар) нахлынула на Европу в XIII столетии, залила бóльшую часть России и докатилась до полей Венгрии, где и остановилась. Эта волна проникла в Европу в широкие ворота между Уральскими горами и Каспийским морем.

В XIV столетии азиатские полчища (турок), двигавшиеся через Малую Азию, переправляются на европейский материк, завоевывают весь Балканский полуостров, Венгрию и только в XVII столетии остановлены у Вены, после чего начинается их обратное движение.

Главным образом усилиями славянских племен движение из Азии на Европу азиатских народностей — монголов, татар и турок — не только остановлено, но с наступлением славян, северная часть Азии переходит в руки русского племени. В то же время в южной Европе турки изгнаны не только из Венгрии, но смогли сохранить и на Балканском полуострове лишь небольшую его часть. Эта борьба, веденная против азиатских племен славянскими в течение нескольких веков, хотя и защитила Европу от порабощения ее Азией, но обессилила славян, в особенности русское племя, и составила причину культурной отсталости славян от других европейских народов. Пользуясь безопасностью со стороны Азии, европейские племена — романские, англо-саксонские и германские — переходят в наступление из Европы на прочие материки всего света и овладевают Америкой, Австралией, Африкой и обширными пространствами Азии в Индии и Индо-Китае.

Огромное развитие обрабатывающей промышленности европейских государств вызывает в XIX столетии потребность для них в рынках всего света для сбыта избытка фабричных изделий и получения недостающих для населения Европы произведений русских стран, по преимуществу сырья. Бóльшая часть населения западно-европейских государств, в особенности Англии и Германии, ныне уже занята фабрично-заводской деятельностью. Не только удержание в своих руках уже завоеванных ими рынков, но расширение их становится ныне для западноевропейских государств вопросом жизненной важности.

Между тем в XIX веке уже знаменуется поворот в делах всемирного рынка. Тоже вооруженные плодами европейской культуры, в том числе и по военной части, народы других материков, кроме европейского, начинают давать отпор европейскому товару и европейскому штыку. Провозглашаются девизы: "Америка для американцев", "Азия для азиатов". За ними будут провозглашены девизы: "Африка для африканцев", "Австралия для австралийцев". Америка в этом отношении первая твердо становится на ноги и уже ведет с успехом промышленную борьбу с Европой. В Африке пробуждение местного населения в более острой форме уже сказалось в борьбе абиссинцев с итальянцами, буров с англичанами, в борьбе мусульман в бассейне Нила с англичанами, в борьбе в Алжирии и Марокко против французов и испанцев. Но особенную угрозу Европе представляет движение против европейцев, начавшееся в Азии, император Вильгельм III называет это движение "желтой опасностью" и пророчески указывает на серьезность этой опасности. Нельзя действительно не признавать опасным движения против Европы, в котором может принять участие население численностью около 800 млн душ, с армией в несколько миллионов человек.

Особую важность для Европы в XX столетии имеет азиатский рынок. Еще в конце XVIII века сношения Европы с Азией со стороны тихоокеанского побережья были ничтожны. Но уже в конце XIX века к портам Тихого океана приставало в год несколько десятков тысяч паровых судов.

За последние 50 лет прошлого столетия обороты внешней торговли Китая только из портов, открытых европейцам, увеличились свыше чем в 10 раз и составили в год свыше 0,5 млрд руб. И это при ничтожной пока покупательной силе китайского населения. В XX веке эта покупательная сила может возрасти в несколько раз, что даст возможность для европейских государств иметь на Тихом океане торговлю, оцениваемую в год в несколько миллиардов рублей.

Японцы с большой энергией расширяют свою деятельность на тихоокеанском побережье. При достигнутых ими очень пониженных, сравнительно с европейцами и американцами, фрахта за перевозки грузов, конкурировать с ними становится очень трудно (дешевые матросы, дешевое содержание их, малое вознаграждение старшим служащим).

Прорытие Панамского канала даст и американцам сравнительно с европейцами значительные торговые выгоды на Тихом океане. В очень скором времени японцы, вместе с американцами, могут вытеснить европейцев из Тихого океана, что будет равносильно лишению Европы рынков на тихоокеанском побережье (на обоих берегах) с населением около 700 млн душ.

Со стороны Америки существует и другая угроза: американцы начинают бороться против отпуски в Европу сырья, в том числе и хлопка.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно признать, что наступательное движение европейских народов против материков всего света уже в XIX веке наталкивается на встречную волну прорыпающихся народов Азии и Африки.

Можно предвидеть поэтому, что в XX веке европейским народам придется перейти от наступления к обороне занятых ими позиций. Особенно будут угрожаемы позиции, занятые Россией, Англией, Францией, Германией и Нидерландами в Азии. Эти позиции могут быть отторгнуты от европейских государств путем насильственным, путем поражения европейских вооруженных сил, их защищающих.

Потеря владений в Азии и на других материках, потеря всемирных рынков составляет такую угрозу самым жизненным интересам Европы, что для отстранения опасности все европейские государства, забыв свои взаимные счеты, должны объединить свои усилия, чтобы дать отпор силам других рас. Население этих других рас ныне открыто подготавливает силы с целью загнать старушку Европу в ее географический чулок, обречь ее на скромное существование на незначительной территории, среди могучего развития жизни во всех направлениях на огромных материках Азии, Америки и Африки, освобожденных от европейской опеки.

Роль России в готовящихся в XX веке событиях мирового значения огромна. Россия уже приняла на себя в XX столетии первый натиск желтой расы и не имела успеха. Причин тому много, но одна из главных — это поддержка Англией врагов Европы японцев. Поддержка Америкой Японии может представляться естественной, потому что Америка — естественный будущий враг Европы. Но поддержка

Англией Японии составляет результат тяжелого недоразумения. Из-за мифической боязни нашествия России на Индию Англия своими руками создала уже не мифическую, а реальную опасность для той же Индии. Европейцы держатся в Азии престижем их непобедимости. Победа в Азии над русскими есть вообще победа азиата над европейцем. Почувствовав свои силы, азиат будет их применять не только к русским владениям, но вообще к азиатским владениям Англии, Франции, Германии.

Борьба только начинается. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904–1905 годах, было лишь авангардным боем. Для блага всей Европы надо, чтобы при новом напоре японцев или китайцев на Россию силы Европы были с ней, а не против нее. Для блага Европы надо, чтобы Индия защищалась не только англичанами, но и русскими. То же справедливо и относительно Индо-Китая и немецких владений и предприятий в Азии.

С единодушным признанием, что поддержание мира в Азии составляет вопрос общеевропейский, и все державы Европы готовятся объединить свои силы для защиты и развития положения, занятого ими ныне в Азии, "желтая опасность" может быть на продолжительное время устранена.

Предложение Америки взять под коллективную охрану Америки и Европы железные дороги в Маньчжурии составляет первый шаг к постановке на очередь вопроса о желтой опасности с приданием ему мирового значения.

Интересы американского населения так велики на тихоокеанском побережье и так противны интересам японцев и европейцев, что между Америкой, Японией и европейскими державами неминуема борьба огромной важности за рынки.

Представляется желательным, чтобы в XX веке народы европейского союза пришли к соглашению с союзом американских государств для удержания в европейских и американских руках господствующего положения на тихоокеанском побережье и для сохранения за европейскими державами пользования богатствами Америки, сырыми и обработанными.

В общем, это будет союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих. Деление на эти две группы будет близко отвечать и делению на две группы по религиозным верованиям. В одном лагере будут христиане, в другом язычники. По исчислению немецкого ученого г. Целлера, население всего земного шара составляет, в круглых цифрах, 1500 млн человек, в том числе христиан 500 млн, язычников 800 млн, магометан 200 млн. В числе язычников 300 млн последователей учения Конфуция, 200 млн браминистов, 120 млн буддистов. Евреев 10 млн человек. При будущем вероятном столкновении белой расы с желтой, роль магометан загадочна. По причинам религиозным и политическим, особенно если столкновение белой и желтой рас ознаменуется первоначально успехами желтолицых, магометане могут соединиться с язычниками, чтобы общими усилиями свергнуть иго белолицых христиан. Тогда на каждого христианина будет приходиться два врага не христианина.

В частности, для России важно, чтобы в случае нового нападения на нее на Дальнем Востоке она могла располагать для борьбы с желтой расой всеми своими вооруженными силами.

Отсюда и вытекает настоятельная необходимость прочного соглашения России с Австрией и Пруссией по делам Ближнего Востока. Только при таком соглашении Россия будет готова дать грозный отпор новому натиску на нее желтолицых.

Рассматривая вопрос будущих судеб Европы с указанной выше широкой точки зрения, видно, как опасно и несвоевременно ныне для европейских государств расходовать свои силы и средства на взаимные распри. Можно себе представить, какое ликование началось бы в Японии, Китае, многих африканских землях и даже в Америке, если бы, например, из-за формы, в которой была объявлена Австрией аннексия Боснии и Герцеговины, возгорелась европейская война между несколькими первоклассными европейскими державами. Такое же ликование начнется, если Англия и Германия вступят между собой в вооруженную борьбу.

Каждое ослабление сил той или другой из европейских держав только увеличивает для Европы опасность потерять в XX веке то мировое положение, которое она ныне занимает, увеличивает, в особенности, значение "желтой опасности".

Ежегодный прирост населения только четырех главнейших государств Европы, кроме России, составляет около 2,5 млн душ. Этот прирост находит занятие только при все увеличивающемся росте фабрично-заводской промышленности. Этим видом деятельности в главных европейских государствах занято более половины всего населения. Если Европа будет вытеснена с рынков других материков, то ее ожидает колоссальный кризис. Непрерывно растущая социал-революционная партия придаст этому кризису на почве закрытия фабрик, увольнения миллионов рабочих, на почве голодания страшную, всеразрушающую силу.

Европа может успешно бороться против разрушительных социальных учений нового времени, только возможно полно обеспечивая результаты труда своего населения. Это возможно только при господстве на рынках Азии и Африки. Только соединив свои силы, европейские государства могут в XX столетии удержать эти рынки за собой.

Соглашение всех европейских государств, в целях отстоять в XX веке господствующее положение на азиатском и африканском материках, прекратит возможность вооруженной борьбы между различными государствами, входящими в будущий европейский союз.

Вторым благотворным результатом создания европейского союза будет приостановка в вооружениях, а затем и сокращение расходов на военные надобности.

В настоящее время европеец, в целях не только культурных, но и военных, подчинил себе землю, воду, а теперь подчиняет и воздух. Для использования в целях войны всех сил природы расходуются все увеличивающиеся огромные средства. Европейский союз, достигнув ограничения вооружений в Азии со стороны Японии и Китая, получит возможность уменьшить и содержимые военные силы в Европе. [353]

Ныне каждое европейское государство содержит армию мирного состава примерно в 1 % населения. На каждых 100 жителей обоего пола содержится в мирное время 1 солдат. Возможно будет, путем общего соглашения, первоначально перейти к содержанию 1 солдата на 150 жителей, а затем и к содержанию 1 солдата лишь на 200 человек. При соответственном ограничении, тоже путем соглашения, морских сил можно будет достигнуть значительного сокращения в расходах всех государств Европы.

Эта экономия поможет извлечь из европейского союза еще один важный результат.

Употребив денежные средства, полученные от сокращения расходов на военные надобности, для поднятия благосостояния рабочих масс, придя к ним на помощь против всемогущего ныне капитала, государства Европы облегчат мирное разрешение острого социального вопроса, вызванного необеспеченным положением трудящихся классов, и дадут отпор разрушительным учениям, толкающим массы на насилие с целью полного ниспровержения существующего порядка.

Печатается по изданию: Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 1997.

С. 367-373

Религия германизма *

I

Мы представляем себе слишком упрощенно нашего врага, плохо знаем и понимаем его душу, его чувство жизни, его мирозерцание, его веру. А справедливо говорит А. Белый, что душа народа во время войны есть его тыл, от которого многое зависит (см. его статью "Современные немцы" в "Бирж. Вед."). У нас же обычно или совсем разделяют дух и материю германизма или ложно и упрощенно представляют себе их соединение. Для одних не существует никакой связи между старой Германией, - Германией великих мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов, - и новой Германией, - Германией материалистической, милитаристической, индустриалистической, империалистической. Связь между немцем - романтиком и мечтателем и немцем - насильником и завоевателем остается непонятой. Для других германский идеализм, в конце концов, и должен был на практике породить жажду мирового могущества и владычества, - от Канта идет прямая линия к Круппу. Вторая точка зрения делает изобличающую дедукцию, не покрывающую сложности жизни, и создает упрощенную полемическую схему, но в принципе она более правильная. Необходимо установить связь между германским духом и германской материей. Все материальное создается духовным, символизирует духовное и не может быть рассматриваемо, как самостоятельная реальность. Материализм есть лишь направление духа. То, что мы называем германским материализмом, - их техника и промышленность, их военная сила, их империалистическая жажда могущества - есть явления духа, германского духа. Это - воплощенная германская воля. Немцы менее всего материалисты, если под материализмом понимать принятие мира извне, как материального по объективно-реальному своему составу. Вся германская философия имеет идеалистическое направление и материализм мог быть в ней лишь случайным и незначительным явлением.

Немец - не догматик и не скептик, он критицист. Он начинает с того, что отвергает мир, не принимает извне, объективно данного ему бытия, как не критической реальности. Немец физически и метафизически - северянин, и ему извне, объективно мир не представляется освещенным солнечным светом, как людям юга, как народам романским. Первоощущение бытия для немца есть, прежде всего, первоощущение своей воли, своей мысли. Он - волюнтарист и идеалист. Он - музыкально одарен и пластически бездарен. Музыка есть еще дух субъективный, внутреннее состояние духа. Пластика есть уже дух объективный, воплощенный. Но в сфере объективного, воплощенного духа немцы оказались способными создавать лишь необычайную технику, промышленность, милитаристические орудия, а не красоту. Безвкусие немцев, которое поражает даже у величайших из них, даже у Гете, связано с перенесением центра тяжести жизни во внутреннее напряжение воли и мысли. Со стороны чувственности, как эстетической категории, немцы совсем не приемлемы и не переносимы. В жизни же чувства они могут быть лишь сантиментальными.

Настоящий, глубокий немец всегда хочет, отвергнув мир, как что-то догматически навязанное и критически не проверенное, воссоздать его из себя, из своего духа, из своей воли и чувства. Такое направление германского духа определилось еще в мистике Экхардта, оно есть у Лютера и в протестантизме, и с большой силой обнаруживается и обосновывается в великом германском идеализме, у Канта и Фихте, и по-другому у Гегеля и Гартмана. Ошибочно было бы назвать это направление германского духа феноменализмом. Это - своеобразный онтологизм, онтологизм резко волюнтаристической окраски. Германец по природе метафизик, и свои физические орудия создает он с метафизическим пафосом, он никогда не бывает наивно-реалистичен. И самый немецкий гносеологизм есть особого рода метафизика. Немец добился-таки того, что орудия мысленные, идеальные превратил в реальные орудия борьбы.

Фауст перешел от идеальных исканий, от магии, метафизики и поэзии к реальному земному делу. "Im Anfang war die Tat!" [В начале было дело! (нем.) - цитата из "Фауста" Гете. (Примечание составителя.)] В начале был волевой акт, акт немца, вызвавшей к бытию весь мир из глубины своего духа. Все рождается из тьмы, из хаоса бесформенных переживаний через акт воли, через акт мысли. И немец ничего не склонен принимать до совершенного им Tat'a. В нем нет никакого пассивно-женственного приятия мира, других народов, нет никаких братских и эротических чувств к космической иерархии живых существ. Все должно пройти через немецкую активность и организацию. Германец по природе своей не эротичен и не склонен к брачному соединению.

II

Германец ощущает хаос и тьму в изначальном, он очень чувствует иррациональное в мировой данности. Это раскрывалось в германской мистике. Но он не потерпит хаоса, тьмы и иррациональности после совершенного его волей и мыслью акта. Где коснулась бытия рука германца, там все должно быть рационализировано и организовано. Мир изначально предстает германцу темным и хаотическим, он ничего не принимает, ни к чему и ни к кому в мире не относится с братским чувством. Но после совершенного им Tat'a, после акта его мысли и его воли, все меняется, впервые является настоящий мир, мир рациональный и упорядоченный, в котором все поставлено на свое место, место, отведенное немецким духом. Обратной стороной этого исконно-германского в германской мистике и философии отраженного первоощущения иррационального, бессознательного, хаотического является требование, чтобы все было организовано, дисциплинировано, оформлено, рационализировано. Перед немецким сознанием стоит категорические императивы, чтобы все было приведено в порядок. Мировой беспорядок должен быть прекращен самим немцем, а немцу все и вся представляется беспорядком.

Мировой хаос должен быть упорядочен немцем, все в жизни должно быть им дисциплинировано изнутри. Отсюда рождаются непомерные притязания, которые переживаются немцем как долг, как формальный, категорический императив. Свои насилия над бытием немцы совершают с моральным пафосом. Немецкое сознание всегда нормативное. Немец не приобщается к тайнам бытия, он ставит перед собой задачу, долженствование. Он колет глаза всему миру своим чувством долга и своим умением его исполнять. Другие народы немец никогда не ощущает братски, как равные перед Богом, с принятием их в души, он всегда из ощущает, как беспорядок, хаос, тьму, и только самого себя ощущает немец, как единственный источник порядка, организованности и света, культуры для этих несчастных народов. Отсюда - органическое культуртрегерство немцев. В государстве и в философии порядок и организация могут идти лишь от немцев. Остальное человечество находится в состоянии смешения, не умеет отвести всему своего места.

Германец охотно признает, что в основе бытия лежит не разум, а бессознательное, Божественное безумие (пессимизм, Гартман, Древис). Но через германца это бессознательное приходит в сознание, безумное бытие упраздняется, и возникает бытие сознательное, бытие разумное. Для Гегеля в германской философии и на ее вершине, в философии самого Гегеля, Бог окончательно сознает себя. В этом с гегелевским оптимизмом очень сходится гартмановский пессимизм, для которого тоже процесс самосознания Божества происходит в германском духе. Тот же процесс совершается и у неокантианцев, хотя и по-иному выражается. И для них трансцендентальное, нормативное сознание упорядочивает и организует хаос мировой данности. И есть большие основания предполагать, что это трансцендентальное сознание есть немецкое сознание, что за ним стоит чисто немецкая воля. Обычно такое сознание называют имманентизмом. Но это, конечно, - не единственная возможная форма имманентизма. Это сознание очень подтянутое, всегда дисциплинированное и организованное изнутри, из собственной глубины, в которой заложена германская воля, сильная воля. Такое сознание импонирует, но эстетически не привлекает. И нужно сказать, что трагедия германизма есть, прежде всего, трагедия избыточной воли, слишком притязательной, слишком напряженной, ничего не признающей вне себя, слишком исключительно мужественной, трагедия внутренней безбрачности германского духа. Это - трагедия, противоположная

трагедии русской души. Германский народ - замечательный народ, могущественный народ, но народ, лишенный всякого обаяния.

III

Германский народ долгое время внутренне накапливал свою энергию, напрягал свою мысль и волю, чтобы потом явить миру манифестацию и материальной своей силы. Германец чувствует себя организатором изнутри, вносящим порядок и дисциплину в мировой хаос. Так в области мысли, в философии, так и в жизни практической, в государственности, в промышленности, в военной технике немец всегда вдохновлен категорическим императивом, и только одного себя почитает он способным выполнять долг. В категорический императив, в долг немец верит больше, чем в бытие, чем в Бога. На этом стоят Кант и Фихте и многие великие немцы. И это делает самые добродетели немецкие с трудом переносимыми. Нам, русским, особенно противен этот немецкий формалистический пафос, это желание все привести в порядок и устроить.

Германец, прежде всего, верит в свою волю, в свою мысль, им самим изнутри поставленный категорический императив, в свою организаторскую миссию в мире, духовную и материальную. Он также хорошо все организует в гносеологии и методологии, как и в технике и промышленности. И вот наступил момент, когда германский дух созрел и внутренне приготовился, когда германская мысль и воля должны направиться на внешний мир, на его организацию и упорядочивание, на весь мир, который германцу представлялся беспорядочным и хаотическим. Воля к власти над миром родилась на духовной почве, она явилась результатом немецкого восприятия мира, как беспорядочного, а самого немца, как носителя порядка и организации. Кант построил духовные казармы. Современные немцы предпочитают строить казармы материальные. Немецкая гносеология есть такая же муштровка, как и немецкий империализм. Немец чувствует себя свободным лишь в казарме. На вольном воздухе он ощущает давление хаотической необходимости. В понимании свободы мы никогда с немцами не сговоримся. Немец погрузился в материю, в материальную организацию и материальное властвование на почве своего спиритуализма. Из духа стал он материалистом, создал могущественный материальный мир, и дух его изошел в материю. Могущественная, угрожающая всему миру германская материя есть эманация германского духа, и дух германский истощился в этой эманации, умалился от этого напряжения вовне. В германском духе нет безграничности, - это в своем роде великий и глубокий дух, но ограниченный, отмеренный дух, в нем нет славянской безмерности и безграничности. Дух Достоевского - неистощим.

Величайшие явления германского духа, как Беме, Ангелиус Силезиус, Балдар или Гете, Гофман, Новалис, выходят за пределы той "германской идеи", которую я пытаюсь характеризовать...

В сложном отношении к "германской идее" стоит Ницше, который по духу своему и по крови не был чистым германцем. Германский дух, очень сильный дух, хочет в конце концов породить своеобразную германскую религию германизма, которая вступает в антагонизм с христианством. В этой религии нет Христова духа. Ныне Древис очень характерный выразитель этой религии германизма, а также Чемберлен. Р. Вагнер был ее пророком. Это - чисто арийская, антисемитическая религия, религия гладкого и пресного монизма, без безумной антиномичности, без апокалипсиса. В этой германской религии нет покаяния и нет жертвы. Германец менее всего способен к покаянию. И он может быть добродетельным, нравственным, совершенным, честным, но почти не может быть святым. Покаяние подменяется пессимизмом. Германская религия относит источник зла к бессознательному божеству, к изначальному хаосу, но никогда не к человеку, не к самому германцу. Германская религия есть чистейшее монофизитство, признание лишь одной и единой природы - божественной, а не двух природ - божественной и человеческой, как в христианской религии. Поэтому, как бы высоко, по видимости, эта германская религия не возносила человека, она, в конце концов, в глубочайшем смысле отрицает человека, как самобытное религиозное начало.

В таком чисто монистическом, монофизитском религиозном сознании не может быть пророчеств о новой жизни, новой мировой эпохе, о новой земле и новом небе, нет исканий нового града, столь характерных для славянства. Немецкая монистическая организация, немецкий порядок не допускают

апокалиптических переживаний, не терпят ощущений наступления конца старого мира, они закрепляют этот мир в плохой бесконечности. Апокалипсис германцы целиком предоставляют русскому хаосу, столь ими презираемому. Мы же презираем этот вечный немецкий порядок.

IV

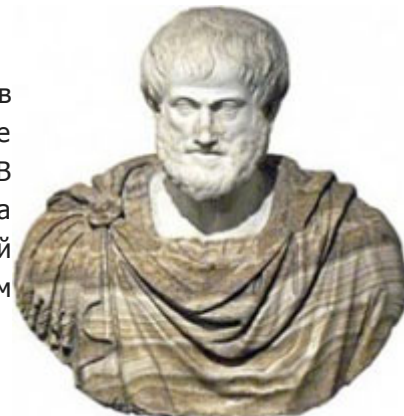
Мир германский и есть центральная Европа по преимуществу. Германские идеологи сознают германцев создателями и хранителями центральноевропейской культуры. Францию, Англию, Италию, Россию ощущают они окраинами Европы. Судьба германизма представляется судьбой Европы, победа германизма – победой европейской культуры. Религия германизма сознает германский народ той единственной чистой арийской расой, которая призвана утверждать европейскую духовную культуру не только усилиями духа, но также кровью и железом. Германизм хотел бы навеки закрепить мировое главенство центральной Европы, он стремится распространить свое влияние на Восток, в Турцию и Китай, но мешает настоящему выходу за пределы Европы и замкнутой европейской культуры. Повсюду германизм, одержимый идеей своей исключительной культурной миссии, несет свою замкнуто-европейскую и замкнуто-германскую культуру, ничем не обогащаясь, никого и ничего в мире не признавая... И эти притязания германско-европейского централизма являются великим препятствием на путях соединения Востока и Запада, т. е. решения основной задачи всемирной истории.

Этих исключительных притязаний германского духа не может вынести весь остальной мир. Германские идеологи даже расовую антропологическую теорию об исключительных преимуществах длинноголовых блондинов превратили в нечто вроде религиозного германского мессианизма. Вместо "арийцев" ввели в употребление термин "индо-германцы". Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организованно и дисциплинированно. Немецкая самоуверенность всегда педантическая и методологически обоснованная. Мы, русские, менее всего можем вынести господство притязаний религии германизма. Мы должны противопоставить ей свой дух, свою религию, свои чаяния. Это не мешает нам ценить великие явления германского духа, питаться ими, как и всем великим в мире. Но гордыне германской воли должна быть противопоставлена наша религиозная воля. Центральной германской Европе не может принадлежать мировое господство, ее идея - не мировая идея. В русском духе заключен больший христианский универсализм, большее признание всех и всего в мире.

* Опубликовано в июне 1916. Бердяев Николай. Судьба России (Сборник статей (1914 - 1917))

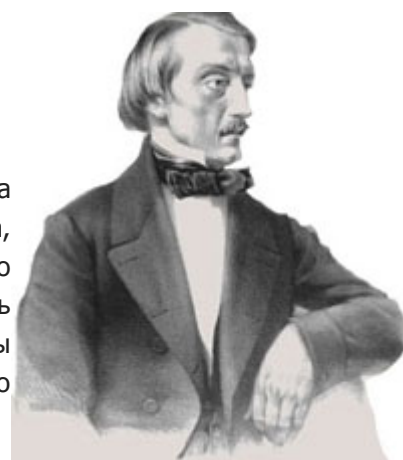
Аристотель (384-322 до н. э.)

Древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. Родился в Стагире. В 367 г. отправился в Афины и, став учеником Платона, в течение 20-ти лет был учеником платоновской академии. В 335 г. основал Ликей. В 343 г. был приглашен Филиппом (царем Македонии) воспитывать его сына Александра. Основоположник формальной логики. Создал понятийный аппарат, который до сих пор пронизывает философский лексикон и сам стиль научного мышления.

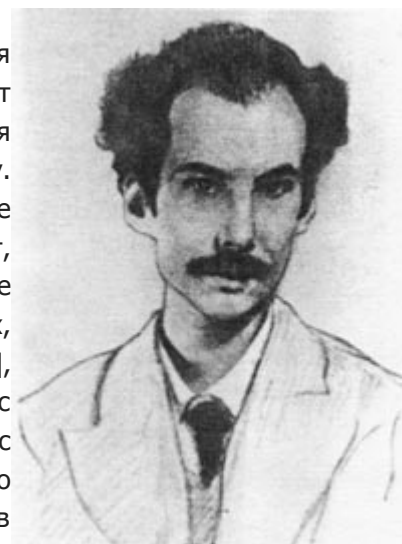
Белинский Виссарион Григорьевич (1811 год, крепость Свеаборг — 1848 год, Петербург)

Литературный критик. Сын священника. В 1829—1832 учился на словесном отделении философского факультета Московского университета, где вокруг Белинского сложился кружок ("Литературное общество 11-го номера"). Инициатор ряда студенческих протестов. Зарабатывал на жизнь переводами и репетиторством, с 1833 сотрудник журнала "Телескоп" и газеты "Молва" Н.И. Надеждина; постепенно стал ведущим критиком изданий, во время отъездов Надеждина — их фактическим редактором.

Белый Андрей [14/X 1880—] (Борис Николаевич Бугаев)

Писатель. Отец его, Николай Васильевич Бугаев — выдающийся ученый, профессор математики Московского университета. В 1891 Б. поступает в частную гимназию Поливанова, где в последних классах увлекается буддизмом, браманизмом, оккультизмом, одновременно изучая литературу. Особое влияние на Белого оказывают Достоевский, Ибсен, Ницше. К этому же приблизительно времени относится и его увлечение В.С. Соловьевым, Кант, Милль, Спенсер. В Московском университете [1899] выбирает естественное отделение математического факультета, работает по зоологии беспозвоночных, изучает, Дарвина, Ферворна, химию, Дарвина и Милля. Пишет стихи [1901], прозу, входит в кружок "Скорпиона", в 1903 кончает университет, сближается с московскими символистами, с Бальмонтом, с Брюсовым, позже [1905] — с Мережковским, Вяч. Ивановым, А.Блоком. В 1910–1911 Б. путешествует по Италии, Египту, Палестине, в 1912 сходится с главой антропософов Р.Штейнером, становится его учеником, фактически отходит от прежнего кружка писателей, работает над своими прозаическими вещами; в Россию возвращается в 1916. После Октября он в московском Пролеткульте ведет занятия по теории поэзии и прозы среди молодых пролетарских писателей. В 1921 уезжает за границу, в Берлин, где живет около двух лет, сотрудничая между прочим в Горьковском журнале "Беседа"; затем возвращается вновь в Москву. Как поэт написал ряд книг: "Золото в лазури" [1904], "Пепел" [1909], "Урна" [1909], "Христос воскрес" [1918], "Королева и

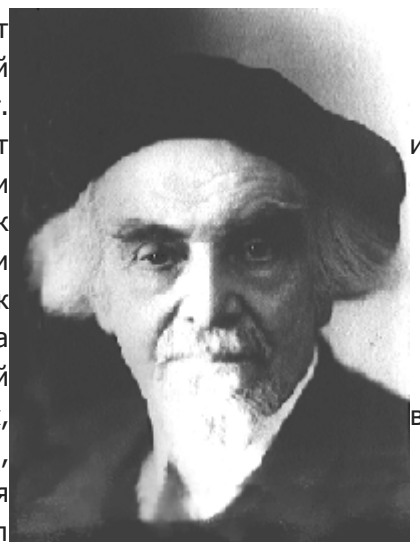

рыцари" [1919], "Первое свидание" [1921], "Звезда" [1922], "После разлуки" [1922]. Начало художественной прозы относят к его "Симфониям" [1902], которые являются как бы переходом от стихов к прозе. Далее следуют: "Кубок метелей" [1908], двухтомный роман "Серебряный голубь" [1910], роман "Петербург" [1913–1916]. Главнейшей его теоретической работой является книга "Символизм"; должны быть также отмечены его статьи "На перевале", "Поэзия слова", "Революция и культура" и т.д.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948)

Русский философ. В 1894 г. поступил в Киевский университет на естественный факультет, через год перешел на юридический факультет. В 1898 г. был арестован и исключен из университета. В 1900 г. был на три года административно сослан в Вологодскую губернию. Аресты и ссылки были вызваны участием в социалистическом движении и пропаганде марксизма (первоначально Б. принадлежал к числу так называемых "легальных марксистов"). В 1901 г. с публикацией статьи "Борьба за идеализм" Б. перешел от позитивизма и марксизма к метафизическому идеализму. В 1900 г. вышла первая книга "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском" (1900), за которым последовало много других, том числе "Новое религиозное сознание и общественность" (1907), "Философия свободы" (1911), "Смысл творчества. Опыт оправдания человека" (1916), "Судьба России" (1918) и др. После Октября 1917 г. был избран профессором Московского университета, основал Вольную академию духовной культуры. В 1922 г. выслан из России. Сперва поселился в Берлине, где создал Религиозно-философскую академию, а в 1926 г. переехал в Париж. Там он работал в ИМКА (христианском союзе молодежи) и в 1926—1939 гг. редактировал религиозно-философский журнал "Путь". Скончался Б. в Кламаре под Парижем 23 марта 1948 г. Незадолго до смерти Б. стал в 1947 г. почетным доктором философии Кембриджского университета и был одним из кандидатов на получение Нобелевской премии по литературе 1948 г. В изгнании выпустил целый ряд книг, главные из которых "Миросозерцание Достоевского" (1923), "Философия неравенства" (1923), "Смысл истории" (1923), "Новое средневековье" (1924), "Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства" (1927), "О назначении человека: Опыт парадоксальной этики" (1931), "Русская идея" (1946), а также философская автобиография "Самопознание" (1949).

Блок Александр Александрович [1880—1921]

Поэт, один из самых выдающихся представителей русского символизма. Блок поступил на юридический факультет Петербургского университета; с третьего курса перешел на историко-филологический факультет, и окончил в 1906 г. В гимназии и в первые годы университета увлекался театром, "готовился в актеры". Впервые стихи были напечатаны в 1903, в петербургском журнале Мережковских "Новый путь" и одновременно в Москве, в альманахе "Северные цветы", изд-ва "Скорпион". В том же 1903 Б. женился на дочери знаменитого химика Менделеева, — Л. Д. Менделеевой. К этому же времени относится личное знакомство и тесное сближение Блока с Андреем Белым, с Мережковскими, знакомство с Брюсовым и московскими символистами. В конце 1904 в издательстве "Гриф" вышел первый сборник стихов Б. — "Стихи о Прекрасной

Даме". Сборник были восторженно встречены в кружках "соловьевцев" и "аргонавтов"; но широкую популярность принесла вторая книга стихов — "Нечаянная радость" [1907], в особенности лирическая драма "Балаганчик". К этому времени Б. становится литератором-профессионалом: сотрудничает в ряде журналов, печатает стихи, статьи, рецензии, выпускает сборник за сборником своих новых произведений. Помимо поездок в Германию, предпринял три заграничных путешествия — в Италию, Бретань и на юг Франции. В результате этих путешествий возникли последовательно "Итальянские стихи" [1909], драма "Роза и крест" [1912] и поэма "Соловьиный сад" [1915]. Высшего подъема революционная настроенность поэта достигла в январе 1918, когда им была написана знаменитая, переведенная на многие яз., поэма "Двенадцать", стихотворение "Скифы" и статья "Интеллигенция и революция", в которой Блок призывал "всем телом, всем сердцем, всем сознанием" слушать "великую музыку будущего", "величавый рев и звон мирового оркестра" — "слушать Революцию". Одним из первых среди писателей Б. начинает работать в советских учреждениях: председательствует в репертуарной секции ТЕО, состоит членом редакционной коллегии изд-ва "Всемирная литература" (редактирует сочинения Гейне). С 1919 работает в качестве председателя режиссерского управления Большого драматического театра. В 1919 принимает близкое участие в организации "Вольной философской ассоциации" (Вольфила), в 1920 — в организации Петр. отдела Всеросс. союза поэтов, председателем которого одно время состоит. Работает в правлении Союза писателей.

Булгаков Сергей Николаевич, о. Сергей (1871—1944)

Философ, экономист, публицист, общественный деятель и богослов. Б. родился 16/28 июля 1871 г. в г. Ливны Орловской губернии в семье священника. Учился в Орловской духовной семинарии до 1887 г., затем в Елецкой гимназии, а с 1890 г. — на юридическом факультете Московского университета, который окончил в 1894 г. и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1896 г. опубликовал первую книгу "О рынках при капиталистическом производстве", написанную с марксистских позиций. В 1898 г. получил двухлетнюю научную командировку в Берлин. В 1900 г. защитил опубликованную тогда же магистерскую диссертацию "Капитализм и земледелие".

В 1901 г. был избран экстраординарным профессором Киевского политехнического института, где преподавал политэкономии. В 1903 г. участвует в основании марксистского "Союза освобождения". С 1904 г. Б. вместе с Бердяевым редактирует петербургский журнал "Новый путь", в 1905 г. возвращается к церкви. В 1906 г. Булгаков явился одним из основателей Союза Христианской политики, а в 1907 г. был избран в Государственную Думу от Орловской губернии как беспартийный "христианский социалист". В 1909 г. участвовал в сборнике "Вехи", авторы которого призывали интеллигенцию обратиться от революции к религии. В 1911 г. вышел сборник статей Булгакова "Два града". В 1912 г. защитил как докторскую диссертацию свою книгу "Философия хозяйства". В 1917 г. вышла наиболее значительная философская работа — "Свет невечерний", вторая часть "Философии хозяйства", по словам Булгакова — "род духовной автобиографии или исповеди", а в 1918 г. — сборник статей "Тихие думы". В 1918 г. принял сан священника. В 1918 г. Б. в Киеве опубликовал отдельным изданием статью "На пиру богов (Pro и Contra). Современные диалоги", предназначенную для продолжающего линию "Вех" сборника "Из глубины" (вышел в 1921 г., но почти весь тираж был конфискован). С 1919 г. - профессор Симферопольского университета, где преподавал политэкономии и богословие. Выслан среди прочих интеллигентов за границу. Отплыл из Севастополя в Константинополь, куда прибыл в 1923 г., отуда переехал в Прагу, а в 1925 г. поселился в Париже, где стал профессором богословия и деканом Православного богословского института. В изгнании писал и публиковал почти исключительно богословские работы: "Купина неопалимая" (1927), "Лестница Иаковля" (1929), "Св. Петр и Иоанн" (1926), "Друг Жениха" (1927) "Агнец Божий" (1933), "Невеста Агнца" (1945),

“Утешитель” (1936) и др. В этот же период были созданы религиозно-философские сочинения “Трагедия философии” (1927) и “Философия имени” (1953).

**Вересаев (псевдоним; настоящая фамилия Смидович)
Викентий Викентьевич
[4(16).1.1867, Тула, — 3.6.1945, Москва]**

Писатель. В 1888 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1894 — медицинский факультет Дерптского университета. Выступил в печати в 1885 со стихами. Первый рассказ “Загадка” опубликован в 1887. В 90-х гг. примыкал к группе “легальных марксистов”, печатался в журнале “Новое слово”, “Начало”, “Жизнь” и др. В этот период создал цикл произведений об умонастроении интеллигенции на рубеже 19—20 вв.: повесть “Без дороги” (1895), рассказ “Поветрие” (1898), повесть “На повороте” (1902). Основанные на автобиографическом материале “Записки врача” (1901) посвящены сложным нравственным, социальным и профессиональным проблемам, возникающим перед молодым врачом-гражданином. В. участвовал в русско-японской войне 1904—05 в качестве врача. В “Рассказах о войне” (1906) и записках “На войне” (1907—08) он показал будни армии.

**Вольтер (Voltaire) (псевдоним; настоящие имя и фамилия Мари Франсуа Аруэ (Arouet))
(21.11.1694, Париж, — 30.5.1778, там же)**

Французский писатель, философ, историк. Член французской академии (1746). Сын нотариуса; окончил иезуитский коллеж. В 1717 заточён в Бастилию за эпиграммы против регента. В 1726 выслан в Англию. Английские впечатления В. отражены в “Философских письмах” (1733), в которых он показал, что общественный строй Англии превосходит французский, где господствует абсолютизм; это сочинение было осуждено французским парламентом на сожжение (1734). В 1745 В. был приближен ко двору Людовика XV, в 1750—1753 — прусского короля Фридриха II. В 1754 поселился близ Женевы, с 1758 обосновался в своём имении Ферне на границе Франции и Швейцарии. К дружбе с Вольтером стремились европейские монархи; Екатерина II, Фридрих II, Густав III и другие.

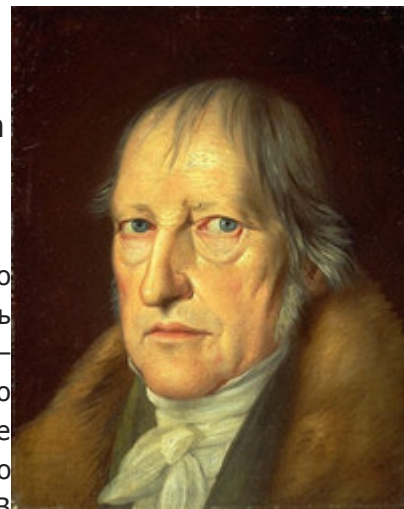

Гавриил, арх. (Василий Николаевич Воскресенский)

(1795, Москва — 10(22).05.1868, Муром)

Богослов, историк философии. Учился сначала в Вифанской семинарии, затем в Московской духовной академии (окончил курс в 1820), был оставлен бакалавром по кафедре философии. В 1821 г. пострижен в монахи и назначен библиотекарем Академии. В 1824 г. переведен в С.-Петербургскую духовную академию бакалавром по кафедре философии. С 1835 по 1850 г. был профессором Казанского университета, сначала по кафедре церковного права, а затем по кафедре философии (до 1850 г.). В 1839—1840 годах в Казани арх. Гавриил опубликовал 6-томную “Историю философии”, шестая часть которой была посвящена “Русской философии”. Это было первое систематическое и концептуальное изложение историко-философского процесса в России. Автор “Русской философии” исходил из того, что каждый народ имеет свой особенный характер и свою философию, “более или менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии” (Ч. VI, С. 3). Настоящий

россиянин по арх. Г. "богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству", а в "любомудрии" отличительным характером его мышления является "рационализм, соображаемый с опытом" (Ч.VI, С.5). Истоки русской философии арх. Г. находит в 12-ом в., а решающее влияние на ход историко-философского процесса долгое время оказывало российское духовенство.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich) 1770–1831

Немецкий философ, родился в Штутгарте (герцогство Вюртемберг) 27 августа 1770. Окончив гимназию в родном городе, Гегель учился на богословском отделении Тюбингенского университета в 1788–1793, прослушал курсы по философии и теологии и защитил магистерскую диссертацию. Изучая в университете философию, он обратил особое внимание на работы Иммануила Канта, которые широко обсуждались в то время, а также на поэтические и эстетические произведения Ф.Шиллера. В 1793–1796 Гегель служил в качестве домашнего учителя в швейцарской семье в Берне, а в 1797–1800 – во Франкфурте-на-Майне. Все эти годы он занимался изучением теологии и политической мысли и в 1800 сделал первый набросок будущей философской системы ("Фрагмент системы"). В 1801–1805 Гегель – приват-доцент, а в 1805–1807 экстраординарный профессор. Вместе с Шеллингом, преподававшим в том же университете, он издавал "Критический журнал философии" ("Kritisches Journal der Philosophie"), в котором они были не только редакторами, но и авторами. В тот же период Гегель подготовил первую из своих главных работ, Феноменологию духа (Phänomenologie des Geistes, 1807). В этом труде Гегель дает первый очерк своей философской системы. В нем представлено поступательное шествие сознания от непосредственной чувственной достоверности ощущения через восприятие к познанию разумной действительности, которое единственно и приводит нас к абсолютному знанию. В этом смысле реальным является только разум. В 1808 он получил место ректора классической гимназии в Нюрнберге. В гимназии он преподавал философию права, этику, логику, феноменологию духа и обзорный курс философских наук; ему также приходилось вести уроки литературы, греческого, латинского, математики и истории религии. В Нюрнберге вышла первая часть гегелевской системы – Наука логики (Die Wissenschaft der Logik, 1812–1816). В 1816 Гегель возобновил университетскую карьеру в Гейдельбергском университете, где преподавал в течение четырех семестров; из прочитанных лекций был составлен учебник Энциклопедия философских наук (Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, первое издание 1817). В 1818 Гегель был приглашен в Берлинский университет на место, которое когда-то занимал И.Г. Фихте. Последней опубликованной работой Гегеля была Философия права (Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse), вышедшая в свет в Берлине в 1820 (на титуле – 1821).

Герцен Александр Иванович (псевдоним — Искандер) 25.3(6.4).1812, Москва, — 9(21).1.1870, Париж

Русский революционер, писатель, философ и публицист. Родился в семье богатого помещика И.А. Яковлева; мать — немка Луиза Гааг. Брак родителей не был оформлен, и Г. носил фамилию, придуманную отцом (от нем. Herz — сердце). В 1833 Г. окончил физико-математическое отделение Московского университета.

В университете вокруг Герцена и его друга Огарева сложился кружок революционного направления. В июле 1834 г. вместе с некоторыми другими участниками кружка Г. был арестован. В апреле 1835 г. выслан в

Пермь, оттуда в Вятку, где служил в губернской канцелярии. В конце 1837 г. ему разрешили переехать во Владимир. В мае 1838 женился на Н. А. Захарьиной. Вернувшись из ссылки (1842) и поселился в Москве. В основном философском сочинении "Письма об изучении природы" (1844—1845) развивает идею единства противоположностей. Основной тезис этого произведения — настоятельная необходимость ликвидации антагонизма, существующего между естествознанием и философией или, как пишет Герцен, между "эмпирией" и "идеализмом". В 1847 Герцен уехал за границу. Поражение революции 1848 г. во Франции привело его к пересмотру некоторых основных положений философской концепции 40-х гг. отказывается от идей разумности истории, неодолимости прогресса человечества, которые прежде разделял, резко критикует разного рода социальные утопии и романтические иллюзии. В последующие годы разработал теорию "русского социализма". В основу теории легли идеи социалистического переустройства общества на основе крестьянской общины, минуя этап капиталистического развития. Последние годы жил в разных городах Европы (Женева, Канн, Ницца, Флоренция, Лозанна, Брюссель и др.). Умер в Париже, похоронен на кладбище Пер-Лашез, впоследствии прах был перевезён в Ниццу.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885)

Русский ученый-естествоиспытатель, мыслитель, публицист. Родился 28 ноября (10 декабря) 1822 в с. Оберец Ливенского уезда Орловской губернии. Окончил в 1842 Царскосельский лицей, а затем естественный факультет Петербургского университета. В 1849 получил степень магистра ботаники. Увлечение социалистическими идеями Фурье привело к аресту (в связи с делом петрашевцев). Данилевский провел сто дней в Петропавловской крепости. После того как его невиновность была доказана, был освобожден. В дальнейшем он критически относился к различным вариантам российской леворадикальной идеологии. "Все различие между нашим нигилизмом и нигилизмом заграничным, западным, – писал Данилевский в статье "Происхождение нашего нигилизма", – заключается единственно в том, что там он самобытен, а у нас подражателен, и потому тот имеет некоторое оправдание будучи одним из неизбежных результатов исторической жизни Европы, а наш висит в воздухе и... есть явление смешное, карикатурное". В последние годы жизни Данилевский работал над трудом "Дарвинизм", где критиковал дарвинизм как теорию, "упрощающую проблему видового многообразия жизненных форм". Самое известное сочинение Данилевского – "Россия и Европа". В этой работе Данилевский подвергнул критике европоцентризм, доминировавший в историографии XIX в., общепринятую схему деления мировой истории на Древность, Средние века и Новое время. "Главное, – писал Данилевский, – должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития". Понятие "культурно-исторических типов" – центральное в учении Данилевского. Согласно его собственному определению, самобытный культурно-исторический тип образует всякое племя или семейство народов, характеризуемых отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и уже вышло из состояния младенчества. Данилевский выделял в качестве основных культурно-исторических типов, уже реализовавших себя в истории, египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, арабийский и германо-романский (европейский) типы. Уже в ближайшем будущем, считал Данилевский, огромную роль в истории предстоит играть новой культурно-исторической общности – России и славянскому миру.

Дидро (Diderot) Дени **5.10.1713, Лангр, — 31.7.1784, Париж**

Французский писатель, философ-просветитель. Сын ремесленника. В 1732 получил звание магистра искусств. Ранние философские сочинения ("Философские мысли", 1746, сожжённые по решению французского парламента, "Аллеи, или Прогулка скептика", 1747, изд. 1830). Философское сочинение "Письмо о слепых в назидание зрячим" (1749), последовательно материалистическое и атеистическое, было причиной ареста Дидро. По выходе из тюрьмы Д. стал редактором и организатором "Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел" (1751—80). Несмотря на преследования, Дидро. довёл издание Энциклопедии до конца. В 1773—74 Д. по приглашению Екатерины II приехал в Россию. В своих философских сочинениях (важнейшие из них: "Мысли об объяснении природы", 1754; "Разговор д'Аламбера с Дидро", "Сон д'Аламбера", оба 1769, опубл. 1830; "Философские принципы материи и движения", 1770, опубл. 1798; "Элементы физиологии", 1774—80, опубл. 1875) отстаивал материалистические идеи, рассматривая всё сущее как различные формообразования единой несотворённой материи.

Екатерина II Великая **1729—1796**

Российская императрица, урожденная София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. В 1744 году была обручена и годом позже обвенчана с наследником престола Петром Федоровичем, племянником русской императрицы Елизаветы Петровны. В 1762 году группа заговорщиков во главе с любовником Екатерины графом Г.Г.Орловым воспользовалась отсутствием при Дворе Петра и выпустила от имени гвардейских полков манифест, по которому Петр III лишился трона, а императрицей провозглашалась Екатерина. Екатерина сделала Россию великой державой. В царствование этой императрицы в стране были разрешены частные типографии, основана в 1783 году Академия Российской словесности, открыт первый книжный магазин, организована медицинская служба для населения.

Кант (Kant) Иммануил **22.4.1724, Кенигсберг, ныне Калининград,— 12.2. 1804, там же**

Родоначальник немецкой классической философии. По окончании Кёнигсбергского университета был домашним учителем (1747—54), затем преподавал в университете (1755—96, с 1770 проф.). Член Берлинской и Сиенской Академии Наук; почетный член Петербургской Академии наук (с 1794). Творчество К. подразделяется на "докритический" (до 1770) и "критический" периоды. Первый характеризуется интересом к вопросам философии естествознания, к которым он подходил с деистических позиций. В работе "Всеобщая естественная история и теория неба" (1755) выдвинул космогоническую гипотезу о естественном происхождении солнечной системы, вплотную подошёл к идее неразрывности материи и движения. Основные работы "критического" периода — "Критика чистого разума" (1781), "Критика практического разума" (1788), "Критика способности суждения" (1790), "Религия в

пределах только разума" (1793). Отметив неспособность прежней методологии объяснить природу всеобщих и необходимых истин, К. пришёл к выводу, что знание представляет собой синтез материи опыта и априорных форм мышления, носителем которых является сам субъект. Этическому учению К. присущ некоторый формализм. К. утверждал автономию человеческой воли и абсолютные нормы, коренящиеся в субъекте нравственного самосознания. Согласно основному моральному закону ("категорич. императиву") К., человек должен руководствоваться принципами, способными быть основой всеобщего законодательства, и никогда не относиться к другому человеку лишь как средству достижения своих целей. По существу, К. перевёл в план нравственного сознания требование всеобщего правового равенства и поставил вопрос о личности как высшей ценности.

Киреевский Иван Васильевич 1806–1856

Русский философ, литературный критик. Родился в Москве 22 марта (3 апреля) 1806 в дворянской семье. С 1824 служил в архиве министерства иностранных дел. В 1823 стал членом "Общества любителей". Для завершения образования в 1830 уехал за границу. В Германии слушал лекции Гегеля, Шеллинга, Шлейермахера. Вернувшись в Россию, начал издавать журнал "Европеец" (1832), вскоре запрещенный. В 1845 редактировал журнал "Москвитянин". Киреевский ориентировался на православный теизм, и будущая "новая" философия виделась ему в формах православного, "истинного" осуществления принципа гармонии веры и разума, в корне отличного от его католической, томистской модификации. В то же время Киреевский отнюдь не считал бессмысленным опыт европейского философского рационализма: "Все ложные выводы рационального мышления зависят только от его притязания на высшее и полное познание истины". Как и Хомяков в учении о соборности, Киреевский связывал рождение нового мышления не с построением систем, а с общим поворотом в общественном сознании, "воспитанием общества".

Лао-Цзы

Древнекитайский философ, которому приписывается авторство классического философского трактата "Дао дэ цзин", определяется как основоположник даосизма. Согласно сведениям, сообщаемым Сыма Цянем (2 в. до н.э.) в "Ши цзи", Л.-ц. (Ли Эр, Лао Дань, Ли Боян, Лао Лай-цзы?) жил в 6(-5?) в. до н.э. в царстве Чу. Служил хранителем библиотеки царства Чжоу, где встречался с Конфуцием. Разочаровавшись в возможности осуществления своего учения в Китае, Л.-ц. предпринял путешествие на запад. На пограничной заставе по просьбе ее начальника Инь Си (Гуань Инь-цзы) Л.-ц. написал "Дао дэ цзин", в котором изложил свое учение.

Леонтьев Константин Николаевич 1831 — 1891

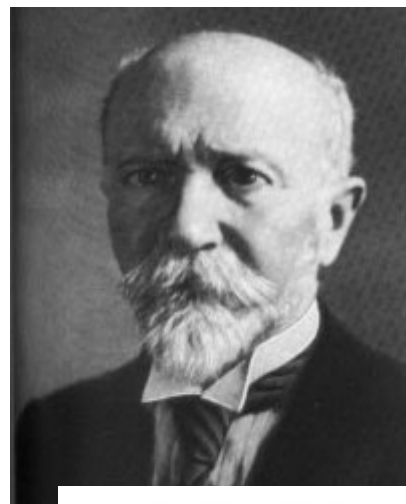

Публицист, писатель, сторонник консервативных взглядов. Учился медицине в Московском университете; был военным врачом, потом сельским врачом в Нижегородской губернии. Десять лет (1863 — 1873) прожил в Турции, занимая консульские должности на острове Крите, в Адрианополе, Тульче, Янине, Зице и Салониках. Выйдя в отставку, провел более года на Афоне, затем жил большую часть в своей деревне. В 1880 г. был помощником редактора “Варшавского Дневника”, потом цензором в Москве. В 1887 г. опять вышел в отставку, поселился в Оптиной пустыни и через 4 года, приняв тайное пострижение с именем Климента, переехал в Сергиев Посад, где и умер. Леонтьев называл себя принципиальным или идейным консерватором. Достойными охранения он считал: 1) реально-мистическое, строго-церковное и монашеское христианство византийского и отчасти римского типа, 2) крепкую, сосредоточенную монархическую государственность и 3) красоту жизни в самобытных национальных формах. Все это нужно охранять от уравнительного буржуазного прогресса, торжествующего в новейшей европейской истории. Вражда к этому прогрессу составляла лейтмотив в работах Леонтьева. Он выработал особую теорию развития. По Леонтьеву, человечество в целом и в частях проходит через три последовательные состояния: первоначальной простоты (подобно организму в зачаточном и младенческом периоде), затем положительного расчленения (подобно развитому, цветущему возрасту организма) и, наконец, смесительного упрощения и уравнивания или вторичной простоты (дряхлость, умирание и разложение организма). Современное “разложение” Европы он считает простым следствием общего естественного закона. Главные черты его культурно-политического идеала, как он сам резюмировал; “государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее — одно уравновесить другое; наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе”.

Лосский Николай Онуфриевич 1870—1965

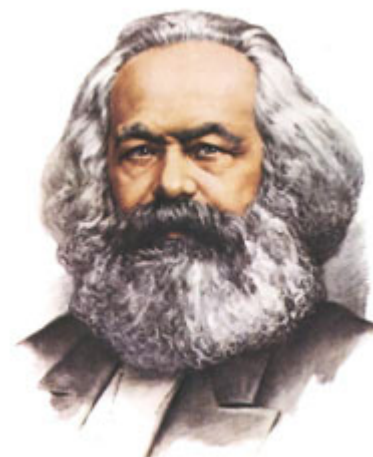
Философ, создатель интуитивизма.

Родился 6 декабря (старый стиль) 1870 года в деревне Креславка Двинского уезда Витебской губернии в семье лесничего. С 1881 г. обучался в классической гимназии, в которой учился до 1887 г., будучи исключен из 7-го класса “за пропаганду социализма и атеизма”. После исключения из гимназии нелегально выехал за границу. Жил в Цюрихе и Берне. Вступил в Иностраннный легион и непродолжительное время служил в Алжире. В 1889 году вернулся в Россию. Добился права закончить гимназию, после чего в 1891 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, который закончил в 1896 году. С 1922 года в эмиграции в Чехословакии. После второй мировой войны переехал в США (гражданин США с 1952 года).

Маркс Карл 1818—1883

Немецкий социальный мыслитель, разработывавший широкий круг проблем политической экономии, философии, социологии. Изучал право в Боннском и Берлинском ун-тах, но больший интерес вызывали у него философия и история. Маркс-ученый в первую очередь — экономист (“Капитал”, 1867. Т. 1), социолог, историк. Существенным было влияние на

него Л. Фейербаха. Религию Маркс рассматривал как социальное явление, т.е. явление, укорененное в определенных социальных условиях, которые характеризуются частной собственностью, эксплуатацией человека человеком, социальными антагонизмами. Методологической основой марксовской концепции религии является материалистическое понимание истории. Ранние работы Маркса ("Экономическо-философские рукописи 1844 г.", "К критике гегелевской философии права" и др.) посвящены феномену отчуждения — понятию, которое Маркс почерпнул из работ Гегеля и Фейербаха, но в которое он вложил новое содержание. После "Тезисов о Фейербахе (1845)", содержащих анализ Фейербаховой критики религии и концепции человека, понятие отчуждения ставится в новый контекст: после того как разоблачено отчуждение в его "священных образах", встает самая трудная и важная задача разоблачения отчуждения в его "несвященных" мирских образах. Критика неба становится критикой земли, критика теологии — критикой политики. Не опровержение "религиозных иллюзий", а изменение тех социальных условий, которые создают в них потребность, — так определяется смысл критики религии. В работах "зрелого" Маркса религия рассматривается как надстройка над экономическим базисом, наряду с политикой, философией, искусством и т.д.: экономический базис общества определяет политические и духовные процессы. Надстроечные явления получают объяснение на основе раскрытия их функций и их роли в экономических отношениях.

Надеждин Николай Иванович (псевдоним Никодим Недоумко с Патриарших прудов) 1804—1856

Русский литературный критик 30-х гг. прошлого столетия, профессор словесных наук Московского университета. Родился в семье сельского дьякона, учился в рязанском духовном училище и Московской академии, по окончании которой преподавал богословие в рязанской семинарии. Начало литературной деятельности относится к 1828, когда он выступил в "Вестнике Европы" Каченовского (№№ 21 и 22) со статьей "Литературные опасения за будущий год". После ряда критических работ написал диссертацию на латинском яз., получил после ее защиты степень доктора словесных наук и был назначен в Московский университет [1831] профессором по кафедре изящных искусств и археологии. Одновременно организовал журнал "Телескоп" и его приложение "Молву". Литературно-критическая деятельность Надеждина продолжалась до 1836, когда за помещение "Философических писем" П. Я. Чаадаева "Телескоп" был закрыт и Н. сослан в Усть-Сысольск. По возвращении из ссылки в 1838 занимался этнографическими и историческими исследованиями, в частности историей религии; с 1842 редактировал "Журнал Министерства внутренних дел".

Одоевский Владимир Федорович 1803—1869

Князь, русский писатель, журналист, издатель, музыковед. Родился 30 июля (11 августа) 1803 (по другим сведениям, 1804) в Москве. В 1822 Одоевский с отличием окончил Московский университетский благородный пансион. В студенческие годы на него оказали влияние профессора Московского университета философы-шеллингианцы И.И. Давыдов и М.Г. Павлов. С 1826 Одоевский служил в цензурном комитете

министерства внутренних дел, был составителем нового цензурного устава 1828 года. С 1846 – помощник директора Императорской публичной библиотеки и заведующий Румянцевским музеем. С 1861 – сенатор. Первым выступлением Одоевского в печати были переводы с немецкого, опубликованные в “Вестнике Европы” в 1821. В начале 1820-х годов Одоевский бывал на заседаниях “Вольного общества любителей российской словесности”, вошел в кружок “Общества любомудрия”, став его председателем. В 1824–1825 Одоевский с Кюхельбекером издают альманах “Мнемозина” (опубликовано 4 кн.), где печатаются, кроме самих издателей, А.С. Пушкин, Грибоедов, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков. Его главный опыт в области художественной словесности – философский роман “Русские ночи”, заверченный к 1843 и изданный в 1844 в составе трех томов “Сочинений князя В.Ф. Одоевского”.

Полежаев Александр Иванович **1804 или 1805—1838**

Русский поэт. Окончил Московский университет (1826). В 1825 г. на материале студенческого быта написал в традициях бурлеска поэму “Сашка”. По приказу Николая I был определен в армию; в 1829—33 гг. служил рядовым на Кавказе. В 1833 г. он вернулся с полком в Россию, служил в Москве; в 1837 за дисциплинарный проступок был наказан розгами; умер в госпитале от туберкулеза.

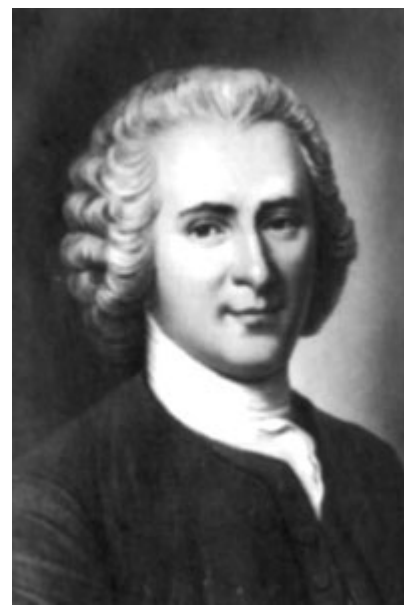
Розанов Василий Васильевич **1856—1919**

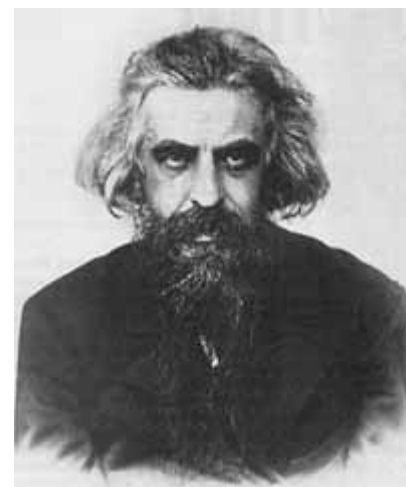
Русский мыслитель, прозаик, публицист, литературный критик. Родился 20 апреля (2 мая) 1856 в Ветлуге Костромской губ. в семье лесничего. Рано осиротел, детство прошло в нищете. Окончил гимназию в Нижнем Новгороде и поступил на филологический факультет Московского университета, который окончил в 1880. До 1893 был учителем истории и географии в гимназиях Брянска, Ельца и г. Белого (Смоленской губ.). В 1890 один из ведущих авторов журнала “Русское обозрение”. Он регулярно публиковался в “Русском вестнике”, “Вопросах философии и психологии”, “Биржевых ведомостях”, “Московских ведомостях” и особенно в газете А.С. Суворина “Новое время” – штатным сотрудником этого издания Розанов стал в 1898. Главным и наиболее известным его сочинением стала опубликованная в 1891 в “Русском вестнике” “Легенда о Великом Инквизиторе” Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария”. Попытку обобщения религиозной проблематики представляют книги “Темный Лик” (1911) и “Люди лунного света” (1912), где выявляется и оценивается “метафизика христианства” и

доказывается несостоятельность христианской религии с точки зрения обустройства обыденной жизни. Нет ни одной сферы жизни, которая не была бы охвачена вниманием Розанова. Умер Розанов в Сергиевом Посаде 23 января (5 февраля) 1919, в беспросветной нищете, изнуренный голодом и болезнями, пытаясь превозмочь отчаяние и обрести утешение в христианской вере.

Руссо Жан Жак (Rousseau) **28.6.1712, Женева, — 2.7.1778, Эрменонвиль, близ Парижа**

Французский философ-просветитель, писатель. Сын часовщика, рано начал самостоятельную жизнь, странствовал по Швейцарии и Франции, перепробовал немало ремёсел. В нач. 1740-х гг. поселился в Париже, сблизился с Дидро, Вольтером, Д'Аламбером. По просьбе Дидро Р. написал для "Энциклопедии" статьи о музыке и политэкономии. Первые же литературные опыты принесли Р. читательскую известность. Отвергавший покровительство вельмож, преследуемый за вольнодумство, Руссо в 1762 покинул Францию, много лет прожил изгнанником в Англии, незадолго до смерти вернулся во Францию. Первой стадией истории человечества, по Р., было "состояние естественное", когда люди жили разобщённо, но в согласии с велениями природы. Они не ведали частной собственности, неравенства, угнетения и пороков. Поступившись "естественным" образом жизни, люди приобрели алчность, честолюбие и др. нездоровые страсти. Чем выше уровень "цивилизации", тем дальше отстоит нация от счастливого "природного состояния". Уничтожив несправедливые законы, установив равноправие, уравнив владение собственностью, отказавшись от роскоши, мануфактур и искусств, покинув города и поселившись в деревнях, люди могли бы воссоздать подобие "естественных" порядков. Изменить обществ, уклад может революционное насилие либо просвещение и надлежащее воспитание человечества.

Соловьев Владимир Сергеевич **16(28).01.1853-31.07(13.08). 1900**

Философ, поэт, мыслитель, публицист. Среднее образование Соловьев получил в московской 5-й гимназии, в которую поступил в 1864 г., а высшее образование — в Московском университете, в который поступил в 1869 г. и окончил в 1873 г. Не без влияния материализма Соловьев поступил сначала на физико-математический факультет, где преподавались не только математика и физика, но и все естественные науки. Затем перешел на историко-филологический факультет того же университета. В июне 1876 г. приступил к преподаванию в университете, но в 1877 г. покинул Москву и перевелся в Петербург, где стал членом Ученого комитета при Министерстве народного просвещения и одновременно преподавал в университете, где в 1880 г. защитил докторскую диссертацию. Историософия разрабатывается в трактате "Великий спор и христианская политика" (1883–1887), двух выпусках (1883–1888 и 1888–1891) "Национальный вопрос в России", "Китай и Европа" (1890), "Из философии истории" (1891), "Византизм и Россия" (1896). В философских трактатах "Смысл любви" (1892–1894) и "Оправдание добра" (1894–1897) представлена его доктрина "всеединства" и "цельного знания", отраженная в учении о "мировой душе" – Софии. Предчувствие грандиозной катастрофы общемирового масштаба отражено в диалоге "Три разговора" (1899–1900).

Сологуб Федор **(настоящие имя и фамилия — Федор Кузьмич** **Тетерников)**

Родился 17 февраля (1 марта) 1863 года в Санкт-Петербурге, в бедной семье. После приходского училища учился в уездном училище, а затем прошел ускоренную педагогическую подготовку в Петербургском Учительском институте. Окончив институт в 1882, Сологуб отправился с сестрой и матерью преподавать математику в провинцию. В июле 1891 г. знакомится с сотрудником журнала "Северный вестник" Н.Минским. В 1892 года, переселившись в Петербург и продолжая преподавать в школе, Сологуб становится постоянным сотрудником "Северного вестника" и входит в круг русских символистов, где в апреле 1893 года получает свой "аристократический" псевдоним. Стихи его печатаются во многих петербургских журналах и газетах; он пишет множество рецензий, заметок и статей, заканчивает и

печатает в 1896 первый роман из провинциальной учительской жизни "Тяжелые сны" (начатый еще в 1882). В 1893—1897 в "Северном вестнике" были помещены 17 его стихотворений, пять статей на общественные темы, множество рецензий. В 1896 г. за преподавательскую службу ему пожалован орден Св. Станислава 3-й степени, в марте отдельным изданием выходит роман "Тяжёлые сны", а в октябре — "Тени" — объединённый сборник рассказов и второй книги стихов. В 1902 был закончен его второй роман "Мелкий бес", опубликованный в 1905 в журнале "Вопросы жизни", а в 1907 вышедший несколькими изданиями. Следом выходят первые пьесы и книги рассказов, новый роман "Навы чары" (1907—1909), что еще более усиливает популярность Сологуба. Весь 1913 год прошел в гастрольных поездках — вместе с Чеботаревской и Северяниным отправляется по городам России с лекциями. Тогда же издательство "Сирии" начинает выпуск нового собрания сочинений Ф. Сологуба — уже в 20 томах, но его выход прекращается в 1914 с началом Первой мировой войны. Перед самой войной, в апреле-июне 1914 года Ф. Сологуб едет за границу, где читает лекцию "Искусство наших дней" в Берлине и Париже.

Токвиль Алексис (Tocqueville, Alexis Charles Henri Maurice Clerel dé) 1805–1859

Французский политолог, историк и государственный деятель. Родился в Вернёй (ныне Вернёй-сюр-Сен) 29 июля 1805. Получил юридическое образование, стал помощником судьи. Устав от своих обязанностей судьи и полный сомнений в перспективах своей карьеры после июльской революции 1830, добился отпуска для изучения реформы пенитенциарной системы и методов уголовного наказания в США. Его книга "О демократии" (*De la démocratie*, 4 vol., 1835–1840; в английском переводе *Democracy in America*), главный результат пребывания в США, была первым глубоким анализом американской политической жизни. После выхода первой части Токвиля сразу получил признание как выдающийся социальный мыслитель; в 1838 он был принят в члены Академии моральных и политических наук, в 1841 – во Французскую академию, в 1839 стал членом палаты депутатов, вошел в комиссию по разработке конституции Второй республики, стал вице-президентом Законодательного собрания в 1849 и в течение нескольких месяцев находился на посту министра иностранных дел.

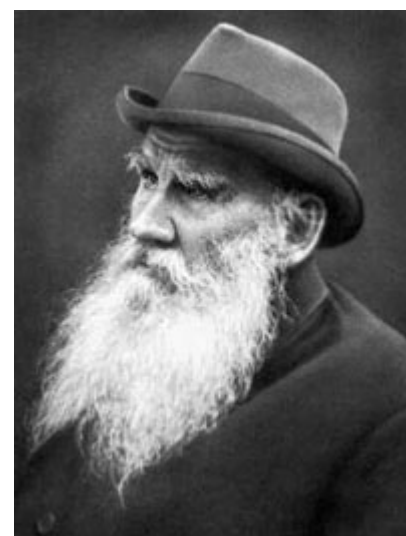

Толстой Лев Николаевич, граф 1828 - 1910

Прозаик, драматург, публицист.

Родился 28 августа (9 сентября н.с.) в имении Ясная Поляна Тульской губернии.

Получил домашнее образование и воспитание. Шестнадцатилетним юношей поступает в Казанский университет, сначала на философский факультет по разряду арабско-турецкой словесности, затем учится на юридическом факультете (1844 - 47). В 1847, не окончив курс, уходит из университета и приезжает в Ясную Поляну. Последующие четыре года проводит в исканиях: пытается переустроить быт крестьян Ясной Поляны (1847), живет светской жизнью в Москве (1848), едет в Петербургский университет держать экзамены на степень кандидата права (весна 1849), определяется на службу канцелярским служащим в Тульское дворянское депутатское собрание (осень 1849).

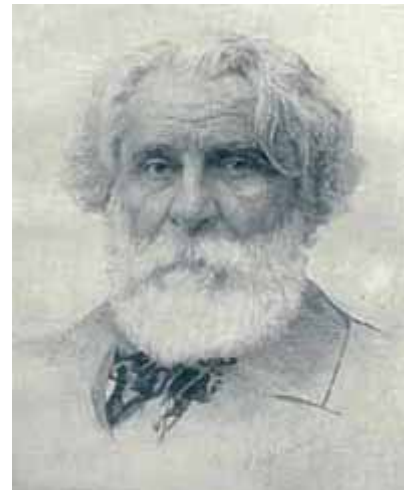
В 1851 уезжает из Ясной Поляны на Кавказ, добровольцем участвует в военных действиях против чеченцев. Эпизоды Кавказской войны описаны им в рассказах "Набег" (1853), "Рубка леса" (1855), в повести "Казачи" (1852 - 63). Сдает экзамен на юнкера, готовясь стать офицером. В 1854, будучи артиллерийским офицером, переводится в Дунайскую армию, действовавшую против турок. На Кавказе всерьез начинает заниматься литературным творчеством, пишет повесть "Детство", которая получает одобрение Некрасова и печатается в журнале "Современник". Позже там будет напечатана повесть "Отрочество" (1852 - 54). Вскоре после начала Крымской войны Толстого по его личной просьбе переводят в Севастополь, где он участвует в защите осажденного города, проявляя редкое бесстрашие. Награждается орденом св. Анны с надписью "За храбрость" и медалями "За защиту Севастополя". В 1855 г., приехав в Петербург, сближается с сотрудниками журнала "Современник", знакомится с И.Тургеневым, И.Гончаровым, А. Островским, Н.Чернышевским. Осенью 1856 г. вышел в отставку и в 1857 г. отправился в полугодовое заграничное путешествие по Франции, Швейцарии, Италии, Германии. В 1859 открывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, где сам проводит занятия. Для изучения постановки школьного дела за границей в 1860 - 61 совершает вторую поездку в Европу, осматривает школы во Франции, Италии, Германии, Англии. В Лондоне знакомится с Герценом, посещает лекцию Диккенса. В мае 1861 возвращается в Ясную Поляну, принимает должность мирового посредника и активно защищает интересы крестьян, решая их споры с помещиками о земле, за что тульское дворянство требует отстранения его от должности. В 1862 Сенат издает указ об увольнении Толстого. Начинается тайное наблюдение за ним со стороны III отделения. 1860 - 70-е годы отмечены появлением в свет двух произведений Толстого: "Война и мир" (1863 - 69), "Анна Каренина" (1873 - 77). Новое мирозерцание Толстой выразил в произведении "Исповедь" (1879 - 82), где рассказывает о перевороте в своих взглядах, смысл которых он видел в разрыве с идеологией дворянского класса и переходе на сторону "простого трудового народа". Этот перелом приводит Толстого к отрицанию государства, казенной церкви и собственности. В этот период приходит к полному отрицанию своей предшествующей литературной деятельности, занимается физическим трудом, пашет, шьет сапоги, переходит на вегетарианскую пищу. В 1891 публично отказывается от авторской собственности на все свои сочинения, написанные после 1880. В 1890-е изменяет свое отрицательное отношение к искусству. В эти годы создает драму "Власть тьмы" (1886), пьесу "Плоды просвещения" (1886 - 90), роман "Воскресенье" (1889 - 99). Стараясь привести свой образ жизни в соответствие с убеждениями и тяготясь барским укладом жизни в усадьбе, Толстой 10 ноября 1910 тайно покидает Ясную Поляну. Он простудился и, заболев, 20 ноября скончался в пути на станции Астапово Рязанско-Уральской железной дороги. Похоронен в Ясной Поляне.

Трубецкой Николай Сергеевич 1890—1938

Лингвист, филолог, историк, философ, политолог. Родился в 1890 году в Москве в семье ректора Московского университета, известного профессора философии С.Н.Трубецкого. Еще с гимназических лет всерьез начинает заниматься этнографией, фольклористикой, языкознанием, а также историей и философией. В 1908 году поступил на историко-филологический факультет Московского Университета, посещая занятия по циклу философско-психологического отделения и затем по отделению западноевропейских литератур. В 1912 году закончил первый выпуск отделения сравнительного языковедения и был оставлен на университетской кафедре, после чего командировался в Лейпциг, где изучал доктрины младограмматической школы. Вернувшись в Москву, опубликовал ряд статей по северокавказской фольклористике, проблемам финно-угорских языков и славяноведению. Был активным участником Московского лингвистического кружка, где наряду с вопросами языкознания вместе с учеными и литераторами серьезно изучал и разрабатывал мифологию, народоведение, этнографию, историю культуры, близко подходя к будущей евразийской теме. В 1917 г. уехал в Кисловодск, а 1920 году покидает Россию и

переезжает в Болгарию, где начинает научно-преподавательскую деятельность в Софийском университете в качестве профессора. В этом же году он выпускает свой известный труд "Европа и человечество". В дальнейшем деятельность Трубецкого развивалась по двум направлениям: научная, посвященная филологическим и лингвистическим проблемам и культурно-идеологическая, связанная с участием в евразийском движении. Трубецкой публикуется в "Евразийских временниках" и "хрониках", периодически выступает с докладами в различных городах Европы. Последние годы жизни провел в Вене, где работал профессором славистики в Венском университете. После аншлюса Австрии подвергся притеснениям со стороны гестапо. Значительная часть его рукописей была изъята и впоследствии уничтожена.

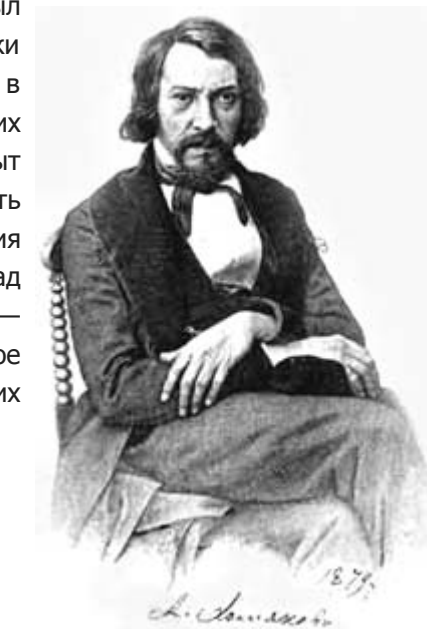
Тургенев Иван Сергеевич 1818 — 1883

Русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1860). В цикле рассказов "Записки охотника" (1847—52) показал черты русского крестьянина, поэзию природы. В социально-психологических романах "Рудин" (1856), "Дворянское гнездо" (1859), "Накануне" (1860), "Отцы и дети" (1862), повестях "Ася" (1858), "Вешние воды" (1872) созданы образы уходящей дворянской культуры и новых героев эпохи разночинцев и демократов, образы самоотверженных русских женщин. В романах "Дым" (1867) и "Новь" (1877) изобразил жизнь русских за границей, народническое движение в России. На склоне жизни создал лирико-философские "Стихотворения в прозе" (1882). Тургенев оказал существенное влияние на развитие русской и мировой литератур.

Ушинский Константин Дмитриевич 1823 или 1824, Тула — 1870, Одесса

Педагог. Родился в дворянской семье, начальное образование получил дома в исключительно благоприятной обстановке. В 1840 поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1844 со званием кандидата. Был назначен исполняющим обязанности профессора кафедры энциклопедии законоведения в Ярославском Демидовском юридическом лицее. В 1859 был переведен инспектором классов Смольного института. Ушинский сумел собрать лучших преподавателей, внес в преподавание новые начала. С 1860 редактировал "Журнал Министерства народного просвещения". В 1862, вынужденный оставить место редактора и работу в институте, Ушинский был направлен в командировку с семьей в Швейцарию для изучения постановки школьного образования, где познакомился с Н.И. Пироговым. Вернувшись в Россию в 1867, Ушинский занимался литературной деятельностью. В своих педагогических трудах ("Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии" и др.) Ушинский обосновывал необходимость формирования цельной личности, считая главной задачей воспитания подготовку человека к самостоятельной жизни. Ушинский много работал над составлением для детей книг для чтения "Детский мир", "Родное слово" — учебник русского языка, выдержавший 157 изданий, и др. Оказал огромное влияние на развитие педагогической мысли, став учителем русских учителей.

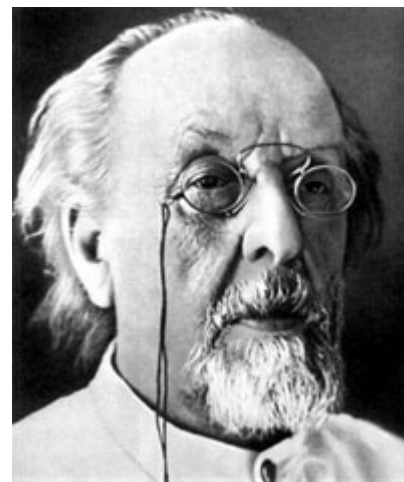

Хомяков Алексей Степанович 1804 — 1860

Поэт, публицист, религиозный философ. Родился в Москве в старинной дворянской семье. Получил прекрасное домашнее образование. В 17 лет сдал экзамен на степень кандидата математических наук при Московском университете. В 1822 г. Хомяков определяется на военную службу сначала в Астраханский кирасирский полк, через год переводится в Петербург в конную гвардию. Устанавливает знакомство с поэтами-декабристами, печатает в "Полярной звезде" стихотворение "Бессмертие вождя" (1824). В 1825 г. оставляет службу, уезжает за границу, занимается живописью и пишет историческую драму "Ермак", которую по возвращении в Москву читает в доме Веневитиновых и получает одобрение слушателей. В 1828 — 29 Хомяков участвует в русско-турецкой войне, после окончания которой выходит в отставку и уезжает в свое имение, решив заняться хозяйством. Не оставляет и литературную деятельность, сотрудничая с различными журналами. Основные теоретические положения славянофильства были изложены им в статье "О старом и новом" (1839). В эти годы усиленно занимается самообразованием, расширяя круг своих научных интересов. В 1838 г. приступает к работе над своим основным историко-философским сочинением "Записки о всемирной истории" ("Семирамида). Публикует статьи "По поводу отрывков, найденных в бумагах И. Киреевского" (1857), "О современных влияниях в области философии" (1859) и др.

Циолковский Константин Эдуардович 5(17).9.1857, с. Ижевское, ныне Рязанской обл., — 19.9.1935, Калуга

Русский и советский учёный и изобретатель в области аэродинамики, ракетодинамики, теории самолёта и дирижабля; основоположник современной космонавтики. С 14 лет занимался самостоятельно. В 1873—76 жил в Москве, изучал физико-математические науки по циклу средней и высшей школы. В 1879 экстерном сдал экзамены на звание учителя и в 1880 назначен учителем арифметики и геометрии в Боровское уездное училище Калужской губернии. Основные работы Ц. (с 1884) были связаны с научным обоснованием цельнометаллического аэростата (дирижабля), обтекаемого аэроплана, поезда на воздушной подушке и ракеты для межпланетных путешествий. С 1896 систематически занимался теорией движения реактивных аппаратов и предложил схемы ракет дальнего действия и ракет для межпланетных путешествий. В 1903 удалось опубликовать часть статьи "Исследование мировых пространств реактивными приборами". В Калуге и Москве сооружены памятники учёному; создан мемориальный дом-музей в Калуге; его имя носят Государственный музей истории космонавтики и пед. ин-т в Калуге, Московский авиационный технологический институт. Именем Циолковского назван кратер на Луне.

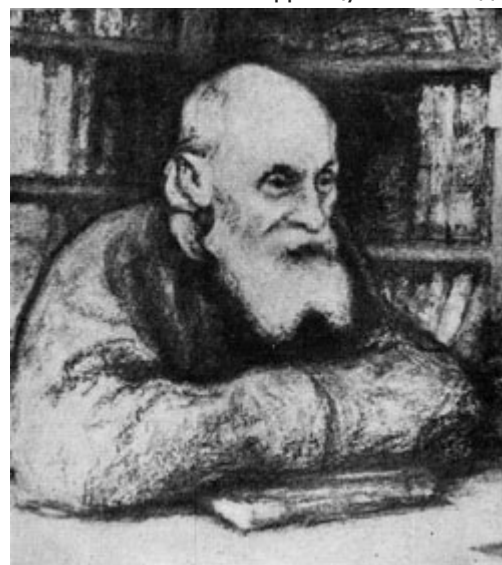
Чаадаев Петр Яковлевич 1794—1856

Русский философ, публицист. Родился 27 мая (7 июня) 1794 г. в Москве в дворянской семье. В 1808 поступил в Московский университет, в 1811 г. оставил его и вступил в гвардию. Участвовал в Отечественной войне 1812, в заграничном походе русской армии. В 1814 г. в Кракове был принят в масонскую ложу. Вернувшись в Россию, Чаадаев продолжил военную службу в качестве корнета лейб-гвардии гусарского полка. В 1821 Чаадаев неожиданно для всех

отказался от военной и придворной карьеры, вышел в отставку, в 1823 отправился в поездку по Европе. В Германии Чаадаев познакомился с философом Ф. Шеллингом. В 1826 г. вернулся в Россию. Одним из способов распространения своих идей Чаадаев сделал частные письма: некоторые из них ходили по рукам, читались и обсуждались как публицистические произведения. В 1836 г. в журнале "Телескоп" опубликовал свое первое Философическое письмо, работу над которым (оригинал был написан по-французски в виде ответа Е. Пановой) начал еще в 1828 г.

Фёдоров Николай Фёдорович 1828—1903

Религиозный философ. Родился в с. Ключи Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую гимназию (1849), затем учился в Ришельевском лицее в Одессе (1849—1852). Путём самообразования приобрёл энциклопедические познания в разных областях науки и искусства. В 1854—1868 преподавал историю и географию в уездных училищах средней России. В 1869—1873 работал в Чертковской библиотеке, в 1874—1898 — в библиотеке Румянцевского музея. Создатель философии музейного и библиотечного дела, выступил с рядом инициатив в области изучения и сохранения исторического и культурного наследия России. Своё учение развивал с 1851, сначала устно, а со второй пол. 1870-х — в крупных работах и статьях. После смерти Фёдорова Н.Ф. его ученики Кожевников В.А. и Петерсон Н.П. подготовили к печати трёхтомное собрание сочинений мыслителя под названием "Философия общего дела" (в свет вышли первые два тома. тт.1—2, 1906—1913). Свою систему называл супраморализмом, обосновывал принципы "совершеннолетней", "сыновней" нравственности ("все мы братья по любви к отцам"), не ограничивая законы этики сферой человеческих отношений, указывая на зависимость нравственного начала в человеке и обществе от материально-природного порядка вещей. Залогом достижения "всеобщего родства" считал преодоление смертоносных сил во внешнем мире и в самом человеке (психофизиологическая регуляция). Считал грехом всякую собственность, даже на книги и идеи, поэтому ничего не публиковал.

Флоренский Павел Александрович 1882-1937

Философ, ученый, религиозный мыслитель. Родился в семье инженера-путейца, служившего в Закавказье. В 1900 окончил 2-ю Тифлисскую классическую гимназию и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Специализируясь по чистой математике, Флоренский параллельно изучал философию. В 1904 г. поступив в Московскую духовную академию в Сергиевом Посаде. После окончания академии Флоренский в 1908 – 1919 гг. преподавал в ней философию, а в 1911 г. принял сан священника. В 1911 – 1917 гг. являлся редактором "Богословского вестника". В 1914 г. защитил магистерскую диссертацию "О духовной истине", став профессором в Московской духовной академии. В этом же году вышел в свет его самый известный богословский труд "Столп и утверждение истины". Флоренский стал автором многих выдающихся работ по богословию, философии, искусствоведению, математике, эстетике, электродинамике, филологии, понимая свою жизненную задачу в проложении путей к будущему цельному мировоззрению. В 1935 г. Флоренский

был отправлен в Соловецкий лагерь, где сделал ряд научных открытий на соловецком заводе йодной промышленности. В ноябре 1937 г. Флоровский был вторично осужден тройкой УНКВД по Ленинградской области.

Флоровский Георгий Васильевич 1893—1979

Религиозный мыслитель, богослов и историк. Родился 28 августа (9 сентября) 1893 в Елизаветграде. В 1916 окончил историко-филологическое отделение Новороссийского университета (в Одессе). В 1919 – приват-доцент кафедры философии и психологии. С начала 20-х гг. в эмиграции. Жил сначала в Софии, а затем в Праге. В эти годы Флоровский стал одним из основателей евразийского движения, участвовал в евразийском сборнике-манифесте “Исход к Востоку” (1921). В 1923 г. защитил в Праге магистерскую диссертацию, преподавал на Русском юридическом факультете (1923–1926). Принимал участие еще в двух евразийских сборниках – “На путях” (Берлин, 1922) и “Россия и латинство” (Берлин, 1923). Порвал с евразийством после публикации статьи “Евразийский соблазн”. В 1926 г. переехал в Париж. С 1926 — проф. кафедры патрологии Русского института богословия в Париже. В 1932 принял сан священника. В годы Второй мировой войны Флоровский жил в Югославии. В 1946 возвратился в Париж, в 1948 переехал в США. С 1948 был деканом Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Участвовал в экуменическом движении, избирался в исполнительный комитет Всемирного совета церквей (1948). В 1948–1955 – профессор (с 1951 – декан) Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке. С 1956 — проф. истории Восточной церкви в Гарвардском ун-те. Один из учредителей Всемирного совета церквей. В последние годы жизни преподавал в Принстонском университете на отделении богословия и славяноведения.

Энгельс Фридрих 1820—1895 гг.

Немецкий философ, один из основоположников марксизма. Основные философские идеи представлены в работах: “Диалектика природы”, где изложено диалектико-материалистическое понимание природы; “Анти-Дюринг” — систематическое изложение всех трех составных частей марксизма (диалектический и исторический материализм, марксистская политэкономия, теория научного коммунизма); “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии”, где раскрыто соотношение между классической немецкой философией, в особенности философией Гегеля и Фейербаха как одним из теоретических источников марксизма, и диалектически-материалистической философией К. Маркса, дано определение основного вопроса философии и очерк материалистического понимания природы.

Эрн Владимир Францевич 1882—1917

Русский философ. Родился в Тифлисе 5 (17) августа 1882. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1904), впоследствии стал доцентом и профессором. Сотрудничал с издательством “Путь” и в 1912 выпустил труд “Г.С.Сковорода. Жизнь и учение”. Обе его диссертации: магистерская и докторская — были посвящены творчеству итальянских католических мыслителей. В начале 1917 г. увидела свет первая часть его последней, так и не завершённой

работы "Верхнее постижение Платона". В цикле статей (вошедших впоследствии в сборник "Борьба за Логос" (1911) Эрн доказывал оригинальность русской философской традиции, особо подчеркивая значение творчества таких отечественных мыслителей, как Г.С. Сковорода, Вл.С. Соловьев, П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, Л.М. Лопатин, А.А. Козлов, С.Н. Трубецкой.

Яковенко Борис Валентинович 1884–1949

Русский философ. Родился 23 мая (4 июня) 1884 г. в Твери. Окончил в 1903 классическую гимназию в Петербурге и поступил в Московский университет. В 1905 г. участвовал в революционном движении. Уехал за границу и продолжил учебу в Гейдельбергском университете. С 1908 г. сотрудничал в журнале "Вопросы философии и психологии", стал одним из организаторов и редакторов журнала "Логос" (1910), много занимался переводами (Фихте, Кроче и др.). С 1913 г. жил за рубежом (сначала в Италии, а затем в Праге). Яковенко постоянно выступал с критикой русской религиозной философии, полемизировал с Н.Бердяевым, В.Эрном, С.Булгаковым и др. В 1920-е гг. пытался возобновить в Праге издание "Логоса". Издавал на немецком языке журнал "Русская мысль: Международный журнал по русской философии" и сборник Международная библиотека по философии (1935–1944). В 1938 г. на чешском языке вышла его "История русской философии", а в 1940 г. на немецком – "История гегельянства в России".

Литература к теме 1

Основная

1. Ванчугов В. В. Русская мысль в поисках "нового света": "золотой век" американской философии в контексте российского самопознания. М.: УНИКУМ-центр, 2000, С. 6-58.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. - Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997.
3. Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии. Уральский университет, 1991.
4. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000, т.3, С. 39-43.
5. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995, С. 109.
6. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула, 1986, С. 66.
7. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1984, Т.4, С. 601.
8. Фалькенберг. История новой философии (От Николая Кузанского до настоящего времени. СПб., 1894.
9. Гавриил, арх. Русская философия /Предисловие, подготовка текста, примечания - В.В.Ванчугов/. - М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2005, С. 4-20.

Дополнительная

1. История русской философии: Учебник для вузов /Редколлегия: М. А. Маслин и др./ - М.: Республика, 2001. - 639 с.
2. Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. Изд. 4-е. М., 2001.
3. Русская философия: Словарь. М., 1995. Допечатка: - М.: Терра - Книжный клуб; Республика, 1999. - 656 стр.
4. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000, тт.1-4.
5. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

6. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
7. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004
8. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура/ Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
10. Вунд В. Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
12. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998, №1.
13. Сорокин Ю.А. , Марковина И.Ю. Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
14. Филиппова М.М. Парадоксы и стереотипы межкультурного общения представителей русской и британской культур. Вестник МГУ. Сер.9.Филология. 2002, №3.
15. Широканов Д.И., Алексеева Е.А. Стереотипы и динамика мышления. Минск, 1993.
16. Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
17. Платонов Ю. П. Психология национального характера: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2007.
18. Мнацаканян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. Учебное пособие для ВУЗов. М.: Юнити, 2004.
19. Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998.
20. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
21. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.

Литература к теме 2

Основная

1. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Герцен А.И. Собр.соч. в тридцати томах. Т. V. М., 1955.
2. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников в двух томах. М., 1983, Т.2, С. 159.
3. Надеждин Н. И. Сочинение в двух томах (Т. I: Эстетика. Т. II: Философия). СПб., 2000, С. 735, С. 280, С. 594.
4. Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988, С. 61.
5. Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. М., 1948, Т.1, С. 528-529.
6. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979, С. 168-169, 171-172.
7. Герцен А. И. Сочинения в 2-х томах. Т.2, М., 1986, С. 109-110.

Дополнительная

1. Ж.-Ж. Руссо: Pro et contra : идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752-1917) : антология. - Санкт-Петербург : изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. - 829 с.
2. Черкасов П.П. Двуглавый орёл и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700-1775. - М.: Наука, 1995.
3. Вольтер и Россия. М., 1999.
4. Кюстин А. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1-2.

5. Строев А. Война перьев: французские шпионы в России во второй половине XVIII века// Логос, №3 (24), 2000, стр. 18-43
6. Иконников В. С. Сношения России с Францией (XVI-XVIII вв.) Исторический очерк. Киев, 1893.
7. Карп С. Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998.
8. Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. Образ "другого" в культуре. 1993. М., 1994.
9. Марисина И. М. Россия - Франция : Век восемнадцатый. М., 1995.
10. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999.
11. Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 1-3. М., 1995-2000.

Литература к теме 3

Основная

1. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских: (XIX век) / РАН. Ин-т всеобщ. истории. - М., 2000.
2. Русское общество 40-50-х гг. XIX в.. М., 1991.
3. В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, С. 488.
4. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994, Т.2, С. 446.
5. Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли. - Полное собрание сочинений. М., 1991, Т.1, С. 450.
6. Надеждин Н. И. Сочинение в двух томах (Т. I: Эстетика. Т. II: Философия). СПб., 2000, С. 735, С. 287.
7. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994, Т. 1, С. 303.
8. Бердяев Н. А. Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М., 1990, С. 35.

Дополнительная

1. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. 1997.
2. Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.
3. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
4. Фридрих Шеллинг: pro et contra. - Русский путь, РХГИ, М., 2001.
5. Философия Шеллинга в России XIX века. - СПб., РХГИ, 1998.
6. Ф. Ницше: Pro et Contra. Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр Ю. В. Синеокой. - СПб.: РХГИ, 2001.
7. Кант и кантианцы: Критические очерки одной философской традиции. - М., 1978.
8. Абрамов А.И., Сулова Л.А. Кант в России // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. - М., 1999.
9. Россия и Германия: Опыт философского диалога. - М., 1993.
10. Кант и философия в России. - М., 1994.

Литература к теме 4

Основная

1. Маркс К., Энгельс Фр. Сочинения (2-е изд.), Т.1, С. 589.

2. Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956, Т.2, С. 84.
3. Герцен А. И. Сочинения в двух томах. М., 1985, Т.1, С. 393.
4. Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988, С. 192-193.
5. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т.1: Философская публицистика. М., 1989, С. 61.

Дополнительная

1. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982.
2. Погодин М.П. Год в чужих краях, 1839. Дорожный дневник. М., 1844.
3. Шевырев С.П. Взгляд русского на образование Европы. - Москвитянин, 1844, кн.1.
4. Златковский М.Л. Джон Буль конца века. Политическая трагикомедия в пяти картинах. СПб., 1899.
5. Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909, с. VIII, X; его же. Записки генерала-еврея. Orange (Conn.), 1987.
6. Дионео. Очерки современной Англии. СПб., 1903; его же. Английские силуэты. СПб., 1905; его же. На темы о свободе. СПб., 1908; его же. Меняющаяся Англия, 3-е изд. СПб., 1915.
7. Чуковский К. Накануне победы. Пг., [б.г.]; его же. Заговорили молчавшие. Англичане и война. Пг., 1918.
8. Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию, т. 1-2. Пг., 1915.
9. Россия и Англия. Пг., 1915.
10. Проблемы Великой России, 1916, № 1.
11. Академик Е.А. Косминский о культурных связях России и Англии в XVII-XIX вв. - Исторический архив, 1994, № 6.
12. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
13. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век - первая половина XIX века). - Литературное наследство, т. 91. М., 1982; его же. Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
14. Павловская А.В. Англия и англичане. М., 2004.
15. Образ врага. Сборник. М., 2005.
16. Кросс Э.Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб, 1996;

Литература к теме 5

Основная

1. Эстетика американского романтизма. М., 1997.
2. Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1979, С. 78-79.
3. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992, С. 296.
4. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1995, Т.2, С. 122.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. - М., 1997, С. 223, 326, 331.
6. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула, 1986, С. 66.
7. Рерих Н. О Вечном.... М., 1991, С. 222-224.
8. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995, С. 164.
9. Розанов В. В. Среди художников. М., 1994, С. 112, 317
10. Юшкевич П. Новые веяния. Очерки новых религиозных исканий. СПб., 1911, С. 56.
11. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998, С. 101, 116

12. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М., 1994, С. 53.
13. Лосский Н. О. Воспоминания (жизнь и философский путь). СПб., 1994, С. 286-287.
14. Лопухин А. Религия в Америке. СПб., 1882, С. 2.
15. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения в шести томах. М., 1988, Т.1, С. 258, 297
16. Ванчугов В. В. Русская мысль в поисках "нового света": "золотой век" американской философии в контексте российского самопознания. М.: УНИКУМ-центр, 2000.

Дополнительная

1. Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век. М., 1999.
2. Яковенко Б. В. Очерки американской философии. Берлин, 1922.
3. Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. М., 1968, Т.1-2.
4. Крашенинникова В. Америка - Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007.
5. Энциклопедия российско - американских отношений 18 - 20 вв. М., 2001.
6. Поворницин Б.И. Русский вопрос глазами американцев. Пермь. 2002.
7. Рукавишников В.О. Отношение американцев к современной России // Социологические исследования. 2004. № 11.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997.
9. Юрьева Т.С. Портрет в американской культуре XVIII века. СПб. Изд-во "Бельведер", 2001.
10. П. П. Свинын. Американские дневники и письма (1811-1813). М.: Издательский дом "Парад", 2005. 559 с.
11. Болховитинов Н. Н. Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001.

Литература к теме 6

Основная

1. Гавриил, арх. Русская философия /Предисловие, подготовка текста, примечания - В.В.Ванчугов/. - М.: РУДН, 2005.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. М., 1848, Т.1, С. 639-640
3. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений. М., 1991, Т.1, С. 530-531
4. Аксаков Н. П. О христианском Востоке и Западе. - Благовест, 1892, № 33-34.
5. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1885-1886.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995, С. 254.
7. Бердяев Н. А. Восток и Запад. - Путь, 1927, 1930, № 23.
8. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
9. Бицилли П. М. Восток и Запад в истории Старого Света. - На путях. Утверждение евразийцев. Москва - Берлин, 1922, Кн. 2.
10. Перцов П. П. Между старым и новым. СПб. (1911). - См.: В.В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995, Кн.2, С. 175
11. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1988, Т.2, С. 695.

12. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997, С. 223
13. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, С. 87.

Дополнительная

1. Клинтон Гарднер. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души (пер. с англ.). М., 1993.
2. Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема Восток-Россия-Запад в философском наследии П. Я. Чаадаева. - Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988, Вып.3.
3. Сербиненко В. В. К характеристике образа дальневосточной культуры в русской общественной мысли XIX в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989.
4. Сербиненко В. В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994
5. Верещагин В.В. О зарубежном Востоке. М. 2001
6. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Воспоминания. М. 1907
7. Зинченко Н.Е. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. СПб. 1898
8. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток. СПб. 2000
9. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977
10. Молодяков В.Э. Концепция "двух Востоков" и русская литература Серебряного века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 49. 1990
11. Молодяков В.Э. "Восток Ксеркса" (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1.
12. История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М. 1997
13. - Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 1 - 5. М., 1982 - 1989.
14. Сербиненко В.В. Дальневосточная тема в русской философии XIX в. - Евразийская идея и современность /Сб.ст. под ред. Н.С.Кирабаева, А.В.Семушкина, С.А.Нижникова. М.: Изд-во РУДН, 2002 г. 270 с.
15. Образ Китая в поэзии А.С. Пушкина и трудах мыслителей XIX века. Язык, культура , менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Сборник материалов международной научной конференции. СПб, 2003. С. 190 - 194.
16. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX - XX вв. Часть 1.. 183 с.
17. Образ Китая в русской общественной мысли и поэзии XIX - XX вв. Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся. Сборник материалов международной научной конференции. Воронеж, 2002. С. 64 - 67.
18. Образ Китая в русской поэзии XX века. Мифы и реальность. Рациональное и эмоциональное в фольклоре и литературе.. Сборник научных трудов международной научной конференции. Волгоград, 2004. С. 181 - 188.

Литература к теме 7

Основная

1. Гавриил, арх. Русская философия /Предисловие, подготовка текста, примечания - В.В.Ванчугов/. - М.: РУДН, 2005.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. М., 1848, Т.1, С. 639-640
3. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений. М., 1991, Т.1, С. 530-531
4. Аксаков Н. П. О христианском Востоке и Западе. - Благовест, 1892, № 33-34.

5. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1885-1886.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995, С. 254.
7. Бердяев Н. А. Восток и Запад. - Путь, 1927, 1930, № 23.
8. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
9. Бицилли П. М. Восток и Запад в истории Старого Света. - На путях. Утверждение евразийцев. Москва - Берлин, 1922, Кн. 2.
10. Перцов П. П. Между старым и новым. СПб. (1911). - См.: В.В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995, Кн.2, С. 175
11. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1988, Т.2, С. 695.
12. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997, С. 223
13. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, С. 87.

Дополнительная

1. Клинтон Гарднер. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души (пер. с англ.). М., 1993.
2. Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема Восток-Россия-Запад в философском наследии П. Я. Чаадаева. - Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988, Вып.3.
3. Сербиненко В. В. К характеристике образа дальневосточной культуры в русской общественной мысли XIX в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989.
4. Сербиненко В. В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994
5. Верещагин В.В. О зарубежном Востоке. М. 2001
6. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Воспоминания. М. 1907
7. Зинченко Н.Е. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. СПб. 1898
8. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток. СПб. 2000
9. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977
10. Молодяков В.Э. Концепция "двух Востоков" и русская литература Серебряного века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 49. 1990
11. Молодяков В.Э. "Восток Ксеркса" (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1.
12. История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М. 1997
13. - Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 1 - 5. М., 1982 - 1989.
14. Сербиненко В.В. Дальневосточная тема в русской философии XIX в. - Евразийская идея и современность / Сб.ст. под ред. Н.С. Кирабаева, А.В. Семушкина, С.А. Нижникова. М.: Изд-во РУДН, 2002 г. 270 с.

Литература к теме 8

Основная

1. Историко-философский ежегодник `87. М., 1987, С. 287-288.
2. Глинка Ф. Н. Письма к другу. М., 1990, С. 386.
3. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995, С. 164.
4. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М.: Республика, 2005.

5. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
6. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. 1997.
7. Славянофильство: Pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 2006.
8. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
9. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920.
10. Петр Первый: pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 2003.
11. Славянофильство: Pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 2006.
12. Чаадаев П.: pro et contra. Антология. СПб.: Русский путь, 1998.
13. К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн.1-2 СПб., 1995.

Дополнительная

1. Гальцева Р. Образы России и Европы. Процесс философского взаимопонимания // Альфа и Омега культуры. - М.: ИНИОН, 1998.
2. Казаринова Д.Б. Европейская интеграция: политико-институциональное и социокультурное измерения. Монография. - М.: РТВ-медиа, 2006. - с.160
3. Зимин А.И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М.:Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2000.
4. Игрицкий Ю.И. Восточноевропейское цивилизационное пространство в XXI в. //Европа на пороге XXI в.: ренессанс или упадок? М.: ИНИОН РАН, 1998.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Тема 1.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ" . В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://feb-web.ru/>

Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" (ФЭБ) — это сетевая многофункциональная информационная система, аккумулирующая информацию различных видов (текстовую, звуковую, изобразительную и т. п.) в области русской литературы XI-XX вв. и русского фольклора, а также истории русской филологии и фольклористики. ФЭБ представляет собой, во-первых, репозиторий текстов (источников, исследовательской и справочной литературы), а во-вторых, эффективный инструмент для их анализа. Электронная форма представления информации и современное программное обеспечение предоставляют исследователям и читателям качественно новые, по сравнению с традиционными, средства работы с огромными информационными массивами. Электронная библиотека получила название "фундаментальной", так как она создается с установкой на глобальный охват и полноту представления материалов по вынесенным в ее название темам. Разумеется, такая задача не достижима моментально: ФЭБ является динамической системой, развивающейся в соответствии с потребностями профессиональной сферы, которую она обслуживает.

<http://rvb.ru/>

Русская виртуальная библиотека

Тема 2.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://www.ccf-moscou.ru/>

Французский культурный центр в Москве

Тема 3.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ" . В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://www.goethe.de/ins/ru/mos/ruindex.htm>

Гёте-Институт является учреждением культуры Федеративной Республики Германия, отделения которого работают во многих странах мира. Его деятельность направлена на популяризацию немецкого языка за рубежом и расширение международного сотрудничества в области культуры. Центр предоставляет актуальную информацию о культурной, общественной и политической жизни Германии, формируя таким образом объективное представление о ней во всем мире. Наряду с представительствами Гёте-Института за

рубежом действует целая сеть культурных центров, обществ, читальных залов, а также экзаменационных и языковых центров. Работа всех этих учреждений направлена на осуществление внешней культурной и образовательной политики Германии.

Тема 4.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ" . В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://rvb.ru/>

Русская виртуальная библиотека

Тема 5.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература;

Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ" . В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://rvb.ru/>

Русская виртуальная библиотека

Тема 6.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ" . В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и

библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.iea.ras.ru/>

Сайт ИЭА РАН содержит развернутую информацию о научной деятельности института - отделах, конференциях, проектах, изданиях, полевой деятельности, Ассоциации этнографов и антропологов России. Электронный архив сайта включает в себя выпуски ряда периодических изданий института, ежегодные отчеты учреждения и многое другое. Эту информацию дополняет подборка ссылок на основные антропологические учреждения Европы и Америки.

<http://www.kunstkamera.ru/>

Веб-ресурс старейшего музея России - Петровской Кунсткамеры - содержит информацию о музейных коллекциях и научных отделах МАЭ, конференциях и проектах; информацию о последних выставках и экспозициях. Посетители могут совершить экскурсию по нескольким виртуальным выставкам, залам музея, прочитать научное описание коллекций.

<http://www.ethnomuseum.ru/>

Российский этнографический музей. Помимо общей музейной информации (расписание работы, анонсы предстоящих выставок, стоимость билетов, контактные телефоны), на сайте РЭМ содержится целый ряд интересных подразделов: "Атрибуция музейного памятника" - крайне полезный справочник для музейных работников с подробнейшими рекомендациями по заполнению научных паспортов; "Из истории музея"; "Детский этнографический центр"; подробный раздел "Обзор коллекционного собрания", систематизированный тематически; еще более подробный обзор финно-угорских коллекций Музея с описанием коллекций, справками о народах и основной библиографией; большая информация о научных подразделениях РЭМ.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://www.vostlit.info/>

Сайт "Восточная Литература": средневековые исторические источники Востока и Запада.

<http://feb-web.ru/>

Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" (ФЭБ) — это сетевая многофункциональная информационная система, аккумулирующая информацию различных видов (текстовую, звуковую, изобразительную и т. п.) в области русской литературы XI-XX вв. и русского

фольклора, а также истории русской филологии и фольклористики. ФЭБ представляет собой, во-первых, репозиторий текстов (источников, исследовательской и справочной литературы), а во-вторых, эффективный инструмент для их анализа. Электронная форма представления информации и современное программное обеспечение предоставляют исследователям и читателям качественно новые, по сравнению с традиционными, средства работы с огромными информационными массивами. Электронная библиотека получила название "фундаментальной", так как она создается с установкой на глобальный охват и полноту представления материалов по вынесенным в ее название темам. Разумеется, такая задача не достижима моментально: ФЭБ является динамической системой, развивающейся в соответствии с потребностями профессиональной сферы, которую она обслуживает.

<http://rvb.ru/>

Русская виртуальная библиотека

<http://www.pvost.org/>

На сайте Центра "Петербургское Востоковедение" можно ознакомиться со всеми книжными новинками соответствующей тематики, найти полную библиографию, тексты, переводы.

Тема 7.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ" . В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://anthropology.ru/ru/index.html>

Интернет-проект "Философская антропология" стратегической целью ставит создание открытого коммуникативного пространства для широкого обсуждения философско-антропологической проблематики.

<http://www.iea.ras.ru/>

Сайт ИЭА РАН содержит развернутую информацию о научной деятельности института - отделах, конференциях, проектах, изданиях, полевой деятельности, Ассоциации этнографов и антропологов России. Электронный архив сайта включает в себя выпуски ряда периодических изданий института, ежегодные отчеты учреждения и многое другое. Эту информацию дополняет подборка ссылок на основные антропологические учреждения Европы и Америки.

<http://www.kunstkamera.ru/>

Веб-ресурс старейшего музея России - Петровской Кунсткамеры - содержит информацию о музейных коллекциях и научных отделах МАЭ, конференциях и проектах; информацию о последних выставках и экспозициях. Посетители могут совершить экскурсию по нескольким виртуальным выставкам, залам музея, прочитать научное описание коллекций.

<http://www.ethnomuseum.ru/>

Российский этнографический музей. Помимо общей музейной информации (расписание работы, анонсы предстоящих выставок, стоимость билетов, контактные телефоны), на сайте РЭМ содержится целый ряд интересных подразделов: "Атрибуция музейного памятника" - крайне полезный справочник для музейных работников с подробнейшими рекомендациями по заполнению научных паспортов; "Из истории музея"; "Детский этнографический центр"; подробный раздел "Обзор коллекционного собрания", систематизированный тематически; еще более подробный обзор финно-угорских коллекций Музея с описанием коллекций, справками о народах и основной библиографией; большая информация о научных подразделениях РЭМ.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

<http://www.vostlit.info/>

Сайт "Восточная Литература": средневековые исторические источники Востока и Запада.

<http://feb-web.ru/>

Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" (ФЭБ) — это сетевая многофункциональная информационная система, аккумулирующая информацию различных видов (текстовую, звуковую, изобразительную и т. п.) в области русской литературы XI-XX вв. и русского фольклора, а также истории русской филологии и фольклористики. ФЭБ представляет собой, во-первых, репозиторий текстов (источников, исследовательской и справочной литературы), а во-вторых, эффективный инструмент для их анализа. Электронная форма представления информации и современное программное обеспечение предоставляют исследователям и читателям качественно новые, по сравнению с традиционными, средства работы с огромными информационными массивами. Электронная библиотека получила название "фундаментальной", так как она создается с установкой на глобальный охват и полноту представления материалов по вынесенным в ее название темам. Разумеется, такая задача не достижима моментально: ФЭБ является динамической системой, развивающейся в соответствии с потребностями профессиональной сферы, которую она обслуживает.

<http://rvb.ru/>

Русская виртуальная библиотека

<http://www.pvost.org/>

На сайте Центра "Петербургское Востоковедение" можно ознакомиться со всеми книжными новинками соответствующей тематики, найти полную библиографию, тексты, переводы.

Тема 8.

www.humanities.edu.ru

Естественно-научный образовательный портал "Социально-гуманитарное и политологическое образование" (история, философия, международные отношения и государственное и муниципальное управление)". Состав информационных материалов: Учебные планы и программы; Учебные и учебно-методические материалы; Научные и официальные материалы; Курсы лекций; Практические задания, тестирование; Иллюстративный материал; Учебная и научная литература; Специальная литература; Библиография; Ссылки на библиотеки; Периодические электронные издания; Студенческие рефераты; Курсовые и дипломные работы; Диссертации; Биографии ученых; Ведущие преподаватели; Образовательные и научные центры; Государственные и муниципальные органы власти; Статистические данные; Аналитические обзоры; Научные, научно-практические конференции, семинары и симпозиумы; Ссылки на форумы, интернет - конференции, чаты; Новости. Портал рассчитан на 5 групп пользователей: Преподаватель; Учащийся; Менеджер; Исследователь; Абитуриент.

<http://www.vehi.net/>

Электронная Библиотека "ВЕХИ". В электронной Библиотеке "ВЕХИ" осуществляется систематическая публикация сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. Библиотека состоит из разделов, посвященных творчеству как отдельных религиозных писателей, так и отдельным религиозно-философским, богословским или историческим темам.

<http://www.hrono.ru/>

ХРОНОС - всемирная история в интернете

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Основания, целевая аудитория и ориентированность учебно-методического комплекса.

Цель данного курса – *ознакомление* магистров со специфическим кругом вопросов, изучаемых философией в сфере культурной и цивилизационной коммуникации, формирование общего представления о достижениях отечественной философской мысли.

Учебно-методический комплекс “Этнософия: образы наций в русской философской мысли” разработан в соответствии с государственным образовательным стандартом, требованиями к мультимедийным учебным пособиям и отражает передовые возможности создания интегрированных информационных обучающих систем и современные научные разработки по данной проблеме.

Структура, содержание и образовательные возможности учебно-методического комплекса.

Ядром комплекса является структурированный в соответствии с целями и задачами курса лекционный материал (темы), включающий систему гипертекстовых ссылок, расширяющих, уточняющих или иллюстрирующих представленный лекциях материал.

Каждая тема включает несколько видов гиперссылок:

- ссылки на хрестоматийный материал, основная цель которых – предоставить возможность обучающемуся “погрузиться” в содержание оригинальных работ ученых, анализируемых в конкретной лекции, и познакомиться с первоисточниками, характеризующими определенный этап развития философского знания;
- ссылки на иллюстративный материал, дополняющие содержательно-смысловой ряд темы визуальными образами, в первую очередь портретами философов и ученых, упоминаемых в лекции;
- ссылки, справочно-информационного и дополнительного к основному содержанию темы характера, позволяющие уточнить определения используемых терминов и понятий, биографические и библиографические сведения об ученых, познакомиться со специализированными сайтами и web-ресурсами по изучаемой теме.
- ссылки на структурные элементы текста лекции и всего курса (оглавление, номер темы, пункты и подпункты и т.д.) помогающие оперативно и точно перемещаться по тексту в поисках необходимой взаимосвязанной информации.

Кроме этого, учебно-методический комплекс предоставляет возможность самостоятельной проверки уровня освоения материала за счет ответов на предлагаемые вопросы и тестовые задания по теме лекции.

Рекомендуемый порядок работы с учебно-методическим комплексом.

Работу с учебно-методическим комплексом следует начинать со знакомства с его содержанием, программой курса и возможностями по управлению комплексом. Это позволит обучающемуся сориентироваться в объеме предлагаемого к изучению материала, понять уровень его сложности и освоить навыки полномасштабного использования всех ресурсов, включенных в состав комплекса.

Знакомство с темой следует начать с прочтения всего текстового материала в полном объеме (первичное, ориентировочное чтение на общее понимание содержания и формирование завершеного образа темы). При этом не целесообразно пользование гиперссылками, даже если появляются вопросы с трактовкой того или иного термина или возникает желание познакомиться с биографией того или иного ученого или его портретом. Обращаем внимание на обязательное прочтение при этом проверочных вопросов по теме, которые располагаются в конце основного текста лекции.

Затем необходимо опять начать чтение текстового материала лекции (погружающее чтение обеспечивающее углубленное знакомство с темой) ориентируясь на запоминание фактических данных (даты, названия работ, фамилии ученых и т.д.) и уточняя с помощью системы гиперссылок содержание используемых терминов и понятий. На этом этапе рекомендуется активное использование иллюстративных и справочно-информационных гиперссылок.

На третьем этапе прочтения текста лекции (контекстное чтение) следует познакомиться с приводимым в теме хрестоматийным материалом, используя при этом гиперссылки хрестоматийного характера. При этом следует в полном объеме познакомиться со всеми дополнительными материалами по теме лекции (биографии и библиографии ученых, содержание специализированных ссылок на Интернет-ресурсы и т.д.).

После завершения изучения содержания темы, следует используя систему контрольных заданий и тестовых вопросов, определить степень знакомства с базовыми положениями лекции. Проверочная система учебно-методического комплекса позволяет выполнить эту работу в интерактивном режиме, возвращаясь (при неправильном ответе на контрольный вопрос) к тому фрагменту лекции, где может содержаться подсказка или готовый ответ.

Безусловно, предлагаемый порядок работы с учебно-методическим комплексом может быть видоизменен и сокращен в зависимости от уровня подготовленности обучаемого и с учетом его индивидуально-психологических особенностей.

Дополнительные возможности.

Расширенное использование учебно-образовательного комплекса возможно при подготовке и проведении исследовательских работ по проблемам философии (подготовка курсовых и дипломных работ). Это относится не только к конкретным фактологическим данным, приводимым в данном мультимедийном курсе, но и к базам данных, включенным в учебно-методический комплекс (словарь персоналий, материалы web-ресурсов и т.д.).

При этом следует иметь в виду, что философия – это динамично развивающаяся область знания, постоянно взаимодействующая с гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами. Поэтому в ходе проводимых учеными исследований возможно получение новых, ранее неизвестных данных о развитии философской мысли и уточнение уже известных результатов и оценок.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТА

Основания, целевая аудитория и ориентированность учебно-методического комплекса.

Учебно-методический комплекс “Этнософия: образы наций в русской философской мысли” разработан в соответствии с государственным образовательным стандартом, требованиями к мультимедийным учебным пособиям и отражает передовые возможности создания интегрированных информационных обучающих систем и современные научные разработки по данной проблеме.

Структура, содержание и образовательные возможности учебно-методического комплекса.

Ядром комплекса является структурированный в соответствии с целями и задачами курса лекционный материал (темы), включающий систему гипертекстовых ссылок, расширяющих, уточняющих или иллюстрирующих представленный в лекциях материал.

Каждая тема включает несколько видов гиперссылок:

- ссылки на хрестоматийный материал, основная цель которых – предоставить возможность обучающемуся “погрузиться” в содержание оригинальных работ ученых, анализируемых в

конкретной лекции, и познакомиться с первоисточниками, характеризующими определенный этап развития философского знания;

- ссылки на иллюстративный материал, дополняющие содержательно-смысловой ряд темы визуальными образами, в первую очередь портретами философов и ученых, упоминаемых в лекции;
- ссылки, справочно-информационного и дополнительного к основному содержанию темы характера, позволяющие уточнить определения используемых терминов и понятий, биографические и библиографические сведения об ученых, познакомиться со специализированными сайтами и web-ресурсами по изучаемой теме.
- ссылки на структурные элементы текста лекции и всего курса (оглавление, номер темы, пункты и подпункты и т.д.) помогающие оперативно и точно перемещаться по тексту в поисках необходимой взаимосвязанной информации.

Рекомендуемый порядок работы с учебно-методическим комплексом.

Работу с учебно-методическим комплексом следует начинать со знакомства с его содержанием, программой курса и возможностями по управлению комплексом. Это позволит обучающемуся сориентироваться в объеме предлагаемого к изучению материала, понять уровень его сложности и освоить навыки полномасштабного использования всех ресурсов, включенных в состав комплекса.

Знакомство с темой следует начать с прочтения всего текстового материала в полном объеме (первичное, ориентировочное чтение на общее понимание содержания и формирование завершенного образа темы). При этом не целесообразно пользование гиперссылками, даже если появляются вопросы с трактовкой того или иного термина или возникает желание познакомиться с биографией того или иного ученого или его портретом. Обращаем внимание на обязательное прочтение при этом проверочных вопросов по теме, которые располагаются в конце основного текста лекции.

Затем необходимо опять начать чтение текстового материала лекции (погружающее чтение обеспечивающее углубленное знакомство с темой) ориентируясь на запоминание фактических данных (даты, названия работ, фамилии ученых и т.д.) и уточняя с помощью системы гиперссылок содержание используемых терминов и понятий. На этом этапе рекомендуется активное использование иллюстративных и справочно-информационных гиперссылок.

На третьем этапе прочтения текста лекции (контекстное чтение) следует познакомиться с приводимым в теме хрестоматийным материалом, используя при этом гиперссылки хрестоматийного характера. При этом следует в полном объеме познакомиться со всеми дополнительными материалами по теме лекции (биографии и библиографии ученых, содержание специализированных ссылок на Интернет-ресурсы и т.д.).

После завершения изучения содержания темы, следует используя систему контрольных заданий и тестовых вопросов, определить степень знакомства с базовыми положениями лекции. Проверочная система учебно-методического комплекса позволяет выполнить эту работу в интерактивном режиме, возвращаясь (при неправильном ответе на контрольный вопрос) к тому фрагменту лекции, где может содержаться подсказка или готовый ответ.

Безусловно, предлагаемый порядок работы с учебно-методическим комплексом может быть видоизменен и сокращен в зависимости от уровня подготовленности магистра.

E Отвечает минимальным требованиям удовлетворительного ответа

X F Оценка 2+ (FX) означает, что студент может добрать баллы только до минимального удовлетворительного ответа

F Неудовлетворительный ответ (либо повтор курса в установленном порядке, либо основание для отчисления)

ОБ АВТОРЕ

Ванчугов Василий Викторович

Место работы - Российский университет дружбы народов

Должность - профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук

Образование - высшее (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Ученое звание - профессор

Квалификация - доктор философских наук

Педагогическая деятельность - с 1994 г. - старший преподаватель кафедры истории философии ФГСН РУДН, с 1997 г. доцент, с 2002 г. – профессор.

Область научных интересов – философия, история философии, ИТ в образовании и науке.

Практическая деятельность в сфере образования (консультирование, тренинги и др.)

- Ведущий преподаватель *Сетевого методического семинара по преподаванию обществознания в школе с использованием ИКТ* (в рамках Федеральной программы Информатизация системы образования (ИСО) при поддержке Национального Фонда подготовки кадров: <http://ido.rudn.ru:8080/ns-forum/ns-forum/index>); октябрь - ноябрь 2007 г.
- Координатор проекта Федеральный портал "*Социально-гуманитарное и политологическое образование*" \ разрабатываемого в рамках Федеральной целевой программы "Развитие единой образовательной информационной среды" по постановлению Правительства Российской Федерации от 28 августа 2001 г. N 630\ (www.humanities.edu.ru); редактор раздела "Философия" \ www.philosophy.edu.ru \ (2002-2006 гг.).
- Руководитель авторского коллектива по разработке *Учебного мультимедиа комплекса по философии для цикла общеобразовательных дисциплин* (включая педвузы) (государственный контракт №3042 от 18.12.03). - М., 2004 г. (при технической поддержке ИДО РУДН).

Монографии:

- Русская мысль в поисках "нового света": "золотой век" американской философии в контексте русского самопознания. М., Уникум-Центр, 2000;
- Москвософия & Петербургология. Философия города. М., РИЦ "Пилигрим", 1997;
- Женщины в философии (из истории философии в России XIX - нач. XX вв.). М., РИЦ "Пилигрим", 1996;
- Очерк истории философии "самобытно-русской". М., РИЦ "Пилигрим", 1994.

Электронный адрес (e-mail) : vanchugov@gmail.com